

ЧЕЛО

альманах

№ 1 [41] 2008

Издаётся с 1995 года

Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого

ШВЕДСКАЯ ОККУПАЦИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В РУССКОЙ КНИЖНОЙ МИНИАТЮРЕ

«Если литературная история „Сказания об осаде“ в редакциях до XVII в. основательно исследована, то изучение редакций XVII—XVIII вв. и в текстологическом, и в искусствоведческом отношении находится ещё на начальном этапе. Некоторое продвижение на этом пути связано с исследованиями искусствоведов. В их трудах содержатся наблюдения над иконографией лицевых рукописей, установлена взаимосвязь миниатюр с клеймами на иконах Тихвинской Богоматери, опубликованы некоторые миниатюры...»

Статью Г.П. Енина читайте на с. 54–60.

СОДЕРЖАНИЕ:

новгород

- Л.Е. Морозова* —
Древнейшая история Новгорода
по «Повести временных лет» 3
- М.Б. Бессуднова* —
Новгородские пленники 6
- Я.Н. Рабинович* —
Порховское восстание 1613 года 12
- О.С. Манылова* —
История газеты
«Новгородские Епархиальные Ведомости» 16
- И.В. Хохлов* —
Воинские храмы Новгородской губернии 20

архив

- М.Ю. Данков* —
Письма с Осударевой дороги 26
- Б.Н. Ковалёв* —
Испанские солдаты на Новгородской земле 36
- С.Ф. Витушкин* —
На Новгородском направлении 41

имена и судьбы

- И.Д. Савинова* —
Утренний поезд до Сент-Петербурга 48
- А.А. Игнатъев* —
Поэт Иван Коневской и Боровичский край 50

вернисаж

- Г.П. Енин* —
Шведская оккупация Новгородской земли
в русской книжной миниатюре 54

мастера

- В.И. Поветкин* —
Самоцветное наследие Симеона 61

кафедра

- С.Н. Азбелев* —
Попытка исказить историю древнейшего монастыря 70
- Т.К. Никольская* —
Религиозная жизнь русского средневековья 74
- М.В. Пулькин* —
Старообрядческие труды в защиту самосожигателей 76
- А.П. Донченко* —
Время вечного возвращения 82

слово

- М.М. Верховланцев* —
Конец старого Весьегонска 86

	перо	
<i>В.Г. Колотушкин</i> — Последний двойник		92
<i>Г.К. Насурдинова</i> — Унесённые оккупацией		98
	exlibris	
<i>К.С. Десятков</i>		101

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БАРКАНОВА Елена
(главный редактор)

БУРЬЯК Марина
ВИТУШКИН Сергей
ДАНЬКО Татьяна
ДУДКИН Виктор
ЗОЗУЛЕНКО Татьяна
КОВАЛЕНКО Геннадий

МОРЫЛЁВА Наталья
ПЕТРОВА Людмила
ПОВЕТКИН Владимир
САВИНОВА Ирина
САКСА Александр
СЕКРЕТАРЬ Людмила
СИГАЛОВА Тамара
ЯДРЫШНИКОВ Владимир
ЯРЫШ Владимир

Древнейшая история Новгорода по «Повести временных лет»

В историографии много лет идёт спор о том, какой город был первой столицей Древнерусского государства: Новгород, Киев или Ладога? При этом под столицей подразумевается город, в котором находилась резиденция князя Рюрика, якобы первого правителя Руси¹.

Главными источниками по данному вопросу являются: «Повесть временных лет», древнейший вариант которой дошёл в составе Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, а также данные археологических раскопок.

Исходя из текста «Повести временных лет», далее — ПВЛ, в Ипатьевской летописи, получается, что первым городом, в котором начал княжить Рюрик, была Ладога². Поэтому некоторые исследователи стали считать, что именно этот город и был первой столицей Руси. Археологические раскопки, казалось бы, этот вывод подтверждают³. Однако мог ли этот северо-западный приграничный городок быть столицей всех древнерусских земель? На наш взгляд, вряд ли, хотя Рюрик вполне мог в нём жить, но не в качестве правителя обширной территории, а в качестве начальника гарнизона крепости, оберегавшей подступы к землям словен. Но в ПВЛ данный факт скрыт. Возникает вопрос: почему? Ответ на него можно найти в истории создания ПВЛ.

Как известно, данное историческое произведение возникло на рубеже XI—XII вв. в двух редакциях, вобрав в себя более раннее летописное сочинение — Начальный свод игумена Никона⁴. Все три текста писались по заданию наследников Ярослава Мудрого, пытавшихся доказать своё право на верховную власть во всех древнерусских землях. Поэтому в них родоначальник княжеской династии Рюрик был представлен полновластным правителем с самого начала появления на славянских землях.

Однако, как выяснили ещё дореволюционные исследователи, главная фраза ПВЛ о полновластии Рюрика была заимствована из англо-саксонской хроники, привезённой на Русь женой Владимира Мономаха английской принцессой Гидой Харальдовной.

ПВЛ

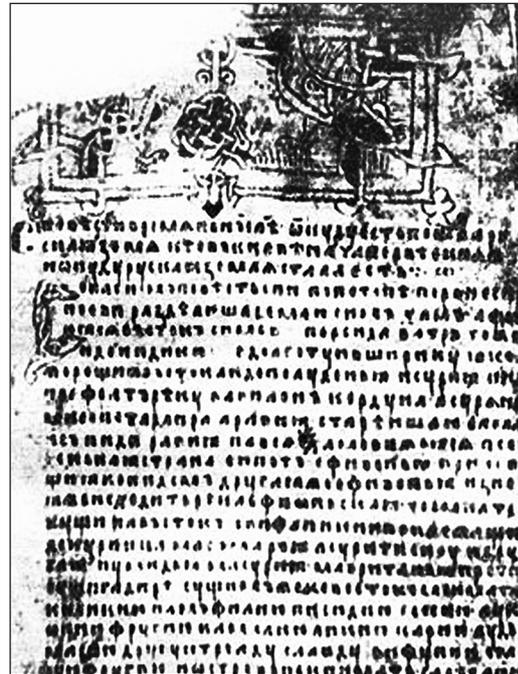
Обращение новгородских посланцев к Рюрику: *«Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет, да поидете княжити и володети нами»*⁵.

Англо-саксонская хроника

Обращение бриттов к князьям: *«Землю обширную, пространную и полную всяческого богатства передаем вашей власти»*⁶.

Таким образом, по данным ПВЛ получалось, что приехавший в 862 г. Рюрик сразу получил от новгородцев всю полноту власти. Однако археологические раскопки показывают, что в середине IX в. Новгород как значительное поселение ещё не существовал. Самый ранний культурный слой относится только к X в.⁷

Значит, Рюрик не мог княжить в ещё не существовавшем Новгороде. Но, может быть, в это время был другой крупный город, например, Киев, куда, по данным ПВЛ, в 882 г. перенёс столицу Олег?⁸ Однако и там археологи не нашли свидетельств существования крупного поселения⁹. Даже в X в. на территории Киева не было настоящего города, а лишь в конце века находилась небольшая по площади резиденция князя Владимира.

Первый лист «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку

Получается, что во времена Рюрика ещё не было столицы, из которой он мог бы управлять древнерусскими землями. Тогда возникает вопрос: кто и для чего пригласил этого князя? Ответ можно найти в ПВЛ. Под 859 г. в ней сообщено, что земли славянских племён и их соседей были захвачены варягами и хазарами. Первые собирали дань с чуди, словен, мери, веси и кривичей, вторые — с полян, северян и вятичей¹⁰. Однако уже в 862 г. племена словен, кривичей, чуди и веси объединились и изгнали варягов¹¹. Так возник племенной союз, который и стал основой древнерусской государственности. У каждого племени, входящего в него, вероятно, были свои главные города, центры сельскохозяйственных районов, общим же центром для всех стал, по нашему мнению, Новгород. Он находился на важных торговых путях и поначалу мог не иметь оседлого населения. Старейшины собирались в это место для обсуждения общих вопросов, связанных с обороной границ от захватчиков с севера и юга, торговлей и т. д.

Возможно, именно здесь было решено собрать с входящего в племенной союз населения средства для найма одного из варяжских князей с родственниками и дружинниками на службу. В задачу этих профессиональных воинов должна была входить охрана границ племенного союза. Выбор, как известно, пал на Рюрика, который, по утверждению автора ПВЛ, был из племени Русь, которое отличалось от шведов, норманнов, англчан и готов¹². Вероятно, он был из племени прибалтийских славян, ободритов, постепенно слившихся с остальными славянами.

Доказательством того, что функции Рюрика были исключительно охранительными, является сообщение Ипатьевской летописи о том, что он первоначально появился в районе Ладоги и срубил там город, т.е. возвёл приграничную крепость, чтобы предотвратить набеги скандинавов. Братья Рюрика отправились в другие приграничные пункты: Изборск и Белоозеро¹³.

Второй задачей наёмников стало освобождение главного в то время торгового пути «из варяг в греки». Для этого в район Киева были посланы отряды под руководством Аскольда и Дира¹⁴. Им удалось выбить из этой местности хазар и создать своеобразный таможенный пункт для проезжавших купцов. С каждого стала взиматься определённая плата, которую Аскольд и Дир, видимо, «клали в свой карман». Обнаружив это, князь Олег расправился с самозванцем и посадил в Киеве свой гарнизон. Он сразу понял выгоду данного места, поскольку здесь можно было собирать плату и с иностранных купцов, и со славянских, а также совершать отсюда завоевательные походы.

В ПВЛ нет точных данных о том, как оплачивалась служба Рюрика и его дружинников. Известно лишь, что обосновавшийся в Киеве Олег потребовал от новгородцев, под которыми, видимо, следует понимать старейшин племенного союза, 300 гривен в год¹⁵. За это он, очевидно, обеспечивал безопасность купцов, ехавших торговать в Византию. Позднее, в 1014 г., князь Владимир I потребовал от своего сына Ярослава, правившего в Новгороде, уже 2000 гривен, очевидно, за те же услуги¹⁶.

В данном случае получается, что новгородцы платили киевским князьям не потому, что были от них зависимы, а потому, что те обеспечивали их безопасность во время торговли с Византией. Дружинники, вероятно, сопровождали купеческие караваны, вынужденные посуху переправляться через днепровские пороги и уязвимые для степняков.

Желая доказать, что Рюрик был полноправным правителем Новгорода, автор ПВЛ указал, что именно он «срубил город над Волховом» и «сел в нем князисть»¹⁷. Однако в более раннем тексте писалось, что Новгород основали сами словене, поэтому их и стали называть новгородцами¹⁸. Как уже отмечалось, во времена Рюрика Новгород как значительное поселение ещё не существовал. Кроме того, по данным археологии, князья никогда не жили в сердце города — Детинце¹⁹. Сначала им разрешалось строить свои резиденции только на Городище (сейчас это место называется Рюриково городище), потом во времена Ярослава Мудрого им было выделено место на Торговой стороне — Ярославово дворце²⁰. Данный факт как нельзя лучше свидетельствует о том, что князья никогда не являлись правителями Новгорода в полном смысле этого слова. Они лишь выполняли некоторые функции, например оборонительные или судебные, и получали за это плату от городской верхушки. При этом неугодные князья с легкостью изгонялись. Эти многочисленные факты не удалось скрыть даже автору ПВЛ.

Тогда возникает вопрос: кто же в реальности правил Новгородом в древнейшие времена? По нашему мнению, первоначально в нём собирались старейшины племён, входящих в союз. К словенам, кривичам, чудь и веси, очевидно, присоединились и меря, поскольку во время похода Олега в 882 г. на юг они также влились в его войско²¹.

Затем, когда был освобождён от варягов и хазар весь «путь из варяг в греки», Новгород становится важным пунктом на нём. Сюда свозятся товары, предназначенные для внешней торговли, и образуется купеческая верхушка, профессионально занимающаяся торговыми операциями. Вокруг селятся ремесленники и всевозможная обслуга. Самые богатые горожане становятся выборными правителями — посадниками. Таким образом, к середине X в. Новгород превращается в один из наиболее крупных и процветающих городов в центральной части будущего Древнерусского государства. Киев в это время — конечный пункт на «пути из варяг в греки». Но здесь князья чувствовали себя полноправными хозяевами и расположили свою резиденцию на самом удобном месте — на высоком берегу над Днепром. Здесь они получали большие доходы от проезжавших мимо купцов и отсюда они совершали завоевательные походы. Но при этом они осознавали, что данный город не является столицей славянских земель.

Анализ договора Олега с греками от 907 г. показывает, что этот князь являлся правителем отнюдь не всех славянских земель. Он потребовал дань только для своих городов, а ими были: Киев, Чернигов, Любеч, Полоцк, Переяславль и Ростов²². Новгород, как и другие северо-западные города, в этот перечень не вошёл. Значит, они находились в ведении Игоря с Ольгой, но на каких условиях они там правили, нам неизвестно.

В договоре Олега с греками от 912 г. тот прямо назван «великим князем Русским», а имени Игоря и Ольги в нём опять нет. Но, как выясняется, под Русью понималась отнюдь не вся территория будущего Древнерусского государства, а только подчинявшиеся Олегу земли: Смоленск и Любеч с окрестностями, Киев, бывшие владения древлян, полян, тиверцов, уличей, радимичей, северян²³. Новгорода и других северо-западных городов и в этом перечне нет.

Вполне вероятно, что для подчинявшихся Олегу земель главным городом был Киев, поскольку сам князь часто в нём бывал. Но общерусской столицей он не являлся. Для этого, на наш взгляд, было несколько причин: находился на самой границе со степью и был очень уязвим для набегов кочевников, по размерам и численности населения был невелик, располагался далеко от наиболее обжитых славянских районов.

В этом отношении Новгород имел значительные преимущества перед Киевом. Поэтому после смерти Олега и ликвидации двоевластия он не потерял свои столичные функции и сохранял их почти до середины XI в.

Доказательством того, что и при Владимире I Святославиче Новгород оставался главным городом, является церковное строительство. Из Новгородских летописей известно, что первым возведённым после крещения Руси собором был новгородский Софийский с 13 деревянными верхами²⁴. Его местоположение, не в центре Детинца, а в стороне на берегу Волхова, может свидетельствовать о том, что строился он по велению князя, но с согласия городской верхушки. Служить в Софийском соборе с 989 г.

стал фактический глава Русской Церкви в то время херсонесский архиепископ Иоаким²⁵.

Споры о том, был ли в то время в Киеве митрополит, легко разрешаются с помощью данных о церковном строительстве в этом городе. Известно, что ещё при князе Игоре там был храм Ильи Пророка, но митрополичьим он никак не мог стать. Кроме того, сразу после крещения Владимир I построил на месте Перунова копища небольшую деревянную церковь в честь своего святого Василия. В ней митрополит также не мог служить. Только в 996 г. было завершено строительство по настоящему величественного Десятинного собора. Но и он не был митрополичьим, поскольку служил в нём херсонесский священник Анастас и доходы он получал из княжеской казны, десятую часть²⁶.

Название новгородского собора Софийский, как в столице Византии — Константинополе, говорит о том, что он являлся главным храмом Древнерусского государства, а значит, Новгород был не только политической, но и церковной столицей в то время.

Можно предположить, что архиепископ Иоаким подчинялся херсонесскому митрополиту, поскольку Херсонес являлся собственностью принцессы Анны Романовны, жены Владимира I. Как известно он был дан ей в качестве вено, т.е. доходы с этого города должны были поступать в личную казну княгини²⁷. Таким образом, Русская Церковь оказалась в подчинении не у византийского императора, а у великой княгини. Поэтому-то Анна удостоилась чести быть похороненной внутри Десятинной церкви. Рядом с её беломраморной гробницей была расположена аналогичная гробница Владимира I. Оба стали одними из первых святых, почитаемых в Русской Церкви²⁸.

Перенос общерусской столицы из Новгорода в Киев, несомненно, был связан с желанием князей обрести всю полноту власти на определённой части славянских земель, той, что не входила в Новгородский племенной союз. Большая их часть была освобождена Олегом и Святославом от власти хазар, и именно она стала называться Русью, в отличие от Новгородской земли.

Новгород стал терять свои столичные функции после того, как Ярослав Мудрый построил в Киеве митрополичий Софийский собор и возвёл ряд построек, аналогичных константинопольским. После учреждения

митрополии церковной столицей стал Киев. Можно предположить, что жена Ярослава Мудрого, шведская принцесса Ингигерд-Ирина, была против переноса столиц, поэтому вместе с сыном Владимиром она занялась строительством большого каменного Софийского собора в Новгороде²⁹. Её сложные взаимоотношения, возможно, нашли отражение в исландских сагах, повествующих о том, что Ярослав, желая произвести на жену впечатление, построил прекрасную палату и пригласил её на пир по поводу завершения стройки. Но Ингигерд заявила, что для неё самой красивой палатой будет та, в которой сидит её возлюбленный норвежский король Олав³⁰. Автор этой саги, несомненно, перепутал события, поскольку на момент завершения киевского строительства Олав давно не было в живых, к тому же он был женат на сестре Ингигерд и даже пользовался гостеприимством Ярослава Мудрого одно время. Более вероятно, что конфликт между супругами произошёл из-за того, что Ярослав решил переселиться в Киев, а Ингигерд желала жить в Новгороде, недалеко от своей родины. Видимо, поэтому она постриглась в монахини под именем Анна и завещала похоронить себя в новом Софийском соборе. В итоге в новгородском соборе появились гробницы святых Анны и Владимира, как в киевском Десятинном храме.

После переноса церковной столицы в Киев этот город вскоре стал считаться и политическим центром. В нём окончательно обустраивается великокняжеская резиденция. В Новгород же по согласию с городской верхушкой направляется наследник великокняжеского престола. Но при этом полновластным правителем в Новгородских землях он не являлся. При малейшем конфликте с местными властями его изгоняли.

Таким образом, русская государственность стала развиваться сразу по двум направлениям: республиканском — в Новгороде и монархическом — в Киеве. Если бы не внешняя экспансия со стороны монголо-татарских ханов, то неизвестно, какое бы из этих направлений в итоге победило. Длительная необходимость борьбы с военной угрозой привела к победе монархического начала. В 70-е годы XV в. Новгородская республика прекратила своё существование, будучи уничтоженной великим князем Московским Иваном III.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб. 1996; Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1981. № 2. С. 32—61 и др.

² Ипатьевская летопись. Рязань. 2001. С. 11.

³ Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога...

⁴ Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и её источники // ТОДРЛ. Т. 4. М.; Л. 1940. С. 11—150; Клосс В.М. Повесть временных лет // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб. 2003. С. 21—23.

⁵ Ипатьевская летопись... С. 11.

⁶ Греков Б.Д. Киевская Русь. М. 1949. С. 17.

⁷ Носов Е.Н. Поселения IX—X вв. в окрестностях Новгорода // Новгородский край. Л. 1984.

⁸ Ипатьевская летопись... С. 13.

⁹ Каргер М.К. Древний Киев. Т. I. М.; Л. 1958. С. 98—126.

¹⁰ Ипатьевская летопись... С. 11.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 12.

¹⁵ Там же. С. 13.

¹⁶ Там же. С. 89.

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ Там же. С. 4.

¹⁹ Орлов С.Н. К топографии Новгорода X—XVI вв. // Новгород. К 1100-летию города. М. 1964. С. 266—267.

²⁰ Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л. 1990; Ипатьевская летопись. Указ. изд. С. 259.

²¹ Ипатьевская летопись... С. 13.

²² Там же. С. 18.

²³ Там же. С. 19.

²⁴ Новгородские летописи. Книга I. Рязань. 2002. С. 1—2.

²⁵ Там же.

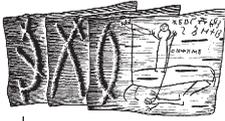
²⁶ Ипатьевская летопись... С. 85.

²⁷ Там же. С. 80.

²⁸ Карамзин Н.И. История государства Российского. Т. I. М., 1989. С. 297.

²⁹ Ипатьевская летопись. Указ. изд. С. 109.

³⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М. 2003. С. 510—511.

НОВГОРОДСКИЕ ПЛЕННИКИ

*Переговорный процесс
по делу освобождения ганзейских купцов,
арестованных при ликвидации
Немецкого подворья в 1494 году*

6 ноября 1494 года по приказу великого князя Московского Ивана III Васильевича (1462—1505) в Великом Новгороде было закрыто Немецкое подворье, на протяжении многих лет являвшееся центром ганзейской деловой активности в пределах русских земель. Роковые последствия этого события очень скоро коснулись тысяч людей, живущих в Северо-Западной Руси и за её пределами — в Ливонии, Германии, Швеции, Нидерландах, однако первыми его жертвами стали ганзейцы, взятые под стражу прямо на месте действия, якобы за то, что в Ревеле были безвинно казнены подданные великого князя.

Тем холодным ноябрьским днём всех обитателей подворья во главе с «хаускнехтом» (главным администратором) Гансом Гартвигом в количестве 47 человек, включая самих купцов, их подручных, священника и его помощника, подростков, которых предусмотрительные родители

направили в Новгород учиться русскому языку, приставы заковали в цепи и поместили в «поруб» прямо на территории двора. Одновременно было конфисковано всё их имущество и товары, которые по традиции хранились в церкви Св. Петра, вся утварь которой также была тщательно описана и затем направлена в государеву казну. По свидетельству ливонских источников, стоимость конфискованного в Новгороде

имущества равнялась огромной по тем временам сумме — 96 тыс. рижских марок¹. Вскоре, 14 ноября, в Бронницах близ Новгорода были задержаны послы ливонских городов ратманы Г. Риммелингсrade и Т. Шрове, которые возвращались домой из Москвы после аудиенции у великого князя. После этого по решению местных властей в Ревеле (Таллинне) и Риге задержали всех находившихся там по торговым делам русских купцов². Впрочем, Шрове как гражданин Дорпата, к которому на тот момент великий князь не имел претензий, был отпущен на свободу, в то время как его коллегу из Ревеля поместили к содержавшимся на подворье пленникам, поскольку гнев «государя вся Руси» касался, в первую очередь, жителей именно этого города.

Закрытие новгородской конторы стало тяжёлым ударом для ганзейского союза, главным образом для возглавляемых Любеком вендских городов, поскольку это означало разрыв традиционных деловых контактов, а значит, резкое понижение доходов, к чему также вело изъятие из общего объёма ганзейской торговли товаров и капиталов новгородских узников. Но в ещё большей степени новгородские события обеспокоили ливонских государей (ландсгерров), к числу которых относился и магистр Ливонского ордена Вольтер фон Плеттенберг (1494—1535), и ливонцев в целом. Они не могли понять, почему Московский государь внезапно нарушил ряд договоренностей, существовавших на то время у Ливонии с русской стороной, в которых предусматривались гарантии ганзейских (и ливонских) купцов в Новгороде и сохранение Немецкого подворья³, а потому восприняли это как признак надвигающейся войны с Россией.

История закрытия Немецкого подворья неоднократно привлекала внимание исследователей⁴, чего нельзя сказать о судьбе немецких купцов, которые после ликвидации подворья оставались в Новгороде на положении пленных, и переговорах по их освобождению, в которых магистр Плеттенберг принял самое активное участие. Только один раз этот сюжет стал темой специального исследования. В конце XIX века об этом писал прибалтийский историк З. Фегезак, для которого главной целью было восславить

имя магистра как государя, сумевшего объединить ливонцев в деле защиты страны от агрессии и восстановления справедливости⁵. Положение это, безусловно, нуждается в корректировке, а затронутая им тема — в дополнительном исследовании, которое может пролить свет на историю русско-ливонского конфликта рубежа XV—XVI веков.

Между тем не вызывает сомнений, что заинтересованность магистра Плеттенберга в судьбе новгородских пленников являлась следствием политического расчёта. Не имея точных сведений о конечных намерениях великого князя Московского и разделяя уверенность ливонцев относительно неизбежности войны с Россией, он как глава ливонской конфедерации должен был предпринять меры по повышению её обороноспособности. Он знал, что подвластная ему

✎ Магистр Ливонского ордена
Вольтер фон Плеттенберг

✎ Портрет Ивана III,
XVI век

страна обладает слабым экономическим потенциалом и не преодолела ещё негативные последствия серии политических кризисов, которые потрясли её в XV веке, а потому, надеясь получить поддержку извне, буквально атаковал католический мир просьбами о помощи. Ганза, влиятельная и богатая, стала одним из его основных корреспондентов, поскольку могла предоставить Ливонии всё, чего той катастрофически не хватало — денег, солдат, вооружения. Сложность состояла в том, что у ливонских ландсгерров с ганзейцами не было никакой официальной договоренности о взаимопомощи, которая гарантировала бы Ливонии исковую поддержку. Вместе с тем ганзейцев нельзя было тронуть одними декларациями об угрозе со стороны «*этих несчастных схизматиков*», поскольку, как подобает хорошим купцам, они руководствовались расчётом и вкладывали деньги лишь в те предприятия, которые сулили им выгоду.

Освобождение задержанных в Новгороде купцов, большинство из которых были гражданами городов «заморской Ганзы», по расчёту Плеттенберга, могло стать связующим звеном ганзейских и ливонских интересов, катализатором активности Ганзы в деле помощи Ливонии. Поэтому вскоре после новгородских событий, 25 ноября, он сообщал в Ревель, что подготовил посольство к великому князю во главе с видным ливонским дипломатом Иоганном Хильдорпом⁶, который ранее принимал участие в переговорах по поводу подписания мира 1493 года и неоднократно бывал в Новгороде и Москве. Некоторое время посольство провело в Новгороде, но новгородские власти дали понять, что без повеления великого князя не могут не только освободить пленников, но даже смягчить режим их содержания в тюрьме. Поняв бесперспективность подобного рода переговоров, посол магистра направился в Москву, откуда 20 декабря от него уже пришло известие⁷.

Письмо Хильдорпа, содержание которого Плеттенберг передал прочим ливонским ландсгеррам и городам, не внушило никому радужных надежд, а потому ревельцы предложили обратиться за помощью к великому князю Литовскому Александру Казимировичу, благо тот приходился зятем грозному московскому владыке, и его ходатайство, как представлялось ливонцам, могло иметь вес. Их поддержали власти Дорпата и Риги⁸, после чего в Вильно направился ещё один ливонский дипломат Иоганн Геллингхаузен с письмами от магистра, архиепископа Рижского, епископа Дорпата и городов⁹. Магистр поддержал эту идею, надеясь, что ходатайство этого государя поможет благополучному исходу миссии Хильдорпа в Москве¹⁰. Впрочем, обращение к Александру не сдвинуло освобождение пленников с мёртвой точки, хотя великий князь просьбу ливонцев выполнил — его письмо с просьбой освободить ганзейцев было впоследствии отправлено в Москву¹¹, но то, как отнёсся к нему Иван Васильевич, нам не известно.

В конце февраля 1495 года в Ревеле получили письмо из Новгорода, которое прислал арестованный посол Римелингероде, где говорилось, что причиной задержания

самого ратмана и его товарищей по несчастью был гнев великого князя на казнь какого-то русского купца в Ревеле, факт которой он и просил установить, подняв документацию Ревельского суда, чтобы вести дальнейшие переговоры по их освобождению, опираясь на реальные, задокументированные факты¹². Следствием этого стали переговоры представителей Ревеля с новгородским наместником Яковом Захаровичем¹³, как и переговоры Хильдорпа, закончившиеся безрезультатно. Со своей стороны, просьбу об освобождении купцов великому князю направили Дорпат и Рига¹⁴, а 3 апреля было составлено послание 72 ганзейских городов, в котором содержалась обращенная к великому князю просьба отпустить пленников и устранить препятствия для восстановления торговли «*по старине*»¹⁵.

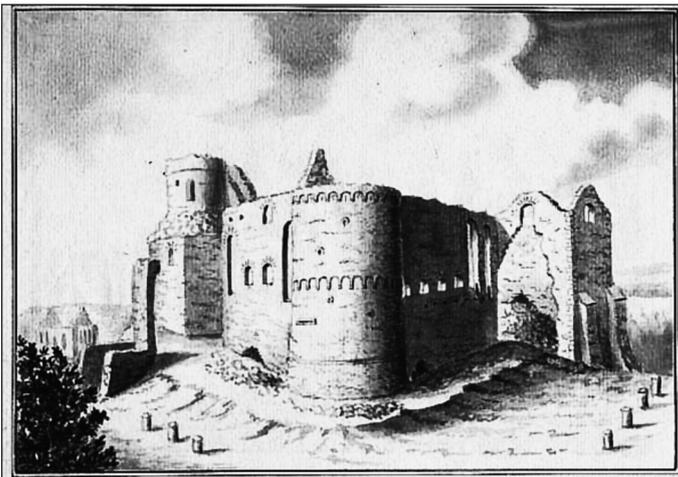
Однако главные надежды ливонцы всё-таки возлагали на миссию Хильдорпа, который долго не возвращался из русской столицы, что само по себе казалось магистру тревожным знаком¹⁶. Он очень рассчитывал, что доставленные дипломатом сведения об обстоятельствах задержания ганзейских купцов, полученное «*из первых рук*», прояснят ситуацию. Это позволит всем представителям государственной власти Ливонии, равно и их сторонникам, выработать единую стратегическую линию, позволяющую повысить уровень эффективности их усилий в деле освобождения. Ожидая его возвращения, в конце марта 1495 года магистр созвал ландтаг, куда и прибыло столь долго ожидаемое посольство. Отчёт Хильдорпа, казалось, внушал надежду на хороший исход, поскольку тот сообщил, что великий князь приказал смягчить условия заточения пленников в Новгороде — те были выпущены из тюрьмы, но содержались под стражей на подворье — и намерен соблюдать с Ливонией мир и добрососедство¹⁷. Магистру, однако, эти слова доверия не внушили: «*Великому князю, когда тот говорит о мире, верить нельзя*», — писал он в те дни верховному магистру Тифену¹⁸. Он внёс предложение продолжать подготовку страны к обороне. Кроме того, он просил представленные на ландтаге ливонские «ссловия» доверить ему все полномочия по освобождению пленников, что и было сделано¹⁹. Теперь ходу переговоров можно было придать большую организованность, но вместе с тем ответственность за их результативность легла на главу Ливонского ордена, который к тому времени, видимо, уже понимал, что дело «новгородских пленников» следует превратить в элемент долговременной политической стратегии.

Дело заключалось в том, что 3 апреля вендские города направили новое письмо великому князю с призывом освободить пленников²⁰, а до тех пор запретили своим купцам торговать с русскими²¹. Ливонские города посчитали запрет «несвоевременным», действовавшим во вред пленникам²². Весной 1495 года с открытием морской навигации последствия запрета на торговлю с русскими, принятого городами «заморской Ганзы» в ответ на новгородские события, могли нанести непоправимой ущерб экономике Ливонии, которая

Иван III посылает помощь Пскову против немцев.
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века

напрямую зависела от ганзейских грузопотоков. Вместе с тем откровенный саботаж этих запретов со стороны ливонских городов (кроме Ревеля), сведениями о котором полны дипломатические депеши того времени, мог стать поводом для введения санкций в отношении Ливонии, что повлекло бы за собой отказ Ганзы предоставлять ей финансовую и военную помощь. Плеттенберг, который, с одной стороны, не возбранял своим подданным торговать с новгородцами и псковичами, поскольку надеялся таким способом предотвратить втягивание Ливонии в войну, вместе с тем не мог идти вразрез с политикой ганзейского руководства. При подобных обстоятельствах освобождение пленных ганзейцев и возврат их имущества могли бы устранить саму причину введения Ганзой торговых ограничений и тем самым избавить Ливонию от дополнительных осложнений.

Die Südseite des innern Theils des Wendischen Schloßes im J. 1777.
 In der Form eines Kupfers von dem berühmten Kupferstecher (Antoine) L. J. G.

❧ Цесисский замок в 1771 г.

Вот почему в ожидании великокняжеских посланцев 5 апреля Плеттенберг пригласил представителей городов на совещание в городок Ваву, что на полпути между Ревелем и Дорпатом, чтобы выработать там единую позицию, которой все они должны были придерживаться на предстоящих переговорах с русскими. Принятое совещанием и одобренное магистром решение предписывало ливонцам продолжать торговлю с русскими и неукоснительно соблюдать условия русско-ливонских договоров, это должно было существенно облегчить ход предстоящих переговоров по пленным²³.

28 апреля во исполнение обещания великого князя Московского в главную резиденцию ливонского магистра Венден (Цесис) прибыло его посольство, однако вопреки ожиданиям тщательно подготовившихся к этой встрече ливонцев никаких конструктивных шагов по освобождению пленников, нормализации торговли и продлению мира между Россией и Ливонией предпринято не было, поскольку послы Ивана III не обладали необходимыми полномочиями²⁴. Хотя добиться освобождения ганзейских купцов не удалось, принятое в Ваве решение о продолжении торговли с Россией и соблюдении мирных договоров ливонцами не пересматривалось.

Магистр Плеттенберг, всё ещё надеявшийся на предотвращение войны, предполагал продолжить переговоры с великим князем и мирным путём разрешить столь важный для судьбы Ливонии вопрос о пленниках. В июне в поездку к великому князю стало собираться очередное подготовленное

им посольство, во главе которого вновь был поставлен И. Хильддорп; в начале августа оно уже было в Москве. Магистр настаивал также, чтобы Ганза, со своей стороны, активизировала усилия в этом направлении, на что Любек ответил весьма уклончиво, предложив Плеттенбергу самому заняться организацией новой дипломатической миссии, расходы по которой обязался оплачивать из своих средств²⁵. Впрочем, из Любека к великому князю Московскому всё же было направлено новое, третье по счёту, письмо²⁶, которое, как и прочие, особого эффекта не имело.

Ещё на апрельском ландтаге магистру стало ясно, что при разрешении проблемы пленных камнем преткновения станут заложники из числа русских купцов, которых в ответ на новгородские аресты задержали власти Риги и Ревеля; и вот, начиная с августа 1495 года, Хильддорп стал сообщать, что тех, кто вот уже много месяцев переносит в Новгороде невзгоды плена, великий князь не отпустит на свободу до тех пор, пока ливонские города не освободят его подданных²⁷, что подтвердил впоследствии по приезде из Москвы²⁸. Вопрос об их выдаче надо было решать оперативно, поскольку в Ревеле вспыхнула чума и, несмотря на указание Плеттенберга властям города тщательно заботиться о заложниках, многие из них умерли. На совещании, которое магистр созвал по этому вопросу (Венден, 5 января 1496 года), вопреки мнению Ревеля, который категорически возражал против подобного шага²⁹, было признано необходимым удовлетворить требования Ивана III и дать указание обоим городам освободить русских заложников. Секретарь магистра Гартлеф Пеперзак должен был препроводить их к границе для передачи представителям русских властей³⁰.

16 января они из Ревеля уже были доставлены в Нарву, где случился очередной казус. Пеперзак сообщил магистру, что не может, согласно его воле, получить от своих подопечных расписки за возвращённое им имущество; в Дорпате с заложниками, прибывшими туда из Риги, случилось то же самое³¹. Несомненно, Плеттенберг настаивал на получении расписок не из-за склонности к «крючкотворству», а чтобы подстраховаться на случай кривотолков и провокаций, которые впоследствии могли роковым образом отразиться на безопасности Ливонии. Из тех же соображений Любек, а вслед за ним и Ревель считали недопустимым освобождение русских заложников и их имущества без соответствующего юридического оформления³². Отказ бывших заложников выдать расписки грозил превратить ситуацию в патовую, чего явно не хотелось магистру. Пеперзак, который незадолго до того вернулся из Новгорода, сообщил ему о концентрации вокруг города русских войск (Россия начала войну со Швецией), и магистр, как он сам потом писал в Ревель, допускал их вторжение в Ливонию и по этой причине хотел поскорее освободить пленников, находившихся в Новгороде³³. Используя всё своё влияние, он сумел преодолеть сопротивление Любека и Ревеля и добиться освобождения заложников и выдачи им их имущества без предоставления ими расписок³⁴. В начале марта они уже вступили в родные пределы.

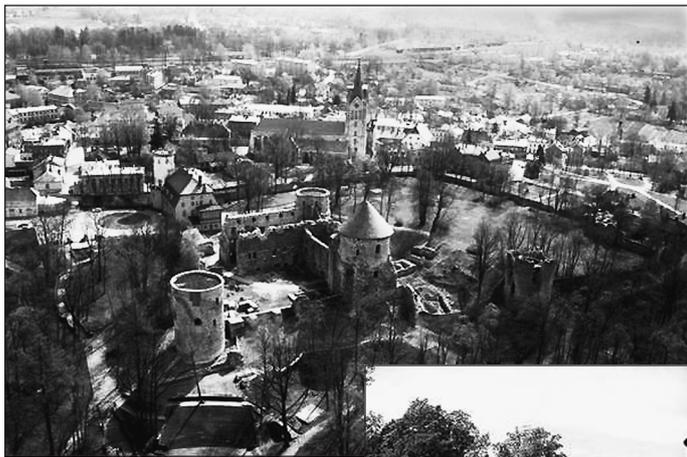
Плеттенберг ждал ответного шага великого князя и, зная, что тот по случаю войны со Швецией прибыл в Новгород, послал к нему своих представителей (возможно, он полагал, что они-то и будут сопровождать в Ливонию освобождённых ганзейцев), однако его надеждам не суждено было сбыться. Вместо этого магистр стал получать

тревожные сведения с границы о том, что на ливонскую территорию проникают вооруженные отряды, что дороги с русской стороны перекрыты и плаванью по Нарове чинят препятствия, что русские купцы, торговавшие в Ливонии, отбыли на родину вместе со всем своим добром. Положение осложнялось тем, что шведы появлялись на ливонской территории и даже выражали желание закупать в Нарве продовольствие для войска³⁵, что в любой момент грозило обернуться поводом для обвинения в пособничестве врагу, за которым могло последовать объявление войны.

Словом, весной 1496 года отношение великого князя к Ливонии трудно назвать дружественным. Посланцы магистра, которые с 28 марта оставались в Новгороде, сами оказались на положении заложников³⁶. Только в конце августа великий князь позволил им вернуться, взяв с собой несколько

Новгороде доносили, что истинная причина нерасположения великого князя Московского к Ливонии заключается совсем не в произволе ревельского суда, а в желании князя присоединить какие-то крепости⁴². Что же касается «*ревельских казней*», то после недавно опубликованной статьи эстонского исследователя А. Селарта⁴³ не остаётся сомнений в том, что они послужили Ивану III поводом для осуществления политического давления на Ливонию.

Ход русско-шведской войны между тем создал опасное для Ливонии положение. Шведы взяли Ивангород, и сразу же поползли слухи, что ливонцы из Нарвы помогли шведам штурмовать, грабить и разрушать эту русскую твердыню, а после того, как шведы отступили от крепости и она вновь перешла к русским, Иван III потребовал от магистра выдать ему участников штурма. Вряд ли Плеттенберг мог выполнить подобное требование, поскольку, скорее всего, речь тут шла о немецких (возможно, ливонских) наёмниках, действовавших в составе шведских войск, а потому находившихся вне юрисдикции главы ливонской конфедерации⁴⁴, но великий князь никаких объяснений на сей счёт принимать не желал. Осенью 1496 года война с Россией казалась ливонцам неминуемой, но она не началась по причине неурядиц в семействе великого князя, да ещё из-за непредсказуемости

✎ *Венден (Цесис), резиденция магистра Плеттенберга. Современные фотографии*

молодых людей, которые обучались русскому языку и были задержаны в Новгороде вместе с прочими обитателями ганзейского подворья. Вместе с тем он выдвинул магистру новые претензии и потребовал выдать ему на расправу судей, которые в Ревеле приговорили к смерти его подданного³⁷. Отношение к этому ливонцев хорошо передаёт письмо Ревельского совета, направленное 16 сентября в Любек, в котором говорится, что требование выдать судей служит великому князю лишь поводом не отпускать ганзейцев из Новгорода; он не ставил такое условие Хильдсборгу, который был в Москве год назад, и если бы ливонские власти поняли вовремя уловку московского государя, желавшего освободить своих подданных без всяких гарантий, но не собиравшегося выполнять своих обещаний, русских бы из Ревеля и Риги не выпустили³⁸.

Положение пленников в Новгороде тем временем стало ещё тяжелее — они вновь оказались в тюрьме³⁹, и Плеттенберг вновь начинает готовить очередное посольство, допуская при этом возможность личного в нём участия⁴⁰. Тут ему каким-то образом дали понять (возможно, эту весть так же привёз из Новгорода Пеперзак), что великому князю Московскому угодно, чтобы пред ним предстало посольство «*заморской Ганзы*», о чём в октябре 1496 года магистр, в целом поддерживавший эту идею, сообщал в Любек⁴¹. А пока ему со ссылкой на высокопоставленных лиц и «бояр» в

ситуации в Казани — во всяком случае, именно так думали тогда в Ливонии.

В этот момент в поведении Ивана III намечались перемены — он поздней осенью 1496 года согласился на переговоры с представителями Ганзы в Москве, о чём Плеттенберг и ревельские власти не замедлили уведомить вендские города и Любек. Они обратились к ним с просьбой не считаться с расходами и направить к великому князю в Москву представительное посольство⁴⁵, но получили дипломатичный отказ. Ганзейцы, сославшись на крупные расходы, сначала предложили провести встречу сторон где-нибудь на русско-ливонской границе⁴⁶, а в начале февраля 1497 года вообще передоверили все полномочия (добавим: и расходы), касающиеся освобождения пленников, ливонским городам и Плеттенбергу⁴⁷.

Зима 1496—1497 гг. прошла относительно спокойно. 3 марта завершилась русско-шведская война, но ещё до этого, в феврале, магистр вновь отправил Пеперзака в Новгород для переговоров по пленным, требуя от него крайней осторожности, чтобы тот своими действиями случайно не дал русским повода для развязывания войны⁴⁸. По прибытии в Новгород, примерно 20 марта 1497 года, Пеперзак получил ответ «канцлера» великого князя Московского, в котором говорилось, что ганзейцы были задержаны в Новгороде из-за многочисленных притеснений русских, которые имели

место в Ревеле и противоречили существующим русско-ливонским соглашениям. Так был оглашён «приговор» над ганзейцами из Новгорода, следует заметить — спустя более трёх лет после приведения его в исполнение. Впрочем, великий князь соглашался предоставить свободу пленным ганзейцам (по ходатайству Великого князя Литовского Александра, а не Плеттенберга и Ганзы, что примечательно), но их имущество должно было оставаться в его распоряжении вплоть до удовлетворения ливонской стороной всех его претензий, а именно выдачи «злодеев», по вине которых в Ревеле его подданные были «сожжены, сварены, лишились рук» (запросы ливонской стороны относительно документальных подтверждений подобных обвинений неизменно оставались без ответа), и наказать жителей Нарвы, которые участвовали во взятии шведами Ивангорода. Пока этого не случится, он собирался удерживать в качестве заложников четырёх граждан Ревеля⁴⁹.

31 марта 1497 года освобождённые пленники, к великой радости всех жителей Ливонии, прибыли в Нарву⁵⁰, и весь год прошёл в предвкушении конструктивных переговоров с представителями великого князя, которые, как предполагалось, пройдут в Нарве и в ходе которых решится вопрос о возврате конфискованного в Новгороде имущества, освобождении четырёх заложников и восстановлении торговли между двумя странами. Проект переговоров был одобрен и великим князем, который, со своей стороны, ожидал от ливонских ландсгерров и городов адекватной реакции на претензии, предъявляемые Ливонии русским правительством. Но будучи верным себе, Иван III не отказался от политики давления, и поэтому оставшихся в Новгороде ревельцев вновь без всякого на то основания заковали в цепи, из-за чего возникла необходимость снова направить туда Пеперзака⁵¹.

Этот дипломат в который раз оказал магистру огромную услугу: используя имевшиеся у него в городе каналы получения информации, он в своих донесениях указал, что на предстоящих переговорах главным ответчиком со стороны Ливонии предстояло быть Ревелю, и настоятельно рекомендовал городским властям как можно лучше подготовиться к этой роли. Магистр, в свою очередь, отдал приказание городу приготовить необходимую документацию, которую можно было бы использовать для ответа представителям русской стороны; в Ревель также были высланы пункты обвинений, которые, по мнению Пеперзака, в обязательном порядке будут обсуждаться в Нарве. Магистр также предписал городам прислать к нему на совещание своих представителей, снабдив их текстами договоров, которые они когда-либо заключали с русскими землями⁵².

От всех, кто должен был представлять интересы Ливонии в Нарве, он хотел добиться чёткости и согласованности действий, которые, без сомнения, увеличили бы их результативность, а потому настаивал на проведении серии предварительных консультаций. Первую из них с представителями Ревеля, Риги и Дорпата он провёл ещё в конце мая 1497 года. Сообщая об его итогах в Любек, магистр не преминул заметить, что считает участие в переговорах ганзейской делегации крайне необходимым, и выразил надежду, что на переговорах в Нарве ливонцы и заморские ганзейцы выступят «единодушно»⁵³. Последнее совещание он запланировал осуществить недели за 2—3 до начала нарвской конференции. Оно прошло 20 января 1498 года в Вендене, где, в частности, пристальному изучению было подвергнуто содержание всех договоров Ливонии с Новгородом и Псковом⁵⁴.

Чтобы придать дополнительный вес ливонской делегации на переговорах с русскими, Плеттенберг настаивал на участии в них представителей вендских городов во главе с Любеком, но они не проявили заинтересованности в ливонских проблемах. Своё участие в переговорах они предполагали ограничить письменными заявлениями, против чего возражал магистр: «Никакие письменные заявления, — утверждал Плеттенберг, — не могут заменить представительной делегации Ганзы. У великого князя мало доверия к ливонским городам, которые он обвиняет в попустительстве притеснениям в отношении его подданных». Присутствие делегации ганзейцев, считал магистр, поможет сдерживать его необоснованные претензии⁵⁵, но те старались отмежеваться от участия в переговорах, опасаясь, что в случае их неудачи в итоговых документах появятся «неудобные пункты», которые будут заверены подписями делегатов Ганзы, что затруднит их аннулирование⁵⁶.

Ганзейские города переговоры в Нарве игнорировали, и только Любек, чтобы прояснить ситуацию, направил в Нарву небольшую делегацию⁵⁷. В инструкции, которая была ей вручена, особо оговаривалось, что, если во время аудиенции у магистра Ливонского речь зайдёт о материальной помощи Ливонии, надлежит дать уклончивый ответ: вопрос, дескать, решается, но пока не известна позиция на этот счёт всех городов Ганзы⁵⁸. Нет, ганзейцы не спешили раскошелиться во благо Ливонии, а Плеттенберг с его настойчивыми просьбами, наверное, представлялся им надоедливым бедным родственником, которого прогнать нельзя, а содержать накладно.

Переговоры, которые начались в Нарве 2 февраля 1498 года, достойны того, чтобы быть предметом отдельного изучения. Скажем только, что особо успешными их назвать трудно: делегации обменялись документами, но очной встречи организовать не удалось. Русские требовали полного удовлетворения их претензий, но сами на уступки не шли, во всяком случае, никаких гарантий выдачи четырёх пленников и имущества, конфискованного в 1494 году в Новгороде у ганзейских купцов, ливонцами получено не было. При этом русская сторона постоянно утверждала, что желает сохранить мирные отношения с Ливонией⁵⁹. Так толком и не начавшись, переговоры в середине февраля были прерваны.

При оценке их результатов хочется воспользоваться словами современника тех событий, хрониста из Любека Р. Коха: «Дело кончилось ничем». Однако это не совсем так. В частности, всё это роковым образом сказалось на пленниках, всё ещё остававшихся в заключении. Индифферентность «заморской Ганзы», которую те публично продемонстрировали в ходе нарвских переговоров, показала Ивану III, что за «стиной» Ливонии никого нет и военной помощи она не получит, поэтому, начиная с весны 1498 года, её территория — орденские округа: Нарва, Нишлот, Пернау, Розиттен и Лузен, земли рижского архиепископа и Дорпата — стали подвергаться нападениям вооружённых отрядов и разорению. Положение было настолько серьёзным, что Плеттенберг отдал приказ гебитигерам приграничных областей готовиться к отражению агрессии⁶⁰, а в июне 1498 года призвал «сословия» выступить на защиту страны.

Равнодушие Ганзы, а также заботы, связанные с положением дел в приграничных районах, сказались на поведении Плеттенберга, который после провала переговоров фактически перестал заниматься вопросом пленников. Переговорный процесс для него оказался очень дорогостоящим; ганзейские города, которые некогда обещали ему

финансовую помощь, медлили с оплатой счетов, которые он им высылал⁶¹, а потому не только желания, но и возможности продолжать столь тягостные и бесперспективные хлопоты у магистра, по-видимому, не стало.

Судьба пленников, переведённых в 1498 году из Новгорода в Москву, оказалась незавидной. В письме, которое им удалось с оказией переслать в Любек, они писали, что голодают и подвергаются суровому отношению и что

один из них умер (декабрь 1498 года)⁶². И как за последнюю соломинку хватались они за надежду, что спасти их может теперь император Максимилиан Габсбург⁶³, которой так и не суждено было сбыться. Если верить любекскому хронисту Виллебранту, проведя в плену 9 лет, они умерли, не дождавшись свободы. Имущество же ганзейских купцов русским правительством так никогда и не было возвращено.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch (далее — LEKUB). Abt. 2. Hg. v. L. Arbusow. Bd. 1. Riga—Moskau, 1900. № 81.

² LEKUB II. Bd. 1. № 84.

³ Имеются в виду русско-ганзейский договор 1487 года и договор с Ливонским орденом 1493 года.

⁴ Tiberg E. Moskau, Livland und Hansa 1487—1547 // *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 93. Lübeck, 1975. S. 13—70; Хорошкевич А.Я. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI вв. М., 1980. С. 69—72, 132—150; Казакова Н.А. Ещё раз о закрытии ганзейского двора в Новгороде в 1494 году // *Новгородский исторический сборник*. Вып. 2/12. Л., 1984. С. 177—187; Angermann N. Deutsche Kaufleute in mittelalterischen Novgorod und Pleskau // *Deutsche im Nordosten Europas*. Köln, Wien, 1991. S. 59—86; Selart A. Zur Geschichte der Russen in Livland um die Wende des 15. zum 16. Jahrhundert: Der Vorwand zur Schließung des St.Peterhof in Novgorod im Jahr 1494 // *Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse*. Lüneburg, 2003. S. 177—210; Бессуднова М.Б. Ликвидация ганзейской конторы в Великом Новгороде: Новая версия // *Чело. Великий Новгород*, 2006. № 1 (35).

⁵ Vegesack S. Gesandtschaften Wolters von Plettenberg an den Großfürsten von Moskau in den Jahren 1494—1497 // *Baltische Monatsschrift*. 1913, Bd. 75, H. 5. S. 315—340.

⁶ LEKUB II. Bd. 1. № 86.

⁷ LEKUB II. Bd. 1. № 95.

⁸ LEKUB II. Bd. 1. № 114, 116, 117, 125, 126.

⁹ LEKUB II. Bd. 1. № 139, 140, 141, 142.

¹⁰ LEKUB II. Bd. 1. № 145.

¹¹ LEKUB II. Bd. 1. № 173

¹² LEKUB II. Bd. 1. № 134.

¹³ LEKUB II. Bd. 1. № 155.

¹⁴ LEKUB II. Bd. 1. № 146, 182, 184.

¹⁵ LEKUB II. Bd. 1. № 172.

¹⁶ LEKUB II. Bd. 1. № 191.

¹⁷ LEKUB II. Bd. 1. № 170.

¹⁸ LEKUB II. Bd. 1. № 200.

¹⁹ Akten und Rezesse der livländischen Ständetage. Hg. v. L. Arbusow (далее — AR); Bd. 3: 1494—1535. Riga, 1910. № 3.

²⁰ LEKUB II. Bd. 1. № 172, 188, 205, 211.

²¹ LEKUB II. Bd. 1. № 175.

²² LEKUB II. Bd. 1. № 211.

²³ LEKUB II. Bd. 1. № 204.

²⁴ Ibidem.

²⁵ LEKUB II. Bd. 1. № 212. Впоследствии Плеттенберг будет напоминать ганзейцам об обещании возместить ему расходы (LEKUB II. Bd. 1, но вот добьется ли его выполнения — неясно).

²⁶ LEKUB II. Bd. 1. № 240.

²⁷ LEKUB II. Bd. 1. № 269, 270.

²⁸ LEKUB II. Bd. 1. № 269, 270, 277, 278, 279, 280, 281.

²⁹ LEKUB II. Bd. 1. № 221, 231.

³⁰ LEKUB II. Bd. 1. № 296, 297.

³¹ LEKUB II. Bd. 1. № 299, 300, 301, 303, 307, 309.

³² «Если ливонцы отпустят своих заложников без расписок, пусть тогда сами разбираются с последствиями», — писали

тогда в Ревель из Любека (LEKUB II. Bd. 1. № 306).

³³ LEKUB II. Bd. 1. № 320.

³⁴ LEKUB II. Bd. 1. № 324, 328, 329, 346.

³⁵ LEKUB II. Bd. 1. № 344, 346.

³⁶ Магистр высказал предположение, что его задержка связана с посольством, которое великий князь в то время отправлял в Данию и которое должно было проехать по территории Ливонии и Пруссии // LEKUB II. Bd. 1. № 354.

³⁷ LEKUB II. Bd. 1. № 384, 386.

³⁸ LEKUB II. Bd. 1. № 406.

³⁹ LEKUB II. Bd. 1. № 417, 418.

⁴⁰ LEKUB II. Bd. 1. № 390.

⁴¹ LEKUB II. Bd. 1. № 427.

⁴² LEKUB II. Bd. 1. № 494.

⁴³ Selart A. Op. cit. S. 210.

⁴⁴ В источниках содержатся сведения о том, что солдаты, служившие под командой некоего Сванте Никельсена, захватили в Ивангороде богатую добычу, а затем хотели её выгодно реализовать в Ревеле (LEKUB II. Bd. 1. № 691, 839).

⁴⁵ LEKUB II. Bd. 1. № 417, 418, 427, 431, 435. Ревель и Рига, со своей стороны, пытались привлечь вендские города к переговорному процессу, акцентируя внимание не на положении пленников, а на необходимости возобновить торговлю с Россией (LEKUB II. Bd. 1. № 431, 434, 435).

⁴⁶ Ганзейские города полагали, что вполне достаточным будет, если ливонские города как члены Ганзы возьмут на себя эту ответственность (LEKUB II. Bd. 1. № 416). Во всяком случае, ганзейское посольство в Москву представлялось им ненужным (LEKUB II. Bd. 1. № 454, 455).

⁴⁷ LEKUB II. Bd. 1. № 416, 454, 455.

⁴⁸ LEKUB II. Bd. 1. № 494.

⁴⁹ LEKUB II. Bd. 1. № 507.

⁵⁰ LEKUB II. Bd. 1. № 526. Конечная их судьба оказалась печальной. На пути в Германию корабль, на котором они плыли, затонул и все, кто был на нём, утонули. Бывший посол Ревеля в Москве Г. Риммелингсроде оказался совершенно разорён и вскоре умер, оставив свою вдову решать дела с кредиторами (LEKUB II. Bd. 1. № 584).

⁵¹ LEKUB II. Bd. 1. № 543.

⁵² LEKUB II. Bd. 1. № 602.

⁵³ LEKUB II. Bd. 1. № 538.

⁵⁴ AR III. № 9.

⁵⁵ LEKUB II. Bd. 1. № 538.

⁵⁶ LEKUB II. Bd. 1. № 572.

⁵⁷ Посольство состояло из синдика и двух ратманов и было, по мнению штатгальтера Немецкого ордена Изенбурга, очень маленьким // LEKUB II. Bd. 1. № 640.

⁵⁸ LEKUB II. Bd. 1. № 623.

⁵⁹ LEKUB II. Bd. 1. № 647, 653.

⁶⁰ LEKUB II. Bd. 1. № 551.

⁶¹ LEKUB II. Bd. 1. № 829, 837.

⁶² LEKUB II. Bd. 1. № 740.

⁶³ LEKUB II. Bd. 1. № 817, 818.

Я.Н. Рабинович

ПОРХОВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1613 года

В конце февраля 1609 г. Василий Шуйский для борьбы с Лжедмитрием II заключил союзный договор со Швецией. Король Карл IX обязывался прислать на помощь Шуйскому конницу и пехоту. За это, кроме платы наёмникам и всяческих льгот, к Швеции отходила крепость Корела с уездом.

В течение 1609 — начале 1610 г. союзникам удалось освободить Орешек и другие северные и замосковные города от тушинцев (главные успехи их — Тверь, Калязин, Троица, Александрова слобода, Дмитров и др.). К этому времени польский король Сигизмунд III начал открытую интервенцию против России и взял в осаду Смоленск в сентябре 1609 г. В марте 1610 г. войска М.В. Скопина-Шуйского и Делагарди торжественно вошли в Москву. Ближайшей задачей становится деблокада Смоленска. Но через месяц, в апреле 1610 г., Скопин-Шуйский умирает, его место главнокомандующего занимает брат царя Дмитрий Шуйский, не любимый народом, подозреваемый в отравлении племянника.

Поход к Смоленску закончился катастрофой для русской армии. Польский гетман Жолкевский 24 июня 1610 г. разбил

объединённые войска Дмитрия Шуйского и Делагарди при Клушино. Последний дал слово Жолкевскому разорвать союз с царём Василием и отступил к Новгороду.

17 июля 1610 г. Василий Шуйский был низложен, и московские бояре вступили в переговоры с польским королём Сигизмундом III об избрании русским царём его сына Владислава. Корпус Делагарди решил не подчиняться новой московской власти (семибоярщина и королевич Владислав, а с сентября 1611 г. эту власть представлял командующий оккупационными войсками Гонсевский) и повёл себя как неприятельское войско в завоёванной стране.

С этого времени шведы превращаются из союзников Московского государства в его врагов. Все дальнейшие действия бывших союзников следует расценивать как начало шведской интервенции на северо-западе Русского государства. Делагарди действовал в соответствии с инструкциями Карла IX. Король ещё 30 июня 1609 года дал прямые указания Делагарди занять крепости на Северо-Западе России. Сведения об этом приводит Форстен на основании документов Стокгольмского архива.

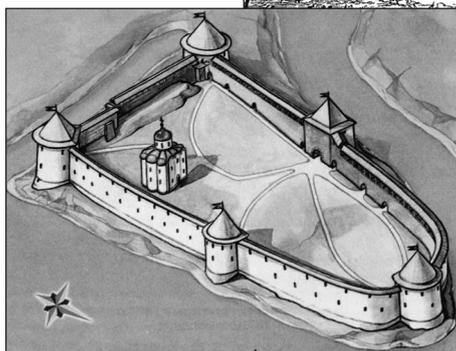
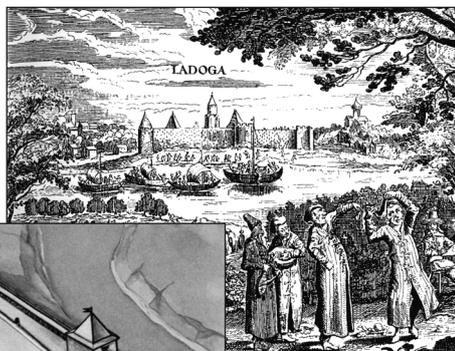
Предписание Карла IX в дальнейшем было приведено в исполнение Делагарди, который в течение 1610—1612 гг. оккупировал не только Новгород, но и ряд русских городов: Ям, Копорье, Ивангород, Гдов, Порхов, Орешек (Шлиссельбург, ныне Петрокрепость), Старую Ладугу, Тихвин, Старую Руссу.

Уже летом 1610 г. шведские войска под руководством Якова Делагарди приступили к планомерному захвату Новгородской земли. Это наступление шведов можно условно разделить на три этапа.

На первом этапе (лето 1610 г. — лето 1611 г.) после полугодовой осады в марте 1611 г. была захвачена крепость Корела. Однако шведы не смогли удержать в своих руках Ладугу, которую в августе 1610 г. по приказу Делагарди захватил отряд французских наёмников. После ожесточённой борьбы новгородцы в начале февраля 1611 г. освободили Ладугу, а французы Пьера Делавилля вынуждены были капитулировать.

В это же время другие шведские отряды предприняли наступление в северной Карелии и Лапландии. Шведы пытались овладеть Колой (поход Бальгазара Бека в феврале 1611 г.), а также Сумским острогом и Соловецким монастырём (два похода Андерса Стюарта весной и летом 1611 г.). Эти походы закончились для шведов неудачей.

На втором этапе (лето 1611 г. — весна 1612 г.), после захвата Новгорода (17.07.1611 г.), шведы установили контроль над Тихвином, Ладогой, Старой Руссой и Порховом. В апреле 1612 г. сдался Орешек. Между Делагарди и правителями Новгорода (митрополит Исидор и воевода И.Н. Одоевский), 25 июля 1611 г. было заключено соглашение. Новгородцы признали покровительство Карла IX, вступили с ним в союз против Польши и гарантировали избрание на русский трон одного из его сыновей. До ратификации договора обеими сторонами (Швецией и Россией) Делагарди оставался в Новгороде в качестве главного воеводы. Заключение договора, легально оформлявшего пребывание шведских войск на Новгородской земле, было выгодно Швеции, которой неудачная война с Данией не позволяла усилить контингент своих войск в России.

❖ Ладoga. Гравюра А. Оллария, 1640-е гг.

❖ Ладожская крепость в 1490 г. Вид с северо-востока (по Е.Г. Араповой и А.Н. Кирпичникову)

Союз новгородских воевод со шведами против «воров», впервые заключённый в 1609 г. в Выборге, по существу восстановился. Вместе с отрядами новгородцев шведы вели борьбу с Лжедмитрием III (Псковским вором Сидоркой) и предприняли неудачную попытку захватить Псков. На данном этапе Порхов на короткое время оказался во власти казаков Сидорки.

На третьем этапе (май–декабрь 1612 г.) шведы и новгородцы в союзе с предводителями Нижегородского ополчения разгромили казаков Псковского вора Сидорки. Были захвачены города, поддерживавшие Лжедмитрия III: Ям, Копорье, Гдов. Последним в декабре 1612 г. пал Ивангород. Новый летописец так подводит итог этого шведского наступления 1611–1612 гг.: «Немецкие же люди, видя в Московском государстве такое нестроение, и послаша из Нова города Яков Понтусов под города. Немцы ж шед и взяша города: Иван город, Ям, Копорью, Ладогу, Тихвинский монастырь, Русу Старую, Порхов, Вдов, Орешек и во всех посадиша воевод немецких».

К концу лета 1612 г. в Новгородской земле, в частности в Порховском уезде Шелонской пятины, установилось относительное спокойствие. Между предводителями Нижегородского ополчения, занятыми освобождением Москвы от поляков, а в дальнейшем — избранием нового царя, и правительством Делагарди–Одоевского были налажены дружеские отношения.

Воеводой в Порхове в это время стал Бургишон де Коробелл (de Corobell, Jacob Bourgia), француз, служивший ротмистром у шведов. Рота французской конницы Коробелла насчитывала к началу 1613 г. 110 всадников. В подчинении Коробелла нахо-

дился русский воевода Иван Афанасьевич Мещерский с небольшим отрядом стрельцов и детей боярских.

Якову Делагарди приходилось рассчитывать только на собственные силы, помощь ему из Швеции не поступала (Кальмарская война Швеции с Данией, начавшаяся в 1611 г., продолжалась в 1612 г. с переменным успехом). Врагом Новгорода по-прежнему являлся Псков. Однако в это время источники ничего не сообщают о военном противостоянии между Новгородом и Псковом. Новгородские власти стремились подчинить себе Псков, установить контроль над мятежным городом и всячески ограничить контакты местных жителей с псковичами, но это им не удалось. Контрабандная торговля с Псковом в это время процветала. Важную роль в ней играл Порхов.

В 1890 г. Константин Якубов опубликовал ряд документов из Стокгольмского архива, касающихся так называемого «псковского товарного дела», к сожалению, до

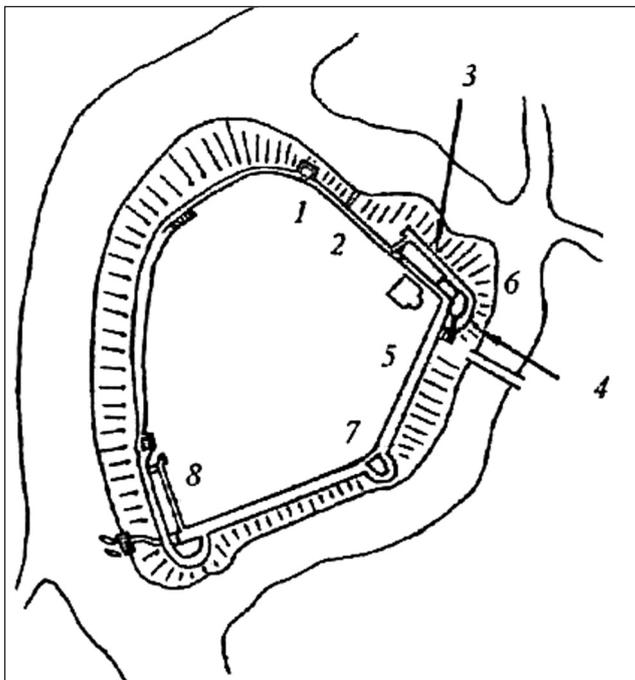
настоящего времени так и оставшихся незамеченными исследователями. Из донесений, памятей, отписок, обысков и расспросных речей видно, что в 1612 г. между Порховом и мятежным Псковом существовали тайные торговые контакты. Об этом донесли в Новгород 13 января 1613 г. князь Василий Белосельский и Степан Тимашев. Замешанными в этом оказались не только волостные люди Карачунского и Михайловского погостов Порховского уезда, но и сам Порховский воевода Иван Мещерский, а также Старорусский воевода Андрей Шаховский.

Воеводы поощряли эту торговлю, а затем конфисковывали товары у изменников, наживаясь при этом. Из приведенного списка конфискованных товаров можно составить представление о характере торговли (лён, пенька, шкурки лисиц, куниц, белок, горностаев и т.д.) и о хозяйственной деятельности населения Порховского уезда. Дальнейшие события в Порхове, происшедшие летом 1613 г., как нам представляется, напрямую связаны с данным следственным делом.

Весной 1613 г., сразу же после избрания царём Михаила Романова, в пограничные районы Новгородской земли были отправлены из-под Москвы отряды русских войск, прежде всего казаков Подмосквовного ополчения, которые начали военные действия против шведов и новгородцев. Правительство Михаила Романова не намерено было мириться с потерей Новгорода. Все эти события оказали заметное воздействие в первую очередь на население приграничных районов Новгородской земли. С весны 1613 г. здесь началось народное движение против шведских захватчиков. Первыми выступили жители Тихвина, восставшие

25 мая 1613 г. против чужеземцев и освободившие свой город при поддержке москвичей. Тихвинский воевода Лакумб был взят в плен, почти весь шведский гарнизон, насчитывавший 120 человек, был уничтожен. Затем восстания произошли в Гдове и Порхове. Сценарий восстания в Гдове в июне 1613 г. был аналогичен тихвинскому. Жители сговорились с псковичами, разработали план совместных действий и с прибытием отряда из Пскова начали восстание. Гдов был освобождён, шведский воевода Вольмар фон Унгерн взят в плен.

Летом 1613 г. восстание произошло также и в Порхове. На данное событие исследователи обратили внимание лишь в 1939 году, хотя документы об этом восстании были опубликованы ещё в 1890 г. в двух сборниках. Обстоятельства восстания в Порхове выявляются из грамоты Порховского воеводы Ивана Мещерского Эверту Горну, а также из Справки в Разряде по поводу челобитья Ивана Крюкова.

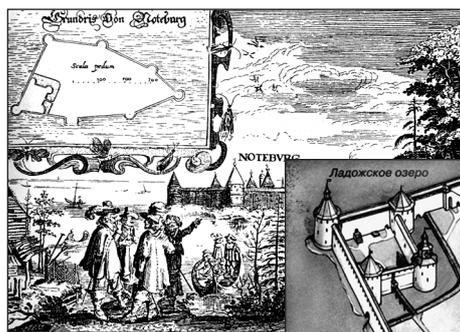
✎ Порхов. План крепости:

1 — Малая башня; 2 — тайник 1387 г.; 3 — Никольская башня и захаб; 4 — раскат; 5 — Тайничные ворота; 6 — тайник 1665 г.; 7 — Средняя башня; 8 — Псковская башня и захаб

После начала восстания в Тихвине к мятежному Тихвинскому монастырю были стянуты войска шведов и новгородцев из других городов. Порховский воевода Иван Мещерский с детьми боярскими также был отправлен к Тихвину. Вместо него вскоре в Порхов прибыл из Новгорода новый воевода Иван Крюков.

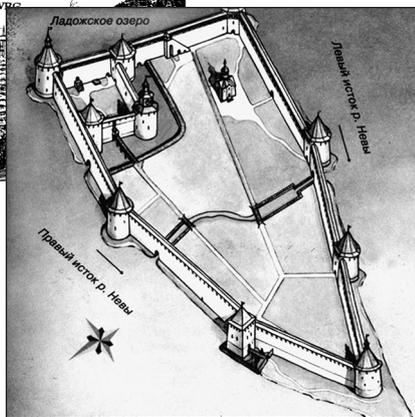
К этому времени шведы уже были настороже, поскольку они знали о восстаниях в Тихвине и Гдове, знали о судьбе Лакумба и Унгерна и их воинов. Охрана крепости была усилена. Шведский воевода в Порхове Коробелл хранил у себя все ключи от крепости, не доверяя охрану крепости русским людям. Чтобы обезопасить себя от возможных неожиданностей, Коробелл держал семьи русских воевод и детей боярских внутри крепости в качестве заложников. Между Крюковым и Коробеллом разгорелся конфликт. Иван Крюков и Григорий Щеголев тайно отправили гонцов в Псков с просьбой прислать отряд для захвата Порхова, обещая оказать псковичам помощь.

Псковский воевода И.А. Хованский прислал в Порхов небольшой отряд Артемия Лодыгина. Нападение псковичей первоначально имело успех. Внешние укрепления Порхова, острог были захвачены восставшими. Однако шведы сумели восстановить контроль над стенами и башнями самой крепости. Крепость имела многочисленный наряд, поэтому

Общий вид крепости Нотебург с севера. Гравюра А. Олеария, 1640-е гг.

Крепость Орешек в начале XVI в. (по М.В. Савкову)

Коробелл отбил все нападения восставших. Сохранились известия о пожаре в Порхове, в результате которого «острог сожгли и всяким делам записки в остроге сгорели». Все конфискованные товары, сосредоточенные внутри крепости, уцелели.

По-видимому, сил восставших было недостаточно для осады крепости. В ходе этого боя сторонники псковичей, в том числе «воевода Иван Крюков и дети боярские из острогу отъехали в Псков». Однако свои семьи надо было выручать. Кроме того, задача возвращения конфискованных товаров так и не была выполнена. Поэтому с согласия псковских воевод Иван Крюков получил дополнительную помощь и начал новый поход к Порхову.

Эти события происходили в августе–сентябре 1613 г. В это же самое время псковичи оказывали также помощь восставшему Гдову. В конце августа войско герцога Саксонского предприняло первую попытку отбить Гдов, но у стен этой крепости шведы потерпели поражение от псковичей. Также из Пскова был направлен отряд для усиления гарнизона Псково-Печёрского монастыря. Мы видим, что псковичи помогали людьми русским городам, поднимаясь против шведов в 1613 г.

Новый поход сторонников Москвы к Порхову закончился неудачей. Псковичи ещё долго осаждали Порховскую крепость, но взять её Крюкову с казаками и детьми боярскими так и не удалось.

Коробелл отбил все нападения псковичей. Судя по всему, гарнизон крепости не испытывал сильной нехватки продовольствия (в крепости были собраны значительные запасы зерна), жажда также не мучила французов Коробелла (в крепости существовало два тайника к Шелони, трубы от реки к колодцу внутри крепости были в то время ещё в полном порядке). Огнестрельных припасов также было достаточно. Вскоре, уже в конце сентября, из Новгорода на помощь воинам Коробелла прибыл Иван Мещерский с крупным отрядом. К этому времени шведам и их союзникам пришлось отступить от Тихвина (победа была одержана тихвинцами 15 сентября). И.А. Мещерский после Тихвина был послан спасать свой город. По-видимому, теперь шведы имели преимущество и одержали победу под Порховом. В ходе неудачного боя сын Ивана Крюкова был взят в плен шведами. Восставшим порховцам вместе с псковичами пришлось отступать от Порхова в Псков. Блокированный шведский гарнизон крепости был освобождён. Сторонникам Москвы пришлось бросить на произвол судьбы свои семьи, оставшиеся заложниками, а также распрощаться с мечтой о возвращении товаров.

Внутри крепости Порхова находилась большая тюрьма, где были помещены семьи восставших и другие пленные. Их тщательно охраняли. С этого времени начинается оживлённая переписка между Порховским комендантом Коробеллом и псковскими воеводами об условиях выкупа заложников. Коробелл требовал освобождения из псковской тюрьмы воеводы Гдова Вольмара фон Унгерна. Русские предлагали на обмен менее знатных пленных. Первая попытка обмена провалилась. Эти события происходили в начале зимы 1614 г. Недалеко от Порхова пленные шведы были перехвачены «вольными казаками» и уничтожены вместе с сопровождавшими их псковскими дворянами.

Дальнейшие переговоры об обмене пленными происходили уже при участии других порховских воевод. Француза Коробелла мы больше уже не увидим ни в Порхове, ни в России. Этот смутьян, который не любил никому подчиняться (по выражению Видекинда — он «вносит беспорядок в нашу армию»), в феврале 1614 г. совершил со своим отрядом под руководством Пьера Делавилля последний поход из Порхова к Псково-Печёрскому монастырю, где был ранен. После этого похода он вышел в отставку.

Коробелл не остался в накладе, так как неплохо поживился за счёт порховских товаров, значительную часть которых продал, а наиболее ценные увёз с собой. Именно после этих событий новгородские власти всё-таки сумели вывезти часть товаров из Порхова в Новгород. Яков Делагарди тоже нажил на этом, забрав себе лисьи шкурки, конфискованные у крестьян.

После возвращения из-под Тихвина Иван Афанасьевич Мещерский ещё не один год оставался в Порхове воеводой. Тем не менее все главные дела в городе решали

шведские коменданты. После Коробелла с февраля 1614 г. в течение года в Порхове побывало несколько шведских наместников. Источники упоминают о Вакопе, Мутории, Декаре. Дольше всего в Порхове оставался Геннинг Грасс (с конца 1614 г., свыше двух лет), о котором сохранилось много документов. Некоторые сведения из его биографии привёл Георгий Саблер. Геннингу Грассу выпала честь передавать ключи и дела Порхова московским властям после заключения Столбовского мира.

Некоторые косвенные сведения о численности шведского гарнизона в Порхове можно получить на основании отписки М. Евреева и Г. Шаблыкина из Порхова, составленной в начале 1614 г. Корм давали на 140 человек шведского гарнизона, до этого — на 120. В отписке перечислено, сколько и каких продуктов, а также денег давали местные жители иноземцам. Жители жаловались на падёж скота, на отсутствие сена (в период сенокоса здесь проходили активные боевые действия), неурожай.

Вопрос о судьбе пленных, содержащихся в Порховской тюрьме, в том числе о родственниках Ивана Крюкова, был окончательно решён только в 1616 г. Комендант Порхова просил псковского воеводу И.Ф. Хованского выдать ему на обмен гдовского воеводу Вольмара фон Унгерна (Вольмерфана) с «детьми и племянницей» и «иных немец 30 человек». Ещё в октябре 1614 г. по указу царя в Псков послана грамота, где было сказано: «По челобитью Ивана Крюкова на обмену матерем, женами детям их дати из тюрьмы языков немец Калбелевой роты». Здесь речь идёт о захваченных в плен воинах Коробелла. Но, по-видимому, тогда обменялись более ценными пленниками, захваченными шведами (тихвинский игумен Онуфрий, Матвей Прозоровский и др.). Во всяком случае, этот вопрос о семействе Крюкова пришлось решать английскому послу Джону Меррику, который в письме от 28 февраля 1615 г. (или 1616 г.) года просил шведов выдать (сыновей) Ивана Крюкова, Ивана

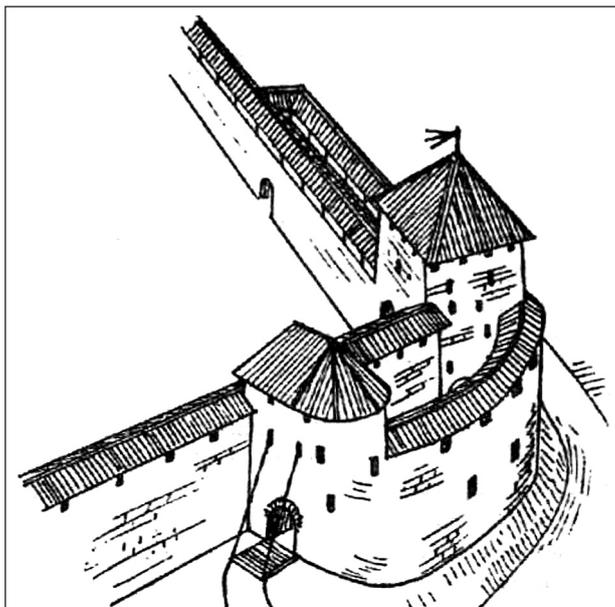
и Михаила, с их двумя сёстрами. Во втором письме от 10 апреля 1616 г. Меррик благодарит шведов за содействие в освобождении пленных детей Крюкова.

Значение восстаний в Тихвине, Порхове и Гдове велико как с военной, так и с политической точки зрения. Эти события явились поворотным моментом в ходе Смуты на Северо-Западе. Инициатива перешла к русскому командованию, которое предприняло осенью 1613 г. наступление на Новгород и Ладугу. Крупный отряд под руководством Андрея Фёдоровича Палицына зимой 1614 г., укрепившись в Рамышевском острожке, парализовал действия шведско-новгородской администрации в районе Старой Руссы. Отдельные партии казаков из района Рамышево и из Пскова совершали рейды зимой

1614 г. к Порхову. Шведы смогли окончательно восстановить контроль над этим районом только после поражения Трубецкого при Бронницах и отступления русской рати из Новгородской земли в июле 1614 г.

У ряда историков (В.А. Волкова, А.Л. Станиславского и др.), по не вполне ясным причинам, сложилось мнение о том, что московские войска оставили Порхов только после отступления Трубецкого от Бронниц в июле 1614 года. У исследователей, не знакомых с работой В.А. Фигаровского, но интересующихся событиями Смуты на Севере, складывается впечатление, что Порхов целый год, с лета 1613 г.,

когда здесь произошло восстание, до лета 1614 г., когда Трубецкой отступил от Новгорода, находился в руках сторонников Москвы.

✎ Порховская крепость. Никольский захаб в 1445–1475 гг. Рисунок по реконструкции Е.Г. Араповой и А.Н. Кирпичникова

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Богусевич В.А. Порховская крепость // НИС. 1936. Вып. 1.
 Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004.
 Замятин Г.А. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века. Рукопись // ПГОИАХМЗ. Фонд Музея. Инв. № 1205/1293.
 Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
 Кобзарева Е.И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005.
 Курбатов О.А. Тихвинское осадное сидение. М., 2006. С. 15.
 Лебедев Е.Е. Город Порхов и его окрестности. Новгород, 1915.
 Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.
 Фигаровский В.А. Партизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. / НИС. Вып. VI. Новгород, 1939.
 Юхан Видекинд. История десятилетней шведско-московитской войны / Перевод С.А. Аннинского, А.М. Александрова / Под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошевич. М., 2000.

ИСТОЧНИКИ

- Акты московского государства, изданные императорскою академиею наук под ред. Н.А. Попова (АМГ). Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890.
 Арсеневские шведские бумаги // Сб. НОЛД. Вып. VI. Новгород, 1912.
 Новый Летописец // ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910.
 Саблер Г. Собрание русских памятников, извлечённых из семейного архива графов Делгарди // Учёные записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1896.
 Якубов К. Русские рукописи Стокгольмского Государственного архива // ЧОИДР, 1890. Книга первая. М., 1890.

О.С. Маньлова

История газеты «Новгородские Епархиальные Ведомости»

1875–1919 гг.

Русская Православная Церковь уверенно воссоздаёт утраченную систему православных СМИ, которой обладала в начале XX века. Православные СМИ направлены на возрождение духовной стороны жизни человека путём приобщения его к православной вере. Они активно влияют на мировоззрение, историческое сознание, формируя своеобразный взгляд на человека и его место в мире.

Опыт прошлых изданий, интересные находки в православной печати могут успешно применяться и в наши дни. Православная Церковь бережно хранит те исторические корни, которые стали основой русской культуры, духовности. В современном обществе постепенно стираются нормы нравственности и морали. На такое положение вещей во многом можно повлиять, приобщая людей к православной традиции.

Обратимся к истории газеты «Новгородские Епархиальные Ведомости», официального издания Новгородской епархии в 1875–1919 гг.

Формирование церковной печати происходило в начале XIX века. Обширной сетью периодических изданий Русская Православная Церковь располагала уже к середине XIX века: были издания, рассчитанные на самые широкие слои населения, имели место сугубо научные печатные органы, богословские, ориентированные на учёных богословов и на высшую церковную иерархию, также религиозно-назидательные, официально-хроникальные.

В начале XX века Церковь, выпуская периодическую печать, ставила перед собой такие цели, как духовно-нравственное просвещение, борьба с отступлением от православного вероучения, атеистическими веяниями. Православные издания отражали проблемы, волнующие духовенство, освещали события, происходящие в стране, с церковных позиций.

Проследим историю возникновения «Епархиальных Ведомостей» как основного церковного периодического печатного органа в Новгородской губернии.

«Епархиальные ведомости» занимали важное место среди официальных изданий начала XX века. «До революции 1917 г. каждая епархия имела их в качестве своего основного печатного органа»¹.

Как отмечает А.Н. Кашеваров, инициатива основания «Епархиальных Ведомостей» принадлежала известному иерарху XIX в. — проповеднику архиепископу Херсонскому Иннокентию (Борисову), который создал концепцию издания в 1853 г. Согласно его концепции журнал делился на две части: официальную и неофициальную. В официальной части помещали указы и распоряжения Святейшего Синода, известия высшей государственной власти (в особенности, по данной епархии), распоряжения епархиального начальства, сообщения о перемещениях

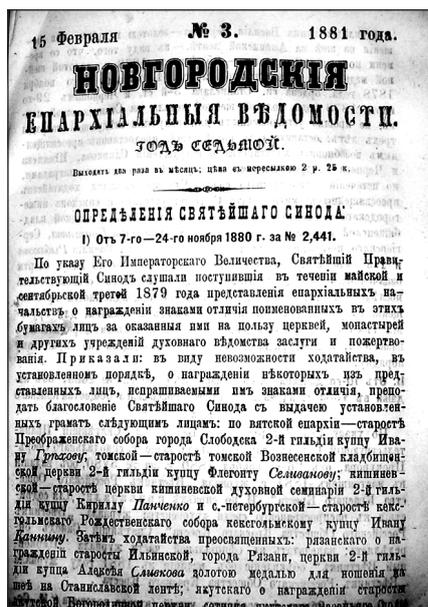
и вакансиях, извлечения из годовых отчётов различных епархиальных учреждений. Неофициальная часть предназначалась для публикации отрывков из творений святых отцов, проповедей, статей назидательного характера, местных исторических, краеведческих, биографических и библиографических материалов.

Концепция была представлена на утверждение Синоду спустя шесть лет преемником владыки Иннокентия на кафедре архиепископом Димитрием (Муретовым). В 1859 году она была утверждена Синодом. И с того момента программа издания была разослана всем епархиальным архиереям. В следующем году по этой программе начали выходить «Епархиальные Ведомости» в Ярославле, Херсоне. Через десять лет они уже издавались в большинстве епархий. Причём отдаленные епархии обзавелись своими журналами прежде столичных.

Становление этого наиболее распространённого типа церковных изданий проходило непросто. «Епархиальные ведомости» находились под двойной цензурой — Синода и епархиальных управлений. Большинство изданий первоначально не отражали жизни

епархий, публиковали статьи общего характера и являлись собой безликие издания, которые не пользовались популярностью у читателей.

По проблеме бессодержательности этого типа изданий в 1903 г. в церковной периодике прошла дискуссия. Основным был вопрос — какими должны быть «Епархиальные Ведомости». Редактор «Архангельских Епархиальных Ведомостей» А. Ежов отмечал, что в церковных изданиях этого типа «довлеют статьи отвлечённого содержания по богословским вопросам над заметками из практической жизни». «Олонецкая церковная газета»

называла «Епархиальные Ведомости» «сборниками случайных статей», выдвигая в качестве причины такого их характера то, что их редакции «не в состоянии иметь особых корреспондентов в провинции»².

По мнению Г.В. Жиркова, корни этой проблемы в том, что «Синод считал неуместным вообще соединение в одном журнале статей духовного и светского содержания, весьма различных по своему характеру, преимущественно для чтения православному народу». Это касалось всей церковной периодики³.

Но наряду с существенными недостатками важно также подчеркнуть достоинства этого типа изданий. В первую очередь в аспекте народного образования и просвещения: «Епархиальные Ведомости» уделяли особое внимание описанию деятельности духовных училищ и церковно-приходских школ. А также стоит отметить культурно-историческое значение: они приучали к чтению прессы население самых отдалённых глухих уголков российской провинции. При этом ведомости были своеобразным историческим источником, отражающим деятельность Церкви, так как они помещали статьи по истории епархий, отдельных приходов, монастырей, материалы о распространении христианства, нравах и быте местного духовенства, его материальном положении. Содержали материалы этнографического характера — о поверьях, обрядах, обычаях местного и «иностранного» населения; краеведческие сведения — громадное количество материалов, связанных с изучением родного края. Все это даёт возможность «уточнить некоторые вопросы об уровне и характере культурно-исторического познания в ту эпоху, как своеобразного пособия по изучению русской истории и этнографии»⁴.

Исследователи утверждают, что «Епархиальные Ведомости» представляли интерес не только для духовенства. В отдалённых епархиях они являлись своего рода местной прессой.

Газета «Новгородские Епархиальные Ведомости» издавалась с января 1875 года. Учредитель — Новгородская епархия. Можно выделить два периода в истории становления «Новгородских Епархиальных Ведомостей» — 1875—1902 гг., 1903—1920 гг.

С 1875 года газета выходила два раза в месяц. Цена годового издания с пересылкой составляла 2 рубля 25 копеек. Редактором, секретарём консистории на протяжении девятнадцати лет (с 1875 по 1893 гг.) являлся Н. Бернадский.

Первые издания «Новгородских Епархиальных Ведомостей» вплоть до 1894 года носили сугубо официальный характер и, следовательно, можно судить об узости читательской аудитории, в основном, это духовенство и церковнослужители.

В газете публиковались официальные церковные новости и объявления. Информация помещалась под рубриками: «Высочайшие награды», «Высочайшие повеления», «Распоряжения Епархиального начальства», «Движения и перемены по службе», «Праздные вакансии». Также в газете печатали указы Святого Синода.

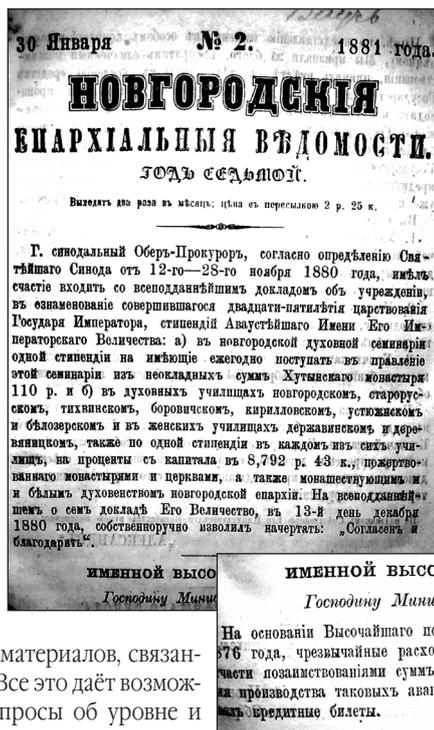
В рубрике «**Высочайшие награды**» помещали информацию о том, кто из священнослужителей и лиц «светского звания» получил церковные награды. Как становится известно из заметок, священнослужителей в то время награждали орденами Святого Владимира, Святой Анны. Их вручали «за усердную и безпорочную службу». Лицам «светского звания» — церковным старостам, новгородским мещанам и купцам — вручали золотые и серебряные медали «за заслуги не служебные по церковному ведомству».

Рубрика «**Высочайшие повеления**» включала документы Государственного Совета, утверждённые императором Александром III. Среди них в подшивке журналов за 1889 год повеления «Об ответственности раскольников за совершение духовных треб для православных», «Об изменении порядка рассмотрения судебными местами дел о преступлениях против православной веры», «Об ограничении участия нехристиан в заведывании начальниками народными училищами» и др.

Под рубрикой «**Распоряжения Епархиального начальства**» помещали информацию о том, кому из священнослужителей «*дозволено употреблять на бедренник*» во время церковной службы; объявлялись благодарности за пожертвования, а также давались разрешения на строительство или ремонт церковных сооружений: «*Причту и старосте Мало-Вишерской церкви Крестецкого уезда разрешено произвести на их церкви следующие работы: 1) окрасить весь храм внутри, не исключая и алтаря, клеювою, а карнизы внутри масляной краской; 2) заложить кирпичом дверь, ведущую в храм с южной стороны; 3) устроить помещение для ризницы, для чего в первом ярусе колокольни поставить деревянную бревенчатую стену, и устроить в ризнице железную печь и 4) окрасить железную крышу на храме медянкой, с употреблением на это 200 р. из текущих церковных доходов*»⁶.

Указы и определения Святого Синода. В сборнике журналов за 1889 год опубликованы следующие указы: «О содействии монастырей нуждам церковно-приходских школ», «О приведении в исполнение решений Епархиального начальства о причтах, повенчавших незаконные браки», «О точном соблюдении законной формы записи рождения и крещения лиц, прижитых вне брака», «О принятии некоторых мер против пьянства в народе», «О мерах к предупреждению лжеучения» и др.

«Движения и перемены по службе» — информация о повышении в церковном звании, поступлениях в штатную службу при храмах, «увольнениях» в

гражданское состояние. «Послушники Нило-Сорской пустыни Иосиф Николаевский и Асикрит Рождественский, за нетрезвость и самовольные отлучки из обители уволены в прежнее гражданское состояние»⁷.

«Праздные вакансии». Вакансии на должности священников, диаконов и псаломщиков. Как видно из публикуемых здесь сообщений, церковнослужители требовались, в основном, в уезды.

В рубрике **«Объявления»** помещалась информация рекламного характера. Рецензии на поступившие в продажу книги («Практическое руководство при отправлении приходских треб»), рекламные статьи о газетах и журналах, с указанием цен и скидок. Причём издания не только православные, но и научно-публицистические (журнал «Вокруг света»), политико-литературные («Газета А. Гатцука»), детские (журнал «Родник»).

Публиковались также правительственные сообщения, определения сената, сообщения совета Новгородского епархиального братства, отчёты и подробные счета о расходах сумм училищ, приходских школ и др.

Например, в № 3 «Новгородских Епархиальных Ведомостей» за 1889 год опубликовано распоряжение по IV судному столу: *«Иеродиакону Старорусского монастыря Паисию, за нетрезвость, сопровождавшуюся нетрезвыми поступками, и за оскорбление им своего настоятеля, запрещено священнослужение и ношение монашеской одежды впредь до искреннего раскаяния и совершенного исправления поведения, при чем перемещен он из Старорусского в Опеченский монастырь, под строжайший надзор настоятеля»⁸.* Сообщения такого рода подчёркивали то, что газета не скрывала от своих читателей информацию негативного характера.

В 1894 году в «Новгородских Епархиальных Ведомостях» произошли существенные изменения. Газета значительно увеличилась в объёме и стала делиться на две основные части: официальную и неофициальную. Официальную часть редактировал Х. Попов, неофициальную — редактор семинарии, архимандрит Димитрий и преподаватель семинарии Степан Успенский.

В 1897 году в № 1 «Новгородских Епархиальных Ведомостей» на первой странице появляется иллюстрация. На ней изображён памятник Тысячелетию России на фоне стен Новгородского кремля, за которыми видны купола Софийского собора и Колокольня Ивана IV. Изменился формат издания: раньше был А5, теперь за счёт иллюстрации газета вытянулась в длину. Возможно, это связано с тем, что она стала печататься в новой паровой типографии И.И. Игнатовского (Знаменская ул., собственный дом). В 1902 г. иллюстрацию на первой странице заменила фотография Софийского собора.

Официальная часть стала более информативной. Продолжали печатать высочайшие манифесты, повеления, награды, распоряжения и определения

Святого Синода, распоряжения по епархиальному управлению. Помимо этого, здесь появились статьи религиозно-просветительских и благотворительных обществ, информация о вступительных испытаниях в духовную семинарию и училища, сведения об умерших церковнослужителях, отчёты об архиерейских богослужениях.

Неофициальная часть представляет больший интерес, нежели официальная.

В рубрике **«Слова, поучения, беседы и речи»** помещали статьи о церковных праздниках и обрядах (крестный ход на Иордань, Великий пост), слова, произнесённые в день восшествия на престол императора Николая Александровича, в день пятидесятилетия высокопреосвященного архиепископа Новгородского и Старорусского Гурия и др.

Рубрика **«Из текущей епархиальной жизни»** содержала новости епархии. Наиболее интересные, на наш взгляд, статьи были посвящены тому, как происходило крещение еврейских семей, как раскольники переходили в православие. Здесь публиковали информацию о праздновании юбилеев, об освящении церквей, о начале учебного года в семинариях и училищах.

«Статьи догматического и нравоучительного содержания» включали следующие материалы: «Исповедь пьяницы», «Достоевский о вере и неверии», «Заветы мирянам преподобного Серафима Саровского» и др.

«Статьи пастырско-практического и литургического содержания»: о значении богослужения и пастырской проповеди, о духовных завещаниях, о библиотеках-копейках и др.

«Статьи исторического характера»: об исторических заслугах новгородского духовенства, о новгородских святых, о положении вдовых священников в XVIII веке и др.

«Некрологи»: статьи, посвящённые памяти скончавшихся священников, диаконов, старост и других церковнослужителей.

«Смесь»: сообщения о секте хехулитов и каюков, о язычестве в Казанской губернии, о пагубности учения графа Л. Толстого и др.

Следует отметить, что не все из перечисленных рубрик встречались в каждом номере. Но газета стремилась сделать их постоянными, повторяющимися из номера в номер.

После смерти редактора неофициальной части «Новгородских Епархиальных Ведомостей» Степана Успенского (23 мая 1903 г.) указом Святого Синода от 18 июня 1903 г. на его место был назначен преподаватель Новгородской духовной семинарии, церковный публицист и краевед Владимир Николаевич Фиников (1870—1940 гг.). Эту должность Фиников исполнял до сентября 1920 года.

На Финикове, как редакторе, лежала колоссальная нагрузка. Издававшиеся прежде 2 раза в месяц, ведомости

с 1906 до 1917 гг. стали выходить еженедельно, притом увеличивались в объеме.

Программа «Епархиальных Ведомостей» постоянно развивалась. «Как одно из направлений следует отметить публицистичность, к которой все более подходил и сам Владимир Николаевич»⁹. Особенно ярко (и не случайно) это направление обозначилось в 1905—1906 гг.

Большая личная заслуга Финикова видится нам в публикации многочисленных документов XVII—XIX вв., из дел, хранившихся в архиве Новгородской Духовной Консистории, а также статей, написанных на основе этих дел: «Старорусское духовенство во время бунта 1831 г.», «Прошлое и настоящее Колмовской церкви», «Страничка из быта духовенства начала XVIII века».

В 1914 году в неофициальной части число рубрик сократилось до трёх: «Речи, поучения и другие статьи», «Из текущей епархиальной жизни», «Смесь». Следует отметить, что сокращение рубрик произошло не в ущерб содержанию.

С началом Первой мировой войны практически каждый номер «Новгородских Епархиальных Ведомостей» содержал статьи, посвящённые этому трагическому событию. В них публиковали известия о войне, фронтовые рассказы («Августейшая сестра милосердия», «Героиня»), аналитические материалы о значении войны и о жертвах, статьи, призывающие к пожертвованиям на нужды военных госпиталей.

Газета продолжала на своих страницах вести линию борьбы с пьянством в народе («Устав епархиального братства трезвости», «Отчёт о пожертвованиях братству трезвости», «Вечер братства трезвости»).

Если поначалу издание предназначалось, скорее, духовенству епархии, то, с каждым годом совершенствуясь, сокращая официальную хронику и расширяя неофициальную, оно стало интересным и для православных верующих.

К 1917 году авторитет Церкви среди широких слоёв населения значительно упал. «С 1906 года в Синод поступали докладные записки из епархий об отходе рабочего люда от церкви»¹⁰. Причинами послужили антирелигиозная пропаганда и агитация против Церкви, Первая мировая война: в сознании крестьян духовенство являлось сторонником продолжения войны, а также введённая Петром I синодальная система, означавшая подчинение Церкви бюрократическому аппарату.

В начале XX века Церковь обладала солидной издательской базой. Революция 1917 года разрушила мощную систему церковной печати. Церковь потеряла

свое влияние на общество посредством религиозных организаций, издательской деятельности. Весной 1918 года в связи с дороговизной бумаги и типографских расходов закрываются местные церковные издания. К лету 1918 года всем национализированным типографиям запрещалось под угрозой строгой ответственности печатать для Церкви.

Особо значительным, на наш взгляд, является факт издания «Новгородских Епархиальных Ведомостей» в 1917—1920 гг.

Дело издания Епархиальных ведомостей в послереволюционные годы было необычайно сложным. Типография отказалась печатать их без разрешения властей. «С большим трудом Финикову удалось достать бумагу из губернского бумажного фонда»¹¹. В связи со сложным материальным положением, с 1917 газета выходит два раза в месяц.

В следующем 1918 хроника епархиальной жизни приобретает поистине телеграфный стиль. Здесь сообщения о голоде, арестах и расстрелах духовенства, реквизиции монастырского имущества и земель и т. п.

Как сообщал № 1 «Новгородских Епархиальных Ведомостей» 1919 года, в 1919 году газета, как и большинство изданий того времени, была закрыта «за контрреволюционную направленность»¹².

Но через несколько месяцев в том же 1919 году при тщательном просмотре дел Государственного архива Новгородской области удалось найти номера, датированные 1920 годом. Их было всего четыре: за январь, февраль, март, апрель. «Тираж последних номеров колебался от 900 до 1000 экземпляров»¹³.

№ 3—4 (март—апрель) «Новгородских Епархиальных Ведомостей» 1920 года начинается заметкой редакции о том, что Епархиальные Ведомости разрешены к изданию Государственным Издательством под условием помещения в них лишь официальных известий по епархии. Таким образом, неофициальная часть не может быть выпускаема.

Номер содержит текст молитвы на литургии после сугубой ектении, циркуляр Губисполкома об отделении Церкви от государства: к вопросу о браке, указ о снятии церковного благословения и о венчании разведённых, новости от Епархиального совета, праздные вакансии.

Даже в условиях революции 1917 года газета выполняла важную функцию — стремилась сохранить православные ценности и донести их до читателя, пытаясь противостоять революционному террору.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кашеваров А.Н. Печать Русской Православной Церкви в XX веке: Очерки истории. СПб., 2004. С. 16.

² Кашеваров А.Н. Печать Русской Православной Церкви в XX веке: Очерки истории. СПб., 2004. С. 17.

³ Жирков Г.В. Духовная журналистика: история, традиция, опыт // Журналистика. Церковь. Просвещение. СПб., 2002. С. 90, 91 / Кашеваров А.Н. Печать Русской Православной Церкви в XX веке: Очерки истории. СПб., 2004. С. 17.

⁴ Кашеваров А.Н. Печать Русской Православной Церкви в XX веке: Очерки истории. СПб., 2004. С. 18.

⁵ Как известно, в дореволюционной России приставки «бес» не существовало, т.к. само по себе слово «бес» считалось синонимом словам «дьявол», «сатана».

⁶ Новгородские Епархиальные Ведомости. 1889. № 2. С. 18.

⁷ Новгородские Епархиальные Ведомости. 1889. № 1. С. 8.

⁸ Новгородские Епархиальные Ведомости. 1889. № 3. С. 37.

⁹ Моисеев С. Из истории «Новгородских Епархиальных Ведомостей» [Текст] / Сергей Моисеев // Новгородские Епархиальные Ведомости. 1995. № 9. С. 3.

¹⁰ Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 17.

¹¹ Моисеев С. Указ. соч. С. 3.

¹² Новгородские Епархиальные Ведомости. 1995. № 1. С. 3.

¹³ Моисеев С. Указ. соч. С. 3.

На иллюстрациях — экземпляры газеты из фондов Научно-справочной библиотеки Государственного архива Новгородской области

И.В. Хохлов

ВОИНСКИЕ ХРАМЫ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

22-я пехотная дивизия и 22-я артиллерийская бригада

Как верно отметил германский офицер Гейно фон Базедов, посетивший Россию накануне Первой мировой войны, «Русская армия отличается тесной связью военного духа с религиозным чувством»¹. В армии официально отмечали православные праздники, каждая отдельная войсковая часть, каждая рота или эскадрон в составе полка имели своих небесных покровителей, существовали полковые, ротные, эскадронные и батарейные иконы. Более того, каждая часть Русской армии имела свой храм.

Это были так называемые походные церкви, по сути дела обыкновенные палатки, в которых размещался походный иконостас и прочее церковное убранство. Такие храмы сопровождали полк во всех его походах и при всех его передислокациях. В мирное время они могли располагаться в стационарных полковых церквях или в казарменных помещениях. Посвящены походные церкви были тому святому или празднику, в день почитания которого отмечался ежегодный полковой праздник.

Приблизительно с середины XVIII в. в местах постоянного квартирования частей начинают возводиться стационарные воинские храмы. Частые передислокации частей приводили к тому, что такие церкви могли переходить в распоряжение других полков, сменявших своих предшественников. Иногда в ведение воинских частей передавались церкви, не относившиеся до этого к военному ведомству.

Новгородская губерния на протяжении XIX — начала XX в. была местом дислокации многочисленных армейских частей и соединений. Ещё в эпоху военных поселений было построено несколько казарменных комплексов, включавших в себя и здания церквей. В работах над созданием этих казарм принимал участие знаменитый архитектор В.П. Стасов.

В данной статье будут рассмотрены храмы полков 22-й пехотной дивизии (85-го пехотного Выборгского, 86-го пехотного Вильманstrandского, 87-го пехотного Нейшлотского и 88-го пехотного Петровского), а также 22-й артиллерийской бригады.

Дивизия и бригада были переведены на квартиры в Новгородскую губернию из Финляндии в 1864 г. Дивизионный штаб расположился в губернском центре,

в здании бывшего Путевого дворца. В Новгороде же в конце XIX — начале XX в. находились штаб, три батальона и нестроевая рота Выборгского полка, занимавшие приспособленные под казармы корпуса бывшей парусной фабрики. Ещё один батальон полка квартировал в Трубичино, в одноэтажных деревянных казармах, расположенных вдоль берега р. Питъбы. Там же, в Трубичино, в одном из деревянных зданий, располагалась и походная полковая церковь во имя Тихвинской Божьей Матери (полковой праздник отмечался 26 июня² — в день почитания иконы). Богослужения в ней совершались по найму свободными от служб в своих церквях или заштатными священниками епархиального ведомства или иеромонахами ближайших монастырей³. С этой походной церковью полк прошёл две войны — русско-японскую 1904—1905 гг. и Первую мировую. Кроме того, 17 сентября 1909 г. в Трубичино была освящена Свято-Николаевская церковь, также приписанная к 85-му пехотному Выборгскому полку⁴.

Кроме походной полк имел и стационарную церковь. Церковь, посвящённая св. благоверному в. кн. Александру Невскому, была сооружена в 1884 г. на церковные и полковые средства, а также на пожертвования бывших офицеров полка⁵ в пристройке к восточной части полкового манежа.

Проект постройки в Новгороде при строениях упразднённой парусной фабрики каменного экзерциргауза с церковью был высочайше утверждён в ноябре 1833 г.⁶, однако смета на необходимые материалы и работы была утверждена лишь в 1839 г.⁷ Строительство растянулось ещё более чем на десять лет, и здание в целом было возведено и начало использоваться войсками по назначению только к концу 1851 г.⁸ К тому времени идея

☞ Церковь св. Александра Невского при манеже в Новгороде. Современный вид

устроить в пристройке к манежу церковь была оставлена, и помещение приспособлено для других целей — там располагался то склад инструментов и материалов инженерного ведомства, то гимнастический и фехтовальный классы для нижних чинов Гренадерского сапёрного батальона.

После перевода в Новгород Выборгского полка в его ведение поступил и манеж с пристройкой. Как уже было сказано, в 1884 г. пристройка была реконструирована, и в ней разместилась полковая церковь.

В церкви Выборгского полка среди прочих реликвий хранилась икона-складень в серебряной ризе с эмалью венцом, поднесённая полку новгородским купеческим обществом 15 апреля 1890 г. в память двадцатипятилетия пребывания полка в Новгороде. В этот день в Новгороде прошли торжества, в ходе которых городские власти и общество чествовали стоявшие в городе войска — 85-й пехотный Выборгский полк и 22-ю артиллерийскую бригаду. Полку и бригаде были подарены иконы-складни от купеческого общества, серебряные блюда и солонки от городского общества, а также поздравительные адреса. В средней части поднесённого полку складня была помещена копия иконы Знамени Божьей Матери, на боковых створках — св. Георгий Победоносец и Ангел-Хранитель⁹. 25 июня 1900 г., во время празднования двухсотлетнего юбилея полка, новгородское городское общество поднесло полку ещё одну икону — Тихвинской Божьей Матери¹⁰, а во время русско-японской войны, весной 1905 г., от Знаменского собора и Духова монастыря полк получил хоругвь с изображением всё той же Знаменской иконы¹¹.

В церкви же хранились и старые полковые знамёна, в том числе два знамени 1780 г., выданные полку из Артиллерийского исторического музея предписанием Главного артиллерийского управления от 19 ноября 1902 г.¹² По всей видимости, в полковой церкви хранилось и полковое юбилейное знамя образца 1883 г., пожалованное полку 25 июня 1900 г., с изображением полковой иконы — Тихвинской Божьей Матери, а также надписью: «*За отличие в войне против французов в 1812, 1813 и 1814 годах*»¹³. Кроме того, знамя имело две ленты — Александровскую юбилейную (такие ленты были с 1838 г. непременным атрибутом юбилейных знамён и штандартов армейских полков) и германскую ленту ордена Чёрного Орла, пожалованную полку 18 декабря 1888 г. шефом — германским императором Вильгельмом II¹⁴. 14 января 1907 г. за отличия в Русско-японской войне 1904—1905 гг. 85-му пехотному Выборгскому полку была пожалована одна из высших коллективных наград русской армии — Георгиевское знамя. К прежней надписи на новом знамени

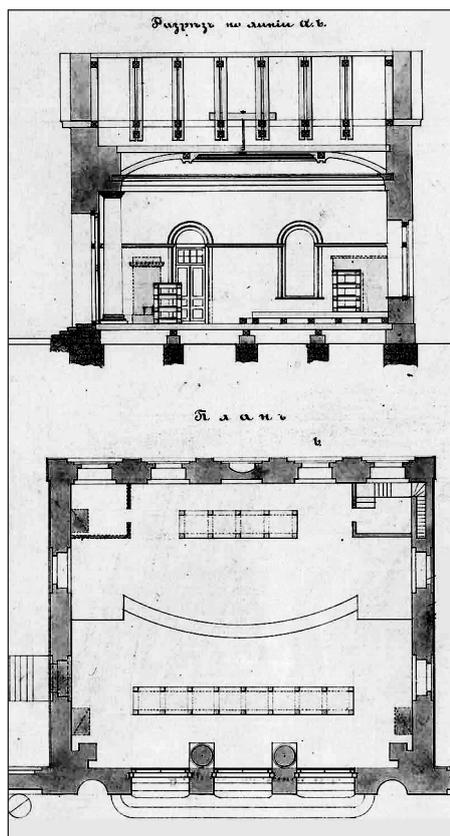
было добавлено: «*и за Тунлинский перевал 17—23 февраля 1905 года*». На новое знамя были перенесены обе упомянутые ленты¹⁵. Знамя было нового образца, утверждённого в 1900 г., и на нём вместо полковой иконы было помещено изображение Спаса Нерукотворного. Старое знамя, полученное полком в 1900 г., по правилам должно было отправиться на хранение в арсенал. Однако на рубеже XIX—XX вв. в русской армии широко практиковалось хранение старых знамён в полковых церквях или музеях.

Кроме того, при церкви имелся архив, в котором хранилась церковная документация с 1815 г., а также небольшая библиотека, состоявшая из богослужебных книг и литературы религиозно-нравственного содержания¹⁶.

Неподалёку, в половине версты от церкви, располагалось гарнизонное Александро-Невское кладбище с деревянной часовней, также находившиеся в фактическом ведении Выборгского полка¹⁷. Необходимо отметить, что в конце XIX в. военное командование уделяло немало внимания устройству военных кладбищ. Так, 6 июня 1887 г. главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа великий князь Владимир Александрович приказал образовать комиссию для выработки правил погребения нижних воинских чинов. Вскоре неподалёку от Петербурга были открыты два особых военных кладбища — Преображенское и Успенское¹⁸. Были назначены временные попечители военных кладбищ — начальники отдельных войсковых частей, на которых было возложено исполнение всех общих обязанностей, связанных с устройством кладбищ, установлением за ними надзора и поддержанием благоустройства. В качестве образца было рекомендовано использовать Красносельское военное кладбище. Уже к 1894 г. военные кладбища были открыты в пределах Петербургского военного округа почти повсеместно¹⁹.

На таких кладбищах хоронили нижних чинов, умерших или погибших во время прохождения ими военной службы. Каждая войсковая часть гарнизона имела на кладбище свой участок. Кресты на могилах выкрашивались в тот или иной цвет в зависимости от принадлежности умершего к части.

Церковь Выборгского полка в Новгороде, по меньшей мере, дважды удостоилась посещения высочайших особ. Так, 19 марта 1902 г. в храме побывал главнокомандующий войсками округа великий князь Владимир Александрович, а 11 января 1903 г. — великий князь Михаил Александрович и наследник германского престола кронпринц Вильгельм²⁰. Отец последнего, германский император Вильгельм II, с 6 августа 1888 г. и до начала

✂ **Разрез и план пристройки к манежу в Новгороде, 1862 г. (РГВИА)**

Первой мировой войны был шефом 85-го пехотного Выборгского полка.

В 1918 г. 85-й пехотный Выборгский полк был расформирован. Тогда же, по всей видимости, перестали функционировать и его церкви.

Здания полковой церкви и манежа дошли до наших дней. Сейчас они заняты спортивным комплексом «Манеж».

Второй полк дивизии — Вильманstrandский — был расквартирован в Старой Руссе, в казармах, построенных в эпоху военных поселений. Казарменный комплекс включал в себя и церковь.

Постройка храма, предназначенного для штаба войск 2-й и 3-й поселённых гренадерских дивизий, была завершена в 1827 г., однако освящён храм был лишь спустя семь лет, 28 июня 1834 г. По воле графа А.А. Аракчеева храм был посвящён памяти императора Павла I. В написании образов для церкви по его же

✂ **Манеж и церковь в Старой Руссе.**
С открытки начала XX в.

просьбе принимали участие члены Академии художеств, в том числе такие известные живописцы, как А.Е. Егоров (написал образа Спасителя и Божьей Матери, а также Евангелистов и Благовещения на Царских вратах) и А.А. Иванов (написал «Тайную вечерю» над Царскими вратами и «Снятие со креста»). Последние два образа были написаны А.А. Ивановым для малой церкви Зимнего дворца в конце 1820-х гг. и пожалованы императором Николаем I храму во время его визита в Старую Руссу 8 сентября 1830 г.²¹

В 1864 г. церковь свв. апп. Петра и Павла перешла в ведение 86-го пехотного Вильманstrandского полка.

По конструкции эта церковь была близка к церкви Выборгского полка — она представляла собой прямоугольную в плане пристройку с шестиколонным портиком в центральной части манежа. С манежем она соединялась тремя большими дверьми. Половина здания была занята алтарём, поэтому общая вместимость церкви была небольшой и составляла 150—180 человек. Правда, предполагалось, что во время служб можно использовать примыкающие площади манежа, «но на деле это совсем неудобноприменимо: из манежа ничего не слышно и ничего не видно, что происходит в церкви»²². Кроме того, манеж часто был занят для военных целей, а в зимнее время его помещение и вовсе было непригодно для молитвы. Особенно остро это неудобство ощущалось

во время Великого поста, когда приходилось делить личный состав полка на две смены на каждую неделю поста.

Для того чтобы исправить такое положение и перестроить церковь, командир полка полковник Е.П. Вишняков обратился за помощью к протопресвитеру военного и морского духовенства А.А. Желобовскому. Благодаря содействию последнего финансовую поддержку оказал известный в то время благотворитель, действительный статский советник В.Я. Яковлев, имевший уже подобный опыт при строительстве Красносельской военной лагерной церкви. Нашлись спонсоры и в Старой Руссе. Городской голова А.А. Невский выделил первоначально три тысячи рублей, а позднее довёл сумму пожертвования до десяти тысяч. Военное ведомство по ходатайству начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа Н.И. Бобрикова выделило медь для отливки колоколов ростовского звона по методу священника Израилева²³.

Закладка пристройки к церкви была совершена 3 декабря 1895 г. в присутствии протопресвитера военного и морского духовенства А.А. Желобовского, специально прибывшего для этого в Старую Руссу, и В.Я. Яковлева. Протопресвитер совершил божественную литургию и освятил основание пристройки²⁴.

Реконструкция здания церкви заключалась в пристройке алтарного помещения, в результате чего вместимость храма значительно увеличилась. Теперь он вмещал до 600 человек²⁵.

3 ноября 1896 г. состоялось освящение реконструированного храма, которое совершил всё тот же А.А. Желобовский совместно с архимандритом старорусского Спасо-Преображенского монастыря, благочинным 22-й пехотной дивизии и четырьмя городскими священниками²⁶. Вновь освящённая церковь была посвящена св. благоверному в. кн. Александру Невскому (30 августа, в день перенесения мощей этого святого, отмечался полковой праздник).

В украшении новой церкви принимал участие и сам командир полка Е.П. Вишняков. Будучи художником-любителем, он написал иконы св. Апостолов, св. кн. Владимира, св. Николая Чудотворца и св. царицы Александры²⁷.

Так же, как и церковь Выборгского полка, храм в Старой Руссе был местом хранения многих полковых реликвий.

Обновлённая церковь отвечала всем требованиям, предъявляемым к подобным храмам, и была по достоинству оценена вышестоящим начальством. В марте 1897 г. Старую Руссу посетил великий князь Владимир Александрович. Осмотрев храм, главнокомандующий пришёл к выводу, что он выделяется среди прочих военных церквей «как своим благолетием, так и размерами, дающими возможность в ней помещаться одновременно почти всему полку»²⁸.

Однако простояла новая церковь недолго. На пасхальной неделе 1914 г. произошёл пожар, в результате которого сгорел манеж и, по всей видимости, церковь, являвшаяся пристройкой к нему. Руины позднее были разобраны на кирпич. Ещё в 1916 г. В.А. Пылаев писал, что «развалины этого здания представляют ценность как строительный материал»²⁹.

Казарменный городок с церковью 87-му пехотному Нейшлотскому полку достался «в наследство» от Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса. Казармы, расположенные неподалёку от Новгорода, на берегу Мсты, были построены также в эпоху военных поселений. Сейчас это посёлок Новоселицы, в те же времена он назывался Аракчеевкой.

☛ Казармы 88-го пехотного Петровского полка в с. Грузино. С открытки начала XX в.

Здание церкви, посвящённой свв. апп. Петру и Павлу, вместе с манежем было построено в 1830 г. для штаба Гренадерского наследного принца прусского полка. Здесь так же, как в Новгороде и Старой Руссе, храм являлся пристройкой к манежу. Церковь была небольшой и могла вместить до 400 человек. К началу XX столетия в храме сохранился иконостас 1830 г., вызолоченный заново в 1908 г.³⁰

Здание церкви, утратив своё первоначальное назначение, существует и поныне — в Аракчеевских казармах и сейчас расположена воинская часть.

2 октября 1911 г. в Петропавловской церкви был освящён придел во имя небесного покровителя полка — св. благоверного в. кн. Александра Невского (Нейшлотский полк отмечал свой праздник 30 августа, в день перенесения мощей святого князя). Придел этот был сооружён «в молитвенную память чинов полка, погибших в русско-японской войне 1904—1905 гг.»³¹.

Образованная приказом по полку комиссия остановилась на проекте придела, предложенном капитаном полка К.Е. Даниловым. Средства на это благое дело собирались офицерами, чиновниками и солдатами сообща: «Офицеры, врачи и чиновники тотчас же решили делать из получаемого содержания ежемесячные вычеты в пользу строящегося алтаря; полковые дамы жертвовали вещами и вложили свои труды; сверхсрочные нижние чины пожертвовали полное священническое облачение; роты и команды жертвовали деньгами, причём некоторые из них даже отказались от святочного развлечения «на ёлке» и от улучшенной пищи в день ротных праздников, а некоторые нижние чины, жертвуя часами отдыха, работали над постройкой до полуночи и в праздники»³².

Придел во имя св. благоверного в. кн. Александра Невского стал местом хранения многих полковых святынь:

в верхнем ярусе иконостаса располагались иконы Рождества Христова (в память первой литургии, совершенной под артиллерийским огнём японцев 25 декабря 1904 г.), Покрова Пресвятой Богородицы (в память боёв на реке Шахэ и взятия Новгородской сопки 30 сентября — 3 октября 1904 г.). По сторонам от них находились два образа, доставшихся от старого Нейшлотского мушкетёрского полка: икона Святителя Николая Чудотворца в серебряной ризе и Казанской Божьей Матери. С внутренней стороны иконостас был драпирован материей, служившей иконостасом в полковой походной церкви в Маньчжурии, а на этой материи размещались иконы, написанные в китайской фанзе на рубашечном холсте рядовым 9-й роты Зайцевым³³.

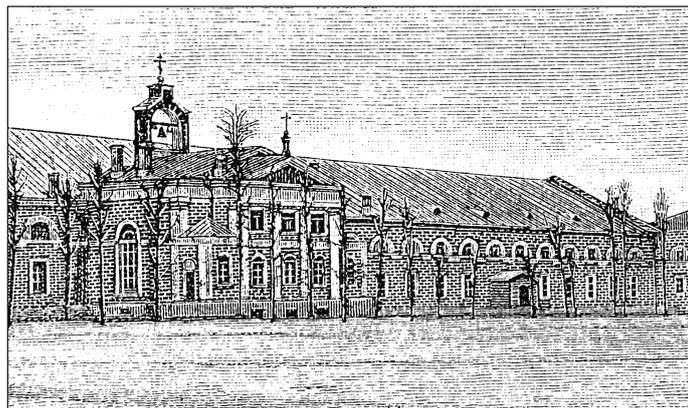
Завершая рассказ о храме Нейшлотского полка, можно добавить, что с 1911 г. при нём было открыто Общество трезвости.

Ещё один полк из состава 22-й пехотной дивизии — 88-й пехотный Петровский — к началу прошлого века был расположен следующим образом: штаб полка и 1-й батальон квартировали в казармах в с. Грузино (бывшей усадьбе графа А.А. Аракчеева), 2-й батальон —

в Муравьёвских казармах (вместе с 1-м мортирным артиллерийским дивизионом), 3-й и 4-й батальоны — в Масленских казармах. И в каждом из этих пунктов были устроены церкви.

В Грузино с 1911 г. находилась походная полковая церковь, посвящённая св. благоверному в. кн. Александру Невскому. Отдельного здания для церкви построено не было, и она располагалась на третьем этаже казармы. Вмещало это помещение до 500 человек. Из исторических реликвий, хранившихся в храме, можно выделить два серебряных подсвечника, подаренных Нейшлотским полком в 1825 г.³⁴

Спасо-Преображенская церковь в Муравьёвских казармах, построенных в 1818—1826 гг.³⁵, была предназначена первоначально для Гренадерского короля прусского

☛ Манеж и Спасо-Преображенская церковь в Муравьях

полка и также являлась пристройкой к манежу. Проект здания храма был разработан В.П. Стасовым и утверждён в 1820 г. Правда, возведённое в действительности здание несколько отличалось от запроектированного — было упрощено перекрытие и уменьшен объём³⁶.

Позднее, до 1863 г., Спасо-Преображенская церковь была полковым храмом л.-гв. Уланского его величества полка. После его ухода на новые квартиры церковь лишилась постоянного причта и постепенно пришла в запустение. В довершение всего в 1872 г. произошёл пожар, фактически уничтоживший манеж и церковь, от которой остался лишь каменный остов. Однако ситуация изменилась к лучшему с приходом 1-й резервной артиллерийской бригады. Уже 8 февраля 1879 г. вновь отстроенная церковь была освящена³⁷. С 1885 г. в Муравьевских казармах расположился 2-й батальон Петровского полка, ещё через три года к нему присоединился 24-й летучий артиллерийский парк³⁸. В 1894 г. здесь же был расположен 4-й мортирный артиллерийский полк (позднее — 1-й мортирный артиллерийский дивизион). Чины всех этих войсковых частей были прихожанами Спасо-Преображенской церкви.

Особенно остро необходимость в храме испытывали, по мнению полкового священника К. Серпухова, чины 3-го и 4-го батальонов в Масленских казармах, ведь «стоянка эта представляет из себя очень неудобное скучное захолустье, где поистине нечем наполнить свободного от служебных занятий времени. Отсюда здесь нередко были нежелательные случаи проступков, преступлений, нравственного падения, душевных болезней и даже самоубийств»³⁹. К тому же летом в лагерь поблизости от Масленских казарм прибывали и остальные два батальона полка.

Благодаря энергии священника, усилиям всех чинов полка и помощи нейшлотцев храм был обустроен менее чем за месяц в манеже. Все обитатели казарм приложили усилия к этому: «Один выразил желание и поехал в распутицу в Аракчеевские казармы, в Нейшлотский полк за походной церковью, другой составлял план расположения храма в манеже, отремонтированном для этой цели на счет полка, кто по приёме иконостаса поновлял живопись оного, кто исполнял токарную работу; тот целыми днями наблюдал за ремонтом помещения, устройством пола и клиросов — работой, производимой нижними чинами батальонов; этот жертвовал своим трудом, тот — денежными пожертвованиями и вещами. Одним словом, все стремились поскорее видеть храм благоустроенным. Так, между гг. офицерами было собрано по подписке 115 рублей, вдова полковника Фёдорова пожертвовала образ Архангелов в серебряной ризе, 7×8 вершков, один из офицеров — два бронзовых подсвечника, другой лампаду к Тайной вечери»⁴⁰.

Нейшлотский полк уступил во временное пользование св. антиминс в честь св. благоверного в. кн. Александра Невского, св. престол, жертвенник, иконостас, две лампады, богослужебные книги и другие предметы

церковного убранства. Кроме того, священник Нейшлотского полка В. Покровский лично от себя пожертвовал священническое облачение и несколько других предметов. Всё остальное, что было необходимо для богослужений, было приобретено на церковные суммы, пожертвовано церковью при штабе полка или благотворителями. Освящение храма состоялось 28 марта 1900 г.

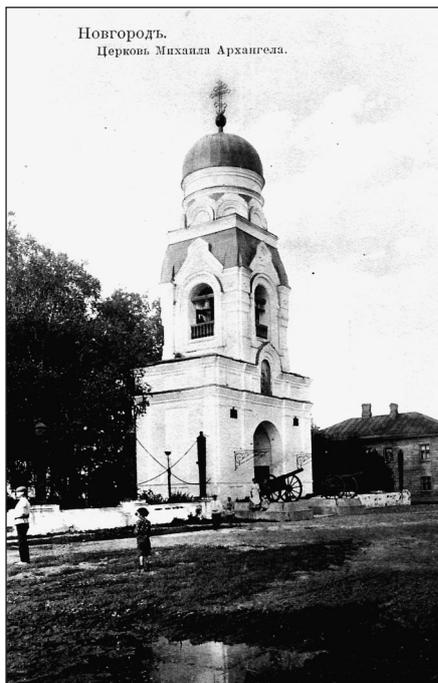
Последняя церковь, о которой пойдёт речь в данной статье, первоначально не имела отношения к военному ведомству. Это церковь св. Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде, которая в конце XIX — начале XX в. находилась в ведении 22-й артиллерийской бригады. Батареи расквартированной с 1865 г. в Новгороде бригады занимали казармы на Мининской улице и на берегу реки Гзень.

Церковь Михаила Архангела была заложена ещё в 1219 г., однако впоследствии несколько раз перестраивалась, последний раз в середине XIX в. В 1852 г. была разобрана ветхая звонница, расположенная к юго-востоку от церкви⁴¹. Дальнейшая реконструкция храма происходила при покровительстве великого князя Михаила Николаевича, являвшегося генерал-фельдцейхмейстером (то есть в его ведении находилась вся русская артиллерия). В 1856 г. был составлен проект каменной колокольни при церкви, колокола для которой были отлиты из пожалованных великим князем пушек. Однако сама колокольня была заложена лишь спустя несколько лет, 13 сентября 1864 г., в память об окончании Кавказской войны⁴². Такое посвящение было

не случайным — Михаил Николаевич с 1863 г. был наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказской армии. Позднее перед колокольней были установлены два орудия, подаренные высочайшим покровителем. Из орудийных стволов была сделана и ограда вокруг церкви.

Здание храма сильно пострадало во время Великой Отечественной войны, позднее оно было перестроено и лишилось купола. Колокольня не сохранилась вовсе. Долгое время здание бывшей церкви использовалось в качестве жилого дома, а в 1980-х гг. дом был расселён, и здание подверглось реконструкции⁴³.

После расформирования бригады и полков 22-й пехотной дивизии прекратили свою деятельность в качестве полковых и все вышеперечисленные храмы. Здания многих из них сохранились, хотя и находятся сейчас в различной степени сохранности. Что же касается убранства полковых церквей, вряд ли можно надеяться, что в эпоху, когда уничтожались уникальные памятники православного искусства, реликвии скромных военных храмов были сохранены. Ведь они представляли ценность прежде всего для тех, кто служил в этих полках, а их мнение вряд ли принималось в расчёт в те времена.

☞ Колокольня церкви св. Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде. С открытки начала XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Базедов Г., фон. Путевые впечатления о военной России. СПб., 1911. С. 17.
- ² Все даты приводятся по старому стилю.
- ³ Государственный исторический архив Новгородской области (ГИАНО). Ф. 480. Оп. 1. Д. 3630. Л. 1.
- ⁴ Цитович Г.А. Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание в двух частях. Пятигорск, 1913. С. 106.
- ⁵ ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3630. Л. 1—1об.
- ⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 405. Оп. 7. Д. 1840. Л. 29.
- ⁷ Там же. Л. 29об.
- ⁸ Там же. Л. 148.
- ⁹ Чествование новгородским обществом стоящих в городе войск 15 апреля 1890 года. Новгород, 1890. С. 4—5.
- ¹⁰ Празднование 200-летнего юбилея 85-го пехотного Выборгского полка // Русский инвалид. 1900. № 139.
- ¹¹ Прибытие хоругви с изображением иконы Знамения Божьей Матери на Дальний Восток и встреча её Выборгским полком // Новгородские епархиальные ведомости. 1905. № 10. С. 565—567.
- ¹² Описи знаменам, штандартам, прапорам, прапорцам, значкам, трубам за отличие, грамотам, скобам и прочим войсковым регалиям, хранящимся в Артиллерийском историческом музее, с указанием принадлежности таковых частям войск. СПб., 1903. С. 512—513.
- ¹³ В 1833 г. в состав Выборгского полка вошел 1-й батальон 45-го егерского полка, имевший за войну с Францией знаки на головные уборы с надписью «За отличие». Батальону бывших егерей, ставшему 3-м батальоном Выборгского пехотного полка, взамен этих знаков была пожалована указанная надпись на батальонное знамя. Позднее, когда батальонные знамена в русской армии были упразднены, надпись была перенесена на полковое знамя.
- ¹⁴ Рубец И. [Об иностранных знаках отличия в полках Российской императорской армии] // Военная быль. 1961. № 49. С. 45.
- ¹⁵ Звезгинцев В.В. Знамена и штандарты Русской армии. Ч. 2. 1801—1914. Париж, 1964. С. 63.
- ¹⁶ ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3630. Л. 1об., 2.
- ¹⁷ Там же. Л. 3.
- ¹⁸ Цитович Г.А. Храмы армии и флота... С. 72.
- ¹⁹ Котков В.М. Культурно-просветительская деятельность государства в русской армии (вторая половина XIX — начало XX вв.) // www.pobeda.ru/content/view/147/21/.
- ²⁰ ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3630. Л. 2об.
- ²¹ Полянский М.И. К предстоящему освящению в г. Старой Руссе полковой церкви 86-го пехотного Вильманстрандского полка // Новгородские губернские ведомости. 1896. № 81.
- ²² Желобовский А.И. Освящение церкви при 86-м пехотном Вильманстрандском полку // Вестник военного духовенства. 1896. № 4. С. 122.
- ²³ Полянский М.И. К предстоящему освящению...
- ²⁴ Желобовский А.И. Освящение церкви... С. 122—124.
- ²⁵ Цитович Г.А. Храмы армии и флота... С. 110.
- ²⁶ Полянский М.И. Полковая церковь 86-го пехотного Вильманстрандского полка // Разведчик. 1896. № 319. С. 1045.
- ²⁷ Там же. С. 1046.
- ²⁸ Посещение великим князем Владимиром Александровичем Новгорода и Старой Руссы 13—20 марта 1897 г. // Русский инвалид. 1897. № 68.
- ²⁹ Пылаев В.А. Старая Русса. Исторический очерк города. Сергиев Посад, 1916. С. 45.
- ³⁰ Цитович Г.А. Храмы армии и флота... С. 110.
- ³¹ Воинов Д., Данилов К. Сооружение в церкви 87-го пехотного Нейшлотского полка при Аракчеевских казармах придела в память чинов полка, убитых и умерших от ран в войну с Японией 1904—1905 гг. // Вестник военного духовенства. 1911. № 24. С. 757.
- ³² Там же. С. 757—758.
- ³³ Цитович Г.А. Храмы армии и флота... С. 110—111.
- ³⁴ Там же. С. 111.
- ³⁵ Пилявский В.И. Новгородские военные поселения (историко-архитектурный очерк) // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 128.
- ³⁶ Там же. С. 130.
- ³⁷ Там же. С. 108.
- ³⁸ Цветков А. Волховские штабы // Волховский листок. 1903. № 81.
- ³⁹ Серпухов К. Освящение церкви при Масленских казармах, Новгородской губернии // Вестник военного духовенства. 1900. № 11. С. 345—347.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду при обозрении города и его ближайших окрестностей, его святынь и древностей. Новгород, 1913. С. 159.
- ⁴² Секретарь Л.А. Дома, события, люди (Новгород. XVIII — начало XX вв.). Великий Новгород, 1999. С. 90.
- ⁴³ Там же. С. 86—87.

Автор выражает признательность Отделу по культурному наследию администрации Великого Новгорода и лично Т.Л. Верхорубовой, а также Ю.А. Маркитанову за помощь при подготовке статьи.

М.Ю. Данков

Письма с Осударевой дороги

Недавно в РГАДА — крупнейшем архивохранилище страны — были обнаружены уникальные корреспонденции, связанные с таинственным российским мегапроектом 1702 года, получившим в народе название «Осударева дорога».

Сухопутный маршрут армии и свиты царя Петра соединил Вардегорский мыс в Онежском заливе Белого моря и Повенецкий рядок на Онежском озере. Войска, преодолев «мостовой» участок, далее по воде на десятках собранных и построенных судов транспортировались до Ладogi. Вскоре лейб-гвардия захватила шведские цитадели Нотебург и Ниеншанц, а в мае 1703 года в дельте Невы царь основал имперский «Санкт-Петербург»¹. Началась новая история державы.

✎ Портрет Петра I. Г. Неллер

На протяжении трёх столетий своеобразие проекту придаёт ложный взгляд о волоке в карельской тайге фрегатов «Сошествия Святого Духа» («Св. Дух»)² и «Скорый Голец» («Курьер»)³, постройки верфи И. Избранта. До последнего времени в общественном сознании и в среде специалистов продолжают господствовать традиционные представления о мифическом перемещении кораблей⁴. Между тем многие устоявшиеся исторические взгляды нуждаются в коррекции и saniрующем эффекте.

Новейшие архивные и ландшафтные исследования перемещение морских судов по «Осударевой дороге» не подтверждают. Более того, российским и зарубежным историкам не известно ни одного подлинного источника о волоке фрегатов, об участии их в Нотебургской баталии и нахождении в составе российского флота на Балтике. Доводы о транспортировке «по суку» кораблей звучат заманчиво, однако патриотические легенды современными специалистами решительно подвергаются сомнению⁵. В данной работе приводятся дополнительные аргументы и рассуждения, позволяющие опровергнуть исторические стереотипы и штампы.

В научный оборот вводятся оригинальные документы строителей петровской трассы. Рапорты, «доношения» составляют незначительную и разрозненную часть богатейшего наследия РГАДА. В фондах «Приказные дела новых лет» и «Кабинет Петра I» о стратегическом проекте 1702 года недавно выявлены четыре послания бомбардира М.И. Щепотева Петру I и четыре его письма на имя главы Посольского приказа Ф.А. Головина⁶.

Кроме того, в собрании хранятся две корреспонденции гвардейца И. Муханова и два письма А. Головкина тому же Ф. Головину.

Реляции созданы в плотном временном отрезке от 6 до 30 июля 1702 года. Этот период, вне всякого сомнения,

являлся самым «жарким» в возведении загадочной 260-километровой трассы на территории Карелии.

«Наказ подлинной» для «описи и проведывания дорожного водяного и сухова путей» от 8 июня 1702 года, а также более поздние «Статьи для ведома...» (здесь и далее курсив мой — М.Д.) формулировались в Архангельске. Между тем, заметим, к обустройству лесной дистанции, скорее всего, приступили после 20–25 июня. Вслед за созданием «памяти»⁷ урядникам, работному люду требовалось время для проезда в район стройки. «Трудники» прибывали с «нарядом» на подводах с лошадьми из Поморья, Заонежья и Подвинья, так как «...на телегах не ездят в тех местах». В то же время письма гвардейцев определённо указывают: «...свершилась она дарога сего июля в 14 день». Таким образом, фантастический путь был обустроен менее чем за 20 суток, что сегодня с трудом поддается логическому осмыслению.

Письма из олонечских «суземок» отправлялись в «город»⁸ (Архангельск — М.Д.), где с весны 1702 года

✎ Малый фрегат «Курьер». Петрозаводск

квартировал царь с лейб-гвардией и кремлевской свитой, «с лишком бысть четыре тысячи человек»⁹.

Письма начала Северной войны (1700–1721 гг.) в полном формате анализируются впервые. Между тем

стоит согласиться со словосочетанием «архив Осударевой дороги», которое использует современный историк петровской эпохи П.А. Кротов, первый исследователь этой группы документов¹⁰.

Однако в прямом смысле указанные «доношения» считать «архивом» правительственной акции, изменившей судьбу России и Северной Европы в начале XVIII столетия, следует с осторожностью.

Пока не обнаружены ответные корреспонденции из Архангельска в район возведения «Осударевой дороги». Неизвестны подлинная картография «похода» и армейский состав участников экспедиции. Вызывают любопытство имена фаворитов и европейцев, преодолевших трассу. Не определена «Роспись» перемещённых орудий из района Белого моря к Нотебургу.

Исследователям ещё не доступны зарубежные, в частности шведские архивные материалы. Даже личная оценка государя этой экспедиции по малопонятным причинам отсутствует. Значительный массив документов, связанных со строительством и преодолением авантюрного пути на Запад, ещё ожидает своих исследователей.

Впервые историки столкнулись с подлинными свидетельствами о строительстве парадоксального волока в середине XIX столетия. В Москве штабс-капитан М.П. Азанчеевский обнаружил и в 1859 году опубликовал два раритетных письма бомбардира М. Щепотева государю из района «Осударевой дороги».

Однако купюры в документах не позволяют назвать те «отписки» полноценными. Рапорты оказались в печати с ощутимыми лакунами, без указания даты и места их отправления. К сожалению, исследователям петровской эпохи и современное местонахождение депеш неизвестно, что также ограничивает ресурс источника¹¹.

Новые архивные сообщения значительно расширяют представления о малопонятном проекте 1702 года¹². Историков волнуют не только факты о маркшейдерских усилиях на сухопутном маршруте. С вводом свежих источников в научный оборот мы надеемся без предубеждения взглянуть на коренные события русской истории начала XVIII столетия и по достоинству оценить «взлом Балтийского вала» на землях, ранее отторгнутых Швецией.

Реляции принадлежат доверенным лицам государя, подготовившим проход «...служилым людям безо всякие остановки» к Нотебургу¹³. Среди корреспондентов сержант бомбардирской роты Преображенского лейб-гвардейского полка Щепотев Михаил Иванович. «Бомбандир» — брутальная личность даже для петровского времени, выдвигавшего безупречных исполнителей государевой воли. Количество, стилистика и деловая лаконичность карельских депеш М. Щепотева ставят исследуемые документы в особый ряд.

В «сотоварищах»¹⁴ героического урядника армейский писарь Муханов Ипат Калинович, «в 3-м десятке волонтеров» изучавший военные науки в Голландии¹⁵, и «поручик» Преображенского полка Автоном Головкин. Пока не обнаружены донесения амбициозного гвардейца Семёновского полка Михаила Волкова, «афицера

присланного для споможения чищени[ц]я дороги»¹⁶, «старого» подъячего¹⁷ и строителя «Новодвинской» цитадели¹⁸, которому после похода присвоен чин «тайного секретаря»¹⁹.

Ведомости с «Осударевой дороги» адресованы царю и руководителю Посольского приказа генерал-адмиралу Ф.А. Головину²⁰. Первый кавалер ордена Св. А. Первозванного на подворье архиепископа Афанасия подписал «своею рукою»²¹ тот самый наказ о проведывании «ближайшего... пути... к Олонцу и к Нову городу». Проще говоря, сформулировал техническое задание царя на обустройство «Осударевой дороги». Вскоре боярин с Петром и царевичем Алексеем, а также с А.Д. Меншиковым, А.И. Головкиным, П.П. Шафировым, К.А. Нарышкиным, В.В. Долгоруки и другими, преодолел таёжный маршрут²².

➤ Передвижение войска в начале XVIII века

Донесения строителей «Осударевой дороги» созданы скорописью, свойственной для орфографии конца XVII — начала XVIII вв. В «росписях» использовались традиционные для России «железистые» чернила с коричневым оттенком в «немецких пропорциях». В раствор из сажи добавлялся отвар коры и чернильных орешков²³. Реляции создавались гусиным пером, более надёжным в условиях марша, нежели дорогие «лебяжьи перья»²⁴.

Царские любимцы для «отписок» использовали обычную «тряпичную бумагу», без водяных знаков и филигранных²⁵. Хотя при дворе уже существовала гербовая бумага «кремлёвского производства». Она появилась стараниями голландского гравёра А. Шхонебека, как ни странно, участника загадочного похода от Белого моря.

Стоит заметить, письма порученцев не содержат заимствований из иностранных языков, кроме корабельной лексики. Так, в депеше адмиралу от 15 июля М. Щепотев один раз использует голландские термины «влак» (флаг — *М.Д.*), «гюйс», «вынтел» (вымпел — *М.Д.*),

слово «*флюголси*». Также в корреспонденциях вместо традиционного поморского слова «кормщик» употребляется термин «*лоцмон/лоцман*»²⁶.

Напомним, трасса к Балтике пролегла вне населенных пунктов. Истинная картография похода не сохранилась, точнее, исследователями не обнаружена. И всё-таки «Наказ» обязывал подготовить «*отписные книги и чертежи с подлинною ведомостью*». И далее «*безо всякого молчания прежде своего приезда*», то есть срочно, требовал от бомбардиров «*з дороги... прислать... к великому государю*» эти чертежи²⁷. Следовательно, вариант картографического документа, очевидно, существовал. Однако точный азимут трассы до последнего времени является спорным и непонятным.

Картина пути, хоть частично, может разъясниться за счёт упоминаемых в письмах «*тутошних*» топонимов и ориентиров. В «теле» документов находим: «*до Ветренной горы 30 верст*», «*пристань... до дороги 7 верст*»²⁸, «*Нюхоцкая пристань*», «*Онежская пристань*», «*на Вожне Салме и на Выгу*», «*села Нюхши*»²⁹.

Локальные точки «отпуска» реляций фиксировались адресно с указанием реального географического топонима «*С Повенца*», «*Из Нюхоцкой волости*», «*от Коросозера*». Хотя чаще приблизительно, например: «*от Нюхчи к Повенцу в 30 верстах*», «*из-за Ветренных гор*». Тем самым подтверждается тезис об отсутствии у строителей вменяемых представлений о характере местности. Урядники оказались лишёнными элементарных топо-, гео- и этнографических сведений о дистанции. Очевидно, царским посланцам приходилось знакомиться с неведомой территорией по ходу дела.

Отметим реплику М. Щепотева адмиралу Ф. Головину от 15 июля 1702 года. Сержант, тактично обходя детали «великого» предприятия, косвенно признаёт относительную приспособленность трассы: «*от Нюхоцкой пристани до Повенца перевозов не будет*». А ведь в письме бомбардир рапортует о полной готовности пути к походу: «*дорогу всю отделал июля в 14 день*».

Между тем признаём, фраза «*перевозов не будет*» в контексте сообщения может означать отсутствие водных преград, требующих использования транспортных средств. Унтер-офицер не случайно подчёркивает: «*...а на Вожне Салми (пролив между оз. Боброво и Выгозеро — М.Д.) и на Выгу мосты доделаны и наведены*»³⁰. Имеется в виду наведение понтонных конструкций через озёрные и речные участки. Заметим, инженерная операция, очевидно, оказалась первой в истории России, исключая Кожуховский эксперимент 1694 года³¹ по «*деланию*»³² плавающих мостов без опор³³.

Скорее всего, в походной суме М. Щепотева находился рукописный трактат Афанасия Холмогорского и Важского «*Описание трех путей из державы царского Величества, из поморских стран во Швецкую землю и до столицы их*», полученный в Архангельске из рук царя³⁴. Считается, что труд архиепископа, отредактированный в 1702 году, послужил основой для инженерных работ в глухой местности³⁵.

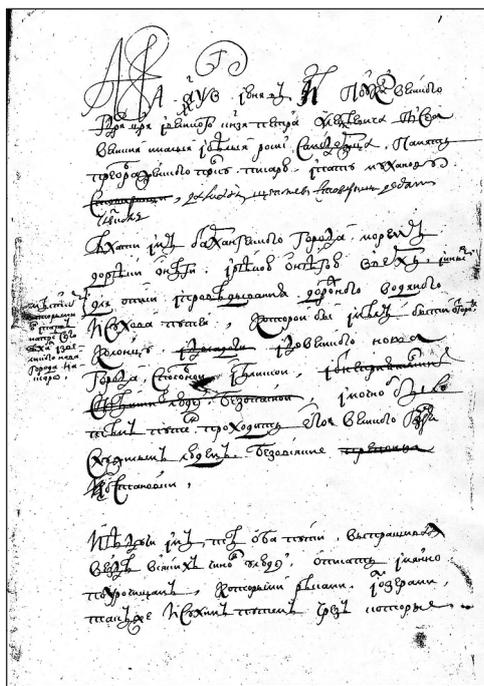
Маршрут, предложенный М. Щепотевым, более чем на половину совпал с одним из вариантов пути Афанасия, а участок от Коросозера до Повенца сержант продублировал стопроцентно.

Из «доношений» куратора стройки можно сделать заключение о стремительности перемещения Щепотева по маршруту «*Осударевой дороги*»³⁶. Креативный гвардеец динамично маневрирует по дистанции, совершая порой прогоны по шестьдесят вёрст: 6 июля — Коросозеро, на следующий день — Нюхоцкая волость, 10 июля — «*30 верст от Нюхчи*», 15 июля — Нюхоцкая пристань, а 26 июля — вновь Повенец. Речь идёт о 260 километрах пересечённой местности, имеющей два скалистых хребта (Ветренный пояс и Массельский кряж) и сплошные болота, где кроме звериных троп не существовало иных дорог. Каким образом мобильному унтер-офицеру удалось челночное перемещение и вдохновенное исполнение поручений государя — остаётся очередной мистической загадкой «*Осударевой дороги*».

Отсутствие населённых пунктов в коридоре трассы усложняло работы на маршруте

и ограничивало продовольственный ресурс предстоящей экспедиции. Дефицит провиантской базы грозил отразиться на динамике похода и, следовательно, на боеготовности армии: «*А на хлебные запасы нынешнюю новую дорогою надеется не можно... от города по Онегу-озеро самое бесхлебное место*». Ремарка в письме Щепотева от 7 июля 1702 года своему патрону «*от Коросозера*» свидетельствует о катастрофической ситуации в снабжении продовольствием. Предусмотрительный сержант через сутки «*из Нюхоцкой волости*» подтверждает царю: «*А в хлебных запасах дорогою скудость... извольте наперед прислать или с сабою (так в тексте — М.Д.) запасов привести*». Тогда же он дублирует просьбу Ф. Головину: «*А буде какие припасы милости вашей посылать, и вы извольте присылать наперед*»³⁷.

Михаил Щепотев настойчиво обращает внимание боярина: «*А хлебных запасов от Нюхоцкой волости до Повенца*» и далее по маршруту «*от... Повенца до Свири — реки купить негде*». Предугадывая тяготы с обеспечением мяса, бомбардир сообщает: «*А животины — быков и баранов — у меня отписано продажной скотин[ы] з 200*». Тут же он переадресовывает вопрос государю, стоит ли мясо дополнительно покупать «*или велеть*

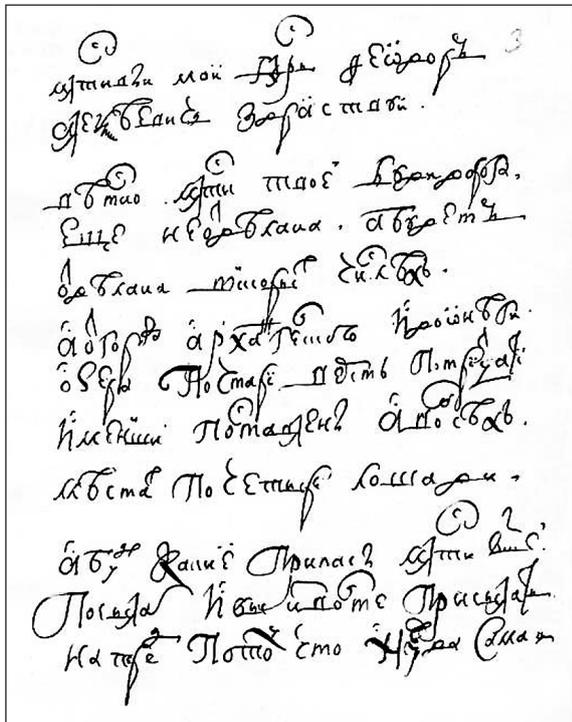

✎ Наказ. Дело об отправлении

проезжим продавать»³⁸. Признаём, упорный бомбардир блестяще «разруливал» административные маркшейдерские, строительные и даже разведывательные заботы.

Царский путь создавался в условиях «глубокой конспирации». Петра заботили скрытость «начинания» и страх вражеского доносительства. В «Наказе» требовалось изыскать трассу «способной и близкой и от неприятельских швейских людей безопасной». Жителям «во всех тамошних местех... под смертную

гарнизон в Нотебурге»⁴². Однако из текста многих «доношений» складывается парадоксальное впечатление. Оказывается, любимец царя не ведал истинного конечного пункта экспедиции. Ещё 8 июля Щепотев считал, что войска планируется «тайно» передислоцировать: «...от Повенца к Новугороду»⁴³. В тот момент у Ильмена «стоял» генерал А.И. Репнин, готовый совершить войсковой совместный переход к Нарве⁴⁴. Автоном Головкин также намеривался «побрести» сухим путём

✉ Письмо М. Щепотева Ф. Головину 7 июля 1702 г. от Коросозера. РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109. Л. 3—3об.

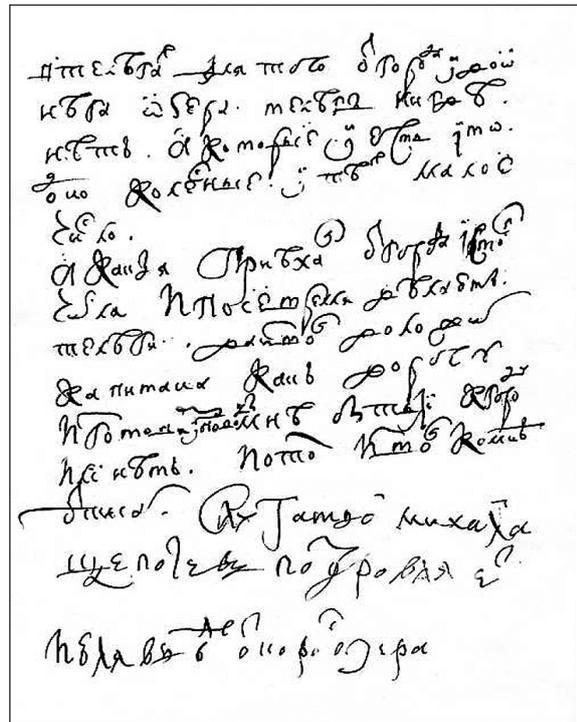
казнию» запрещалось даже обсуждать строительство дороги. Документ предписывал, чтобы «от неприятельских людей» и сами урядники «жили б везде во осторожности».

Если кто «не исполнит... быть в смертной казни безо всякие пощады». И далее: «животы» ослушавшихся гвардейцев и крестьян «взяты будут на великого государя бесспоротно»³⁹.

10 июля 1702 года «нижайши[й] раб» М. Щепотев докладывал государю конфиденциальную информацию. Оказывается, в разгар строительства один из подчинённых гвардейцев его роты сообщил «о ведомости неприятельских людей». Потребовались дополнительные усилия, чтобы выяснить, «сколь[ко] их неприятельских людей было». С этой целью «сей час» бомбардир «поехал... чтобы ведомость взя[ть] подлинную у того понаморя, и распрося ево»⁴⁰, тотчас «распросные речи» выслать в Архангельск.

Меры предосторожности, безусловно, оправдывались военным временем. Боевые отряды шведов с 1700 года вольготно себя чувствовали на обширной территории Приневыя, Южного Приладожья и Карелии⁴¹.

Порученцы достойно осуществили идею царя и обеспечили «во скрытности» армейский поход в «ижорский» тыл генерала Г.В. фон Шлиппенбаха, возглавлявшего

М.И. Щепотев Ф.А. Головину от 7 июля 1702 г. Милостивый мой государь Феодор Алексеевич, здравствуй.

Вестно милости твоей буди, дорога еще не отделана, а будет отделана в скорых числах.

А от города Архангельского и до Онеги-озера почтари верст по тридцати и менши поставлены, а во всех местах по четыре лошади.

А буде какие припасы милости вашей посылать, и вы извольте присылать наперед, потому что нужда самая в телегах. Для того от города и до Онега-озера телег нигде нет, а которые и есть и то одно колесные и тех малое число. А как я приехал от города, и с того числа и по се время делают телеги. Да изволь доложить капитана, как дорогу изготвим и подводы. Мне быть ли к городу или нет? И о том изволь ко мне отписать.

Слуга твой Михайла Щепотев поздравляет
Июля в 6 день от Корос-озера

«с Повенца» не к Нотебургу, а «к Олонцу». Он обязывался изучить путь в «пятьсот верст... от волости Повенца да Великога Новаграда». Естественное, что и третий устроитель царского пути Ипат Муханов, судя по корреспонденции от 14 июля, «почту... поставил... до Олонца, до Ладogi, до Великога Новагорода».

И всё-таки корреспонденции «обыкновенных» гвардейцев из Карелии демонстрируют влияние на мировоззрение молодого Петра. Особенно это касается текста реляций бесшабашного и напористого М. Щепотева. Пётр полагался на опыт фактурного сподвижника и всецело доверял сержанту. Прежде всего деловая переписка подчеркивает доверительный тон и подтверждает их близость в повседневном

допуская небрежность даже в написании имени государя. В донесении от 8 июля «блестательный бомбардир» обращается «Петр Алексее [вич — М.Д.]». Конец отчества в рукописи необъяснимо оборван.

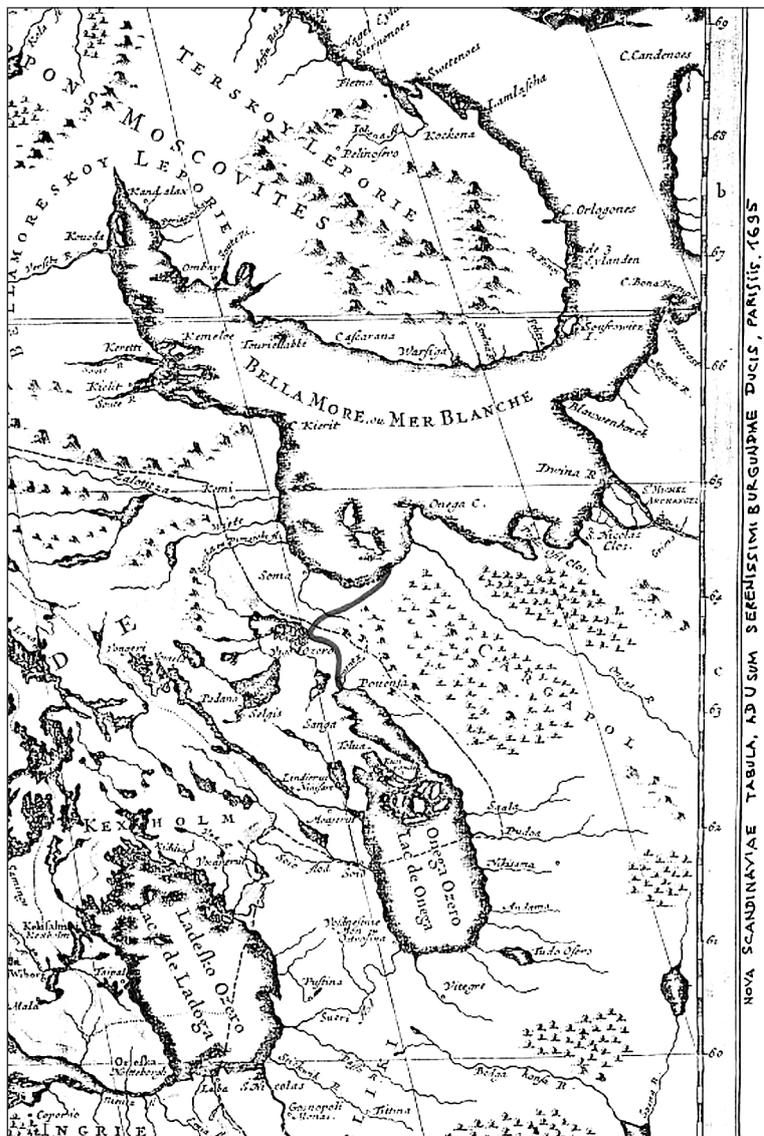
В лексике сильного и спесивого гвардейца и в отношении к Головину порой мелькают жёсткие интонации, граничащие с сарказмом: «...извол[ь] ко мне отписать», «известно тебе буди», «...извол[ь] приказать отпустить». Щепотев часто забывает степень «милостивый» и обращается к руководителю Посольского приказа: «Извол[ь] государь, прислать». Извиняясь, что депеша от 6 июля: «...до сей почты напередж... (наперед? — М.Д.) отпущена в сед[ь]мом числе», усердный бомбардир «воистину в недосугах и на пустом месте и дни забыв» в приказном тоне доносит адмиралу: «...и о том извол[ь] возвестить капитану»⁴⁶.

Писарь Ипат Муханов, в 1705 году попавший в шведский плен, а в 1712 г. — шафер государя⁴⁷, с «Осударевой дороги» к Петру обращался в игровой форме: «раб Муха»⁴⁸. Доверительное имя, производное от фамилии, в виде «компанейского» прозвища, вероятно, сам государь ещё в Москве присвоил Муханову⁴⁹. Заметим, к боярину Ф. Головину гвардеец обращался менее эпатажно: «Нижайший слуга вашей милости Ипат Муханов». С таким же пиететом 15 июля другой строитель дороги подписывает адмиралу рапорт: «Слуга милости твоей Афонасей Галовкин», добавляя «челом бью с Повенца».

Эпистолярные материалы из Карелии позволяют выявить характер и личные качества гвардейцев. Отписки на «самый верх» поражают широтой обыденных сюжетов и щепетильностью. Исполнители будто соревнуются в услужливости и скорости редактирования сведений о строительстве тайной таёжной дороги. Информационная дробность свидетельствует о значении проекта. Многократное дублирование информации позволяло элите

смотреть на факты глазами разных свидетелей. Происходило отсеивание малозначащих фактов, тем самым достигался эффект достоверности. Царских порученцев в письмах отличают харизма, чувство юмора, абсолютная находчивость и преданность молодому монарху. Петру тогда едва исполнилось 30 лет. Исключая боевые рейды в Азов и трагический провал кампании под Нарвой, государь ещё не участвовал в значительных армейских операциях.

С первых дней строительства пути бомбардиры организуют регулярную почтовую «доньбу». В письме М. Щепотева от 7 июля 1702 года Ф. Головину сообщается: «А от города Архангел[ь]ского и до Онеги-озера

❧ Скандинавская карта 1695 г.

общении. Сержант часто позволял неформальные обращения к монарху. Скажем, 6 июля 1702 года он отписывает: «Изволил ты писать, чтоб дорогу и подводы изготовить июля к 15 числу», или 8 июля «Также изволь отписать...» и «ко мне изволь роспись прислать». Думается, немногие известные персонажи эпохи позволяли в правительственных бумагах указывать царю «ты».

Тем паче, в письме 6 июля «Милостивому... государю Феодору Алексеевичу» (Ф.А. Головину — М.Д.) сержант, как и подобает этическим и субординационным нормам, обращается к адмиралу «вы извол[ь]те»⁴⁵. Чувствуя особую исключительность, Михаил Щепотев

почтари верст по тридцати и меньше поставлены» и далее «а во всех местах по четыре лошади». Чуть позже, 14 июля, Ипат Муханов доносит боярину о более значительных «прогонах» на бездорожье: «...почта от города Архангел[ь]ского до Алонца, до Ладоги, до Великого Новгорода поставлена». Через сутки гвардеец А. Головкин подтверждал адмиралу: «...с Повенца, государь Федор Алексеевич, поставлена почта к Олонцу сухим путем», а далее уточнял, что «в ыных местах ходит почта и воденым путем»⁵⁰.

По аналогу обустройства почтовой связи⁵¹ под Архангельском в 1694 году в Карелии также «ставился» необходимый фельдъегерский информационный канал. Строители «стратегического объекта» могли ежедневно, используя специально подготовленных «почтарей» с лошадьми, держать контакт с царём и членами правительства.

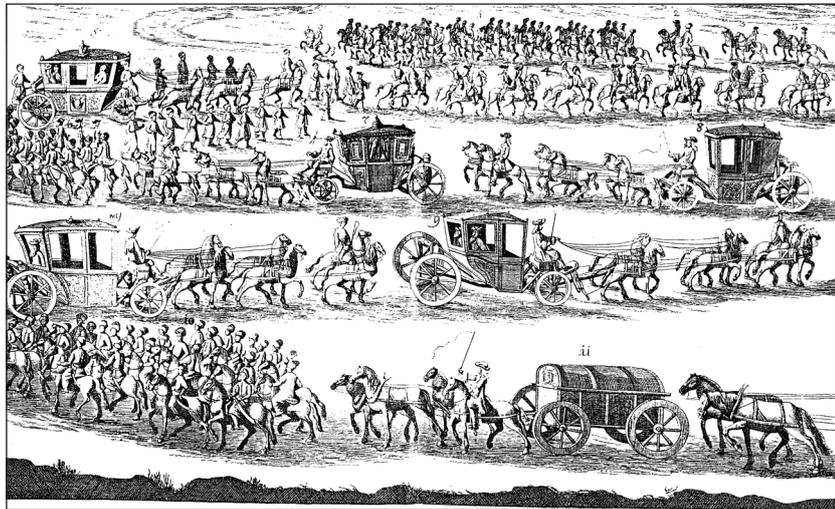
Между тем ведомости М. Щепотева, И. Муханова и А. Головкина указывают: «Осударева дорога» возводилась лишь для перемещения на повозках армии, генералитета и синклита. Сержанты в отписках ни словом не оговариваются о возводимой трассе как о пути для транспортировки крупных кораблей.

Занимательно, в реляциях, опубликованных М. Азанчевым, мифологический сюжет волока морских судов также не поднимался. Напротив, любимец царя, выложивший маршрут в феноменальные сроки, резонно спрашивал: «...если дорога не вскоре надобна можно сделать лучше Новгородской, а если для поспешания телеги в две»⁵².

Напомним, и в тексте «Наказа» отсутствуют какие-либо наставления о волоке кораблей. Признаёмся, в случае строительства пути для перетаскивания фрегатов потребовались бы иные энергетические, производственные, да и временные траты. К тому же инженерная конструкция «мостовой настилки» имела бы принципиальные отличия от полотна, возводимого в обычной традиции. В стартовом, без даты письме царю М. Щепотев докладывал: «...ныне я делаю мосты телеги в три и больше, а дорогу чистят сажен по 5 и по 6-ти»⁵³. Исходя из текста документа, трасса, безусловно, готовилась для перемещения армейских грузов на телегах. Это не мешает к другим сведениям рапорта отнести критически. Трудно экстраполировать значения ширины полотна (10,65–12,78 м — **М.Д.**) на весь 174-вёрстный путь. Упоминаемый участок составляет лишь начальный фрагмент пути в 20 вёрст «от Нюхоцкой волости до Ветренной горы (в. Голец — **М.Д.**)», здесь дорога была «вычищена и намощена», потому что «место было самое худое»⁵⁴.

Современные археологические работы по проекту «Осударева дорога» выявили два вида обустройства пути: на заболоченных участках и суходоле. В низинных зонах на пожнях у реки Нюхча исследователи обнаружили

деревянные секции так называемого «карельского типа». Конструкции находились под слоем 15 см гумусированного мха. «Продольные брёвна имели длину 8,45–8,55 м, толщина их составляла 16–25 см, а ширина секции с трудом достигала 0,70 м». Под брёвнами, уложенными встык, обнаружены поперечные слепы с вырезом в центральной части и массивными клиньями сбоку для механического скрепа⁵⁵.

Передвижение войска в начале XVIII века

В районе Вардегорского мыса на Белом море, а также у Коросозера в срединной Карелии, зафиксирован иной тип деревянной вымостки, условно названной «древнерусским». Лежневая конструкция укладывалась из молодых хвойных деревьев диаметром 10–20 см, шириной 5,25 м, ориентированных поперёк трассы в меридиональном направлении. Гать перекрывалась моховой подушкой от 10 до 25 см. Сверху находились продольные лаги, скреплявшие сплошное мощение. По периметру в качестве бордюра вбивались деревянные колья⁵⁶. М. Щепотев объективно оценил ландшафт: «...место мягкое пловое, а камня никакого в близости нет»⁵⁷.

Кроме низин специалисты проекта «Осударева дорога» зафиксировали фрагменты дороги на нижних горизонтах песчаных высоток. Склоны сельг подрезались, грунт перемещался вниз. При этом образовывалось шестиметровое полотно трассы, на уступах укрепляемое сплошным каменным панцирем.

Исследования подтверждают: обнаруженные фрагменты «Осударевой дороги» объективно не могут выдерживать динамическую нагрузку при волоке многотонных фрегатов.

Приведём фразу М. Щепотева от 8 июля 1702 года государю: «...буде изволишь ехать по новой дороге... ты изволь отписать, подводы... готовить на скол[ь]ких верстах и по скол[ь]ку подвод и хто с милостью твоею поедет»; и далее: «...кому скол[ь]ко подвод давать, ко мне изволь роспись прислать»⁵⁸. Если опустить тон автора, получается, что «Осударева дорога» возводилась для марша тысячи людей. Войсковые «батальеры» (батальоны — **М.Д.**) предполагалась перемещать на телегах и подводах. Трасса не предназначалась для малопонятного, с точки зрения здравого смысла, волока морских кораблей из одного конца державы в другой.

Истолковывая «доношения», согласимся, маршрут на пересечённой местности сооружался для проезда колёсного транспорта. Могли использоваться и крестьянские волокуши на полозьях с гужевой тягой, однако ведущим средством передвижения армии и обоза в августе 1702 года волокуши не стали. В этом смысле использовать термин «волок» применительно к царской трассе в Карелии можно лишь с оглядкой.

Путь, как и в обжитых районах Центральной России, отстраивался для проезда армейского обоза на подводах и телегах.

Ведомости сержантов существенно корректируют представления о техническом обеспечении марша фузilierных рот к истоку Невы.

☞ Гать на болоте. Просека севернее Коросозера

Ещё 7 июля Щепотев докладывал государю, что «и лошади, и дорога» будут готовы к 15 числу, «тол[ь]ко ес[ть] нужда в телегах, потому что от города и до Онеги нигде телег нет». Тут же он добавлял: «...а хотя где и ес[ть] и то самое малое число». Пассионарный бомбардир подчеркивал: «А как я приехал от города... у меня и по се число телеги готовят»⁵⁹.

Через сутки предприимчивый бомбардир дублировал информацию царю: «...для подвод я в иные волости поехал». И добавлял: «...в подводах скудости чаем не будет, только скудость в телегах самая». Почему сержант делает терминологическое различие в понятиях «телега» и «подвода», пока также остаётся непонятным. В этой же ведомости Щепотев решительно подытожил: «...нигде на телегах не ездят в тех местах». Как доверенный сотрудник Петра он прилагал значительные усилия по сбору в район строительства «Осударевой дороги» телег и подвод. Находчивый сержант однажды поделился изобретением: «...как я приехал... телеги делают по волостям», подчеркивая, что готовый транспорт «велено... привозить к 15 числу»⁶⁰.

Стремясь не докучать государю, М. Щепотев решительно напоминает адмиралу: «...нужда самая в телегах»; и продолжает: «...для того от города и до Онега-озера телег нигде нет, а которые и есть и то одноколесные и тех малое число».

В письме 10 июля обласканный властью гвардеец в «полден[ь] в третьем часу в первой четверти» сообщил Петру: «...дорога вскоре будет готова, а подвод почел (?—М.Д.) я збирать»⁶¹.

Однако настырный урядник осознавал возможные последствия нехватки «телег» для предстоящей стратегической операции. В депеше боярину Головину от 7 июля он делится: «А как я приехал... по се время делают телеги». Через день амбициозный Щепотев вновь озадачивает государя: «...извольте отписать, на роту по скол[ь]ку подвод давать и все ль (имеется в виду списочный состав батальонов и свиты — М.Д.) извольте вместе быть?»⁶². Вне сомнения, опытный и распорядительный бомбардир был крайне озабочен подготовкой сверхважного похода к Балтике.

В который раз «июля в 8 день... услужник милости» поднимает перед Ф. Головиным важнейшую, как ему представляется, проблему: «...самая нужда в телегах».

Михаил Щепотев требует от адмирала помощи: «...с какими посланными возможно прислать телег, и вы извол[ь]те присылать»⁶³. Одновременно лёгкий на выдумки «уандер офицер»⁶⁴ рекомендует оригинальный вариант «многоразового снабжения» транспортом: «...чтоб те телеги назад вернулись до других приезжих».

Любопытно, в начале строительства гвардеец позволил личный вопрос Ф. Головину: «...как дорогу изготвим и подводы, мне быть ли к городу или нет?». Истолковать пассаж можно и так — сбор подвод и телег представлял такую же важность, как возведение трассы.

Стоит упомянуть и о неразберихе в количестве транспортных средств, готовых для армейского марша по «Осударевой дороге». Челобитная сержанта от 15 июля, отправленная кавалеру ордена А. Первозванного

Ф. Головину, определяет: «...да телег у меня сделано 3 (? — М.Д.) 200»⁶⁵. Однако в депеше государю через две недели напористый Щепотев утверждает о десятикратном их увеличении: «...а подвод собрано у меня августа по 2-е число более 2 т., а еще будет прибавка».

В этом же письме энергичный сержант «известует» Петра: «...о запасах я писал Гаврилу Ивановичу (Головину) Гавриил Иванович — М.Д., что дано подвод под запас Ивану Рунину», который «приехал на Нюхоцкую пристань»⁶⁶. Подводы и телеги перед распределением по маршруту от Белого моря до Онежского озера стягивались к Нюхче Волостной. Древнее поморское «государево село»⁶⁷ — начальный пункт трассы — находилось на Усть-Онежском тракте, связывающем Кольский полуостров и Архангельск.

В письмах расторопного «бомбардира» несколько раз упоминается о концентрации на дистанции сотен лошадей. Депеша с «поздравлением» Ф. Головину от «слуги... и раба Михайлы Щепотева», от 15 июля, впервые указывает цифру: «Известно тебе буди... лошадей собрано сего ж июля по 14 числ[о] 507». Рапорт отправлен из Нюхчи «в 3 часу ночи в первой четверти»⁶⁸, что свидетельствует о напряжённости ситуации и, как представляется, «счёт времени шёл едва не по минутам»⁶⁹. Палеографическое различие в почерках позволяет предположить, что документ готовился днём, а цифры вписывались позднее, возможно, самим М. Щепотевым.

Любопытно, все реляции сержанта боярину созданы ротным писарем с личной подписью Щепотева.

Напротив, письма капитану бомбардирской роты Преображенского полка Петру Алексеевичу, от «июля в 6 день», «июля в 8 день», «июля в 10 день»⁷⁰, судя по графологическим признакам, всецело принадлежат руке Михаила Щепотева⁷¹.

Между тем в отписке Головину сталкиваемся с занятным обстоятельством. Окончательное число лошадей «507» приписано вслед за предыдущей цифрой «500». Оказывается, счёт шёл не только по минутам, но и по каждой дополнительной лошади. В последнем донесении «про милость» адмирала, от 26 июля, Щепотев сообщает, что собрано «827 лошадей»⁷². Хотя в более позднем докладе Муханова от 30 июля цифра купуруется до «815 лошадей»⁷³.

В любом случае, количество тягловых лошадей, очевидно, оказалось достаточным для стремительного рейда армии в тыл неприятеля.

Суммарный масштаб созидательной и административной миссии М. Щепотева на «Осударевой дороге» недооценить невозможно. Помимо забот на маршруте, он отстроил «Нюхоцкую пристань» на Белом море, и, что более существенно, занимался сбором и возведением кораблей у Повенецкого рядка. В каждом письме любимец царя указывает число приготовленных «карбусов» для «амбаркадирования» армии от Онежского озера по р. Свирь к Ладоге.

Вместе с И. Мухановым он персонально отвечал за доставку к Повенцу «соем» из района Ладogi. В первой же реляции государю «бомбардир» докладывал: «А на Повенец июля по 4 число только приведено шесть судов, таких как в Новгороде на каком был судне Ермалай Скварцов, да мелких карбусов 20». Каждый из судов «подымает человек по 20 и по 15». Далее Щепотев добавлял: «...с Олонца и из Ладогы», Муханов ещё не успел собрать корабли, но «ведет он судов много, а скол[ь]ко числом», пока не известно. Отдавая должное своему партнёру, Михаил Щепотев обязывался подробно «писать вперед[ь]»⁷⁴.

В «доношении» Головину от 8 июля сержант признавал: «...к тем судам в прибавок... гонят много», но пока «...о том мне ведомости нет». И тут же — «...как те суды пригнаны будут в Повенец» и в каком количестве — он сообщит дополнительно.

События на «Осударевой дороге» разворачивались стремительно. Гвардейцы к 7 июля «по се число»⁷⁵ к Повенцу собрали «11 сойм». Муханов вскоре вносит уточнение: «...по 14 день собрано шеснатцать карбусов бол[ь]ших и мен[ь]ших» и добавляет, что ждёт вскорости «из Ладogi, — пятнатцать соем крытых, на каторых можно быть человек по семидесять и болши». Через сутки Щепотев информирует государя: «А судов... на Повенец в приводе 17». Тогда же боярину Головину менее информированный А. Головкин сумел сообщить о кораблях, к «воденному ходу изготовленных», лишь одно: «стоят оне суды под селом Повенцом»⁷⁶.

Согласно обнаруженному «списку», без даты, адреса и автора, похоже «росписи», о которой однажды писал Щепотев⁷⁷, «ушлые» гвардейцы к Повенцу подогнали 20 карбусов и 65 сойм. Купеческие парусники, в основном оснащённые «по-яхтному»⁷⁸, были собраны

из бассейнов Ладожского и Онежского озёр. Именно на этих судах, а не на легендарных фрегатах, русские войска транспортировались к Нотебургу.

Одновременно М. Щепотев в самый разгар инженерных работ на трассе в июле 1702 года проявил себя как способный судостроитель. Ещё в 1693 году сержант на Северной Двине возвёл первую царскую яхту «Св. Павел». На «Осударевой дороге» порученец также печётся о судах для Петра Алексеевича и боярина Ф.А. Головина. Учитывая переход по бурному Онежскому озеру и порожистой реке Свирь, он 26 июля «с Повенеца» сообщает адмиралу: «А судно ныне готовлю одно про копитана (государя — М.Д.), а другое про милость твою. А еще готовое судно есть помениши моих у Ипата Муханова третье». Правда, технические характеристики кораблей неизвестны: «А о мере тех судов писано прежде сего»⁷⁹. В другой реляции сержант уточняет: «Да моей, Михайловой, работы два судна. Одно

Вардегорский мыс. Вид с моря

оснащено, а другое почал снастить и к вашему приезду будет в готовности». Для сравнения он замечает: «А те суды зделаны одно так, как в Новгороде делал Александр Данилович (Меншиков — М.Д.), а другое, какое я зделал в Новгороде»⁸⁰.

Талантливого урядника дополнительно волнует тема комплектования корабельных команд. В корреспонденции от 8 июля он спрашивает царя: «...быть ли гребцам или нет, и буде скол[ь]ко человек надобна?» Параллельно печётся о судовом такелаже. В письме к адмиралу требует: «...есть нужда в парусах да в якорех и в снасных веревках, и, буде возможно, извол[ь] приказать отпустить в Нюхоцкую волость»⁸¹.

Донесения с «Осударевой дороги» подтверждают ещё одну обязанность М. Щепотева. Он взял на себя риск и заботу за благополучный исход морского похода эскадры К. Крюйса с флагманской царской яхтой «Transport Royal» от Соловков к Вардегорскому мысу. В Нюхче сержант нашёл, «да послал» в Архангельск «лоцманов 4 человек», а ещё «для провожания судов» организовал «на море на острове» дозорные заставы из четырёх кормщиков «от Нюхоцкой пристани з[а] 30 верст».

В письме Головину от 8 июля исполнительный «бомбардир» дублирует сведения о командировке четырёх

поморских кормщиков на Северную Двину «для провоза судов к Нюхоцкой пристани»⁸².

Завершая работу, согласимся: подвижные исполнители монаршей идеи прекрасно осознавали масштаб предприятия и понимали, что путь к Балтике не является заурядной программой в северных землях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 11. СПб., 1872. С. 45.

² РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 74. 1702. Л. 2. См. также: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 211.

³ РГАВМФ. Ф. 578. Оп. 1. Д. 21. Л. 140. См. также: Кротов П.А. Осударева дорога... С. 186.

⁴ Беспятовых Ю.Н. Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 31–62; Брызгалов В.В. Какие корабли перетаскили по «Осударевой дороге» // Защитники Отечества. Архангельск. 2003. С. 1–14; Дуров И.Г. Провиантское обеспечение экипажей малых фрегатов «Курьер» и «Святой Дух» в 1702 г. // Нидерланды и Северная Россия. 2003. СПб., 2003. С. 181–194; Криничная Н.А. Предание Русского Севера. СПб., 1991. С. 195, 203, 209; Кротов П.А. 1. Зарождение регулярного флота на Балтике // История отечественного судостроения. СПб., 1994. Т. 1. С. 87–90, 2. Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 77–78, 3. Осударева дорога... С. 178–220; Ларионов А.Л. Малые фрегаты «Св. Дух» и «Курьер» (К истории Осударевой дороги 1702 г.) // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 221–228.

⁵ Андриан Шхонебек и «Осударева дорога» // Нидерланды и Северная Россия. СПб., С. 174–180; Потахин С.Б. и Гриппа С.П. Результаты дендрохронологических исследований района трассы «Осударева дорога». Петрозаводск. 2000; Сорокин П.Е. Отчёт об археологических исследованиях 1994 г. по трассе «Осударевой дороги» // Рукописный архив ИИМК РАН Ф. 35. Оп. 1, Д. 47, Сорокин П.Е. Отчёт о проведении археологических исследований в районе мыса Вардыгора на Белом море в 1999 году // Рукописный Архив ИИМК РАН. СПб. Ф. 35. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–21.

⁶ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1, 1702 г., Д. 109. Л. 2–7об., 16–17, 22–22об. РГАДА Ф. 9. Отд. 1. Д. 44. Л. 394–395.

⁷ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1, 1702 г., Д. 109. Л. 9об., 15–15об., 18об–19; РГАДА Ф. 9. Отд. 2. Д. 53. Л. 33б; Ф. 158. Оп. 1. Д. 70, 1702. Л. 1, 3–9 (так в тексте маркируется данный документ).

⁸ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1, 1702. Д. 109. Л. 4, 18об.; Ф. 158. Оп. 1. Д. 70, 1702. Л. 1.

⁹ Новиков Н.И. О высочайших пришествиях Великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича... из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших... М., 1783. С. 111.

¹⁰ Кротов П.А. Осударева дорога... С. 178–220.

¹¹ Азанчеевский М.П. История Преображенского полка. М., 1859. (Глав. Госуд. Арх. Дел. Каб. Имп. П. В. Отд. 2. Кн. 6. Л. 206, 212), С. 38–39.

¹² Полный перевод документов для публикации, выполнен Е.Н. Кутыковой (Петрозаводск), за что автор ей приносит благодарность.

¹³ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 109. Л. 1. Вместо зачеркнутого слова «препоны», в рукописи вставлено слово «остановки».

¹⁴ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 70. 1702. Л. 1.

¹⁵ Веселаго Ф.Ф. Общий морской список. Ч. 1. От основания флота до кончины Петра Великого. СПб., 1885. С. 263.

¹⁶ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 70. 1702. Л. 6.

Взгляд на «Осудареву дорогу», в свете новых архивных источников, позволяет более основательно интерпретировать выход петровской России в Европу. Письма искренних и обаятельных гвардейцев во многом разрушают иллюзии и ломают традиционные представления на российские события начала XVIII столетия.

¹⁷ Бакланова Н.А. Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. // Пётр Великий. Сб. статей под редакцией А.И. Андреева. М.–Л., 1947. С. 6.

¹⁸ Титов А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 400.

¹⁹ Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 87.

²⁰ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 1 (1704–1705 гг.). СПб., 2004. С. 133.

²¹ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 70. 1702. Л. 1–9.

²² Новиков Н.И. О высочайших пришествиях Великого государя... С. 105–111.

²³ Лукьянов П.Н. История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX в. М.–Л. 1948. Т. 1. С. 61; Щавинский В.А. Очерки истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. М.–Л., 1935. С. 35.

²⁴ Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 353.

²⁵ Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVIII–XX вв. М., 1959. С. 26.

²⁶ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 5–6, 16.

²⁷ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 70. 1702. Л. 1–9.

²⁸ Азанчеевский М.П. История Преображенского полка... С. 38.

²⁹ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 6, 15, 17, 18об.; См. также: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 г. С. 191, 200. Автор ошибочно указывает написание «А на Возмосалме», в подлиннике «Вожне Салме»; топоним «Талнюши-село» — в подлиннике «и ат [от — М.Д.] Нюкши села».

³⁰ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 3об, 5, 7об, 9об, 15об–16об.

³¹ Пушкарев И. История Императорской Российской гвардии. Ч. 1. СПб., 1844. С. 65.

³² Архив генерал-фельдцейхмейстера... С. 32.

³³ Азанчеевский М.П. История Преображенского полка... С. 10–11.

³⁴ Описание трёх путей в Швецию, составленное в 1701-м году. Подготовлено к печати П.Г. Бутковым // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 29. СПб., 1838. С. 260–295.

³⁵ Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет её существования и вообще русской церкви в конце XVIII в. СПб., 1908. С. 630; Дмитриев Л.А. Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского // Археологический ежегодник за 1958 г. М. 1960; Шаскольский И.П. «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., Т. 14. 1958; Панич Т.В. «Описание трех путей из России в Швецию» Афанасия Холмогорского (К истории текста памятника) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Сб. науч. тр. Новосибирск. 1989. С. 103; Кротов П.А. Осударева дорога 1702 г. С. 184–186; Овсянников О.В. Средневековые города архангельского севера. Архангельск. 1992. С. 15; Данков М.Ю. Архиепископ Афанасий — автор проекта «Осударевой дороги» // Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее. Архангельск, 1999. С. 242–247.

³⁶ Кротов П. А. Осударева дорога... С. 192.

³⁷ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 2–3., 4–5, 6–7об.,

- 22—22об. См. также: Кротов П.А. Осударева дорога... С. 200.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 16—16об.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 70. 1702. Л. 1—9. Фраза «и от неприятел[ь]ских свейских людей безопасной» в рукописи зачёркнута.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 7—7об.
- ⁴¹ ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- ⁴² Тельпуховский Б.С. Северная война. М., 1946. С. 47.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109. Л. 7—7об.
- ⁴⁴ Журнал, или Поденная записка... Петра Великого с 1698 года... СПб., 1700. Ч. 1. 54.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109. Л. 2.
- ⁴⁶ Там же. Л. 3об—4, 6—6об, 16.
- ⁴⁷ Веселаго Ф.Ф. Общий морской список... С. 263.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 53. Л. 336об.
- ⁴⁹ Кротов П.А. Осударева дорога... С. 183.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109. Л. 3, 15—15об., 19.
- ⁵¹ Фруменкова Т.Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы... С. 156.
- ⁵² Азанчеевский М.П. История Преображенского полка... С. 38.
- ⁵³ Там же. В начале XVIII столетия 1 сажень равнялась 2,13 м. См.: Куратов А.А. Метрология России и Русского Севера. Архангельск. 1991. С. 12.
- ⁵⁴ Азанчеевский М.П. История Преображенского полка... С. 38.
- ⁵⁵ Сорокин П.Е. Отчёт об археологических исследованиях... 1994 г. Л. 1—7.
- ⁵⁶ Сорокин П.Е. Отчёт о проведении археологических исследований в районе мыса Вардыгора... Л. 1—21.
- ⁵⁷ Азанчеевский М.П. История Преображенского полка... С. 38.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 4об. В оригинале вместо слова «буде» употреблено «будет».
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 2.
- ⁶⁰ Там же. Л. 4.
- ⁶¹ Там же. Л. 3—3об., 7.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. Л. 6—6об.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 77. Д. 3. Л. 65об—66.
- ⁶⁵ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 3об, 6об, 16. Цифровые значения в подлиннике документа дописаны иной рукой позднее.
- ⁶⁶ Азанчеевский М.П. История Преображенского полка... С. 38—39.
- ⁶⁷ Максимов С.В. Год на Севере. СПб., 1859. Т. 1. Белое море. Гл. X. С. 603.
- ⁶⁸ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 16—17.
- ⁶⁹ Кротов П.А. Осударева дорога... С. 191.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 2—7об., 17.
- ⁷¹ Письма И. Муханова и А. Головкина созданы разными почерками. Вставок с иной каллиграфией не выявлено.
- ⁷² РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 22—22об.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 53. Л. 336—336об.
- ⁷⁴ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 2, 6.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же. Л. 16, 18об.
- ⁷⁷ Азанчеевский М.П. История Преображенского полка... С. 38—39.
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 44. Л. 395. См. также: Кротов П.А. Осударева дорога... С. 206.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 22—22об.
- ⁸⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 44. Л. 395.
- ⁸¹ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 5—6.
- ⁸² Там же.

Б.Н. Ковалёв

Испанские солдаты на Новгородской земле

1941—1942 гг.

В июне 1941 года с началом войны фашистской Германии против Советского Союза министерство пропаганды III Рейха объявило о начале «Крестового похода народов Европы против большевизма». В боевых действиях против нашей страны приняли участие союзные вермахту вооруженные силы Финляндии, Румынии, Италии, Словакии и Венгрии.

Кроме этого, во многих европейских странах существовали различные профашистские партии и движения, такие как DNSAP в Дании, VNV в Бельгии, NS в Норвегии, NSB в Нидерландах, фаланга в Испании.

Пытаясь представить события на Восточном фронте как противостояние добра и зла, цивилизации и варварства, горячий сторонник призыва в армию добровольцев, из числа родственных немцам народов, Генрих Гиммлер способствовал созданию иностранных легионов в составе SS.

Поскольку волонтеры не могли сыграть сколь либо серьезной военной роли в советско-германском противостоянии, они использовались в первую очередь как подтверждение слов Гитлера о начале строительства Новой Европы без евреев и коммунистов.

Большинство подразделений были задействованы на относительно стабильном участке советско-германского фронта — Волховском. Так, в 1941—1942 гг. под Новгородом дислоцировались добровольческий легион «Нидерланды» (с января 1942 г.), добровольческий легион «Фландрия» (с ноября 1941 г.), добровольческий корпус «Дания» (с мая 1942 г.), легион «Норвегия» (с марта 1942 г.)¹.

Особое место среди них занимала испанская «Голубая дивизия». Руководство Испании с большим воодушевлением восприняло известие о нападении Германии на СССР. Уже 22 июня 1941 г. испанский министр иностранных дел Серрано Суньер сообщил германскому послу в Мадриде Штореру, что *«испанское правительство выражает глубочайшее удовлетворение в связи с началом борьбы против большевистской России»*. Суньер обратился к германскому правительству с просьбой дать возможность добровольцам из числа членов фаланги принять участие в борьбе против общего врага. 24 июня министр иностранных дел Германии Риббентроп известил своего представителя в Мадриде о том, что *«Германское правительство с радостью и удовлетворением примет формирование добровольцев фаланги»*².

В тот же день Суньер публично обратился к членам фаланги с призывом поднимать добровольцев на войну против СССР.

Немцы рассчитывали на то, что политика Суньера неизбежно приведет Испанию к войне на стороне III Рейха. Но генерал Франко отлично осознавал, что его

страна ещё не оправилась после гражданской войны, а испанское общество весьма нестабильно. В этих условиях он решил ограничиться лишь посылкой добровольцев на Восточный фронт.

Из них была сформирована так называемая «Голубая дивизия» (по цвету фалангистской униформы) во главе с генералом Муньосом Грандесом.

Испанские солдаты получили обмундирование, которое отличалось от обычной немецкой пехотной формы только особым нарукавным знаком выше локтя. На знаке дивизии специалисты фашистской геральдики изобразили щит с чёрной каймой. Середину щита пересекала горизонтальная жёлтая полоса на красном фоне, а на ней красовался четырёхконечный чёрный крест и пять перекрещивающихся стрел, брошенных веером наконечниками вверх. Замысловатое сооружение венчала надпись «Испания». Отныне соединение стало называться 250-й пехотной дивизией вермахта. Однако даже в официальных документах она надолго сохранила своё первоначальное название «Голубая», хотя никто из её участников уже не носил голубых рубашек и красных беретов.

В ночь с 11 на 12 октября 1941 года первый батальон испанцев занял свои позиции на передовой. «Голубая дивизия» отвечала за участок фронта протяженностью 50 км в районе Новгорода. Испанский штаб располагался в Григорово. Новгород был занят нацистами с августа 1941 до начала Новгородско-Лужской операции Красной армии в январе 1944 г. Всё это время он был в непосредственной близости от линии фронта.

16 октября немецкие войска перешли в наступление на волховско-тихвинском направлении. В наступлении участвовало девять дивизий, в том числе две танковые и две моторизованные, а также «Голубая дивизия». «В первый день наступления противнику удалось прорвать нашу оборону в стыке ослабленных предыдущими боями 4-й и 52-й армий», — вспоминал генерал армии И.И. Федюнинский³. Фронтная сводка в Москву от 25 октября сообщала, что «испанская дивизия, овладев деревнями Шевелево, Сытино, Дубровка, Никитино, Отенский Посад, пока их удерживает». В первых же сводках, содержащих упоминание о «Голубой дивизии», говорилось, что дивизия укомплектована испанцами в возрасте 20–25 лет, а командует ею генерал Муньос Грандес⁴.

Большинство испанцев были уверены, что они пришли в Россию освобождать русских, а не поработать, и впоследствии очень сокрушались, что русские этого не понимают. Солдаты «Голубой дивизии», имевшие свежий опыт гражданской войны, сознавали, что в России есть и большевики, и их противники. Недаром своих врагов на фронте они называли не «русские», а «красные».

«Голубая дивизия» была в какой-то мере той Европой, от которой русские антибольшевики ждали вместе спасения и поддержки в своём восстании против Сталина.

Советские органы государственной безопасности сразу же заинтересовались новым союзником гитлеровцев. Советская агентура сообщала в Ленинград следующее: «В военном городке вблизи деревни Григорово размещался штаб немецких разведывательных органов, в котором находились Гурский-Мухамедов Олег Константинович, бывший офицер царской армии. Эмигрировал за границу. После разгрома белых банд в 1921—1922 г. проживал в г. Прага, Чехословакия, уроженец г. Севастополь, где имел собственное поместье. При формировании добровольческой „Голубой дивизии“ в Испании добровольно вступил в неё офицером-лейтенантом и в таком виде прибыл в Новгород в составе Голубой дивизии, где занимал пост в испанской разведке. Так же он работал переводчиком и командантом военного городка.

Начальником испанской разведки был капитан Мартинес, родом из Барселоны. Кроме того, в „Голубой дивизии“ в разведке находились Константинов Константин Александрович, Старецкий Юрий Александрович. Все они эмигранты, бывшие офицеры, бывшие дворяне»⁵.

Таким образом, мы видим, что среди солдат «Голубой дивизии» были не только люди, мечтавшие отомстить Советскому Союзу за его помощь республиканцам в годы гражданской войны в Испании, но и русские белоэмигранты, увидевшие возможность взять реванш за поражение в Гражданской войне.

У немцев сложилось вполне определённое представление об испанских солдатах. Немцы относились к своим союзникам с нескрываемым презрением, а за низкие боевые качества фалангистов крыли трёхэтажным матом. По мнению немцев, в «Голубой дивизии» каждый солдат воевал с гитарой в одной руке и с винтовкой в другой: гитара мешала стрелять, а винтовка — играть. 5 января 1942 года во время очередной «застольной беседы» в кругу своих единомышленников Гитлер заметил: «Нашим солдатам испанцы представляются бандой бездельников. Они рассматривают винтовку как инструмент, не подлежащий чистке ни при каких обстоятельствах. Часовые у них существуют только в принципе. Они не выходят на посты, а если и появляются там, то только чтобы поспать. Когда русские начинают наступление, местным жителям приходится будить их»⁶.

Б. Монастырский в очерке «Смелые рейды», повествуя о действиях нашего истребительного отряда 225-й стрелковой дивизии, рассказал о примечательном эпизоде. Это было 14 ноября 1941 года в деревне Большой Донец близ озера Ильмень: «Бойцы Фролов и Пчелин узнали, что в крайней избе живут испанцы. Они без шума захватили вышедшего во двор испанского солдата и привели его к командиру группы Новожилову.. Взятый в плен испанец оказался очень разбитным и общительным малым. Он знал много русских слов, легко запоминал новые и выразительно иллюстрировал свою речь жестами и мимикой. Из рассказа испанца выяснилось, что он кавалерист. В их эскадроне было первоначально 320 сабель. Теперь оставалось только 120 человек и 100 лошадей. Остальные были перебиты во время налёта советской авиации, когда эскадрон шёл походной колонной из Новгорода к Ильменю. Кое в чём пленный „темнил“. То он уверял, что генерал Франко посадил его в тюрьму за принадлежность к компартии, то признавался, что поступил в „Голубую дивизию“ добровольно. Но ясно было одно: война в России его явно не устраивала, и он был искренне рад, что попал в плен. Пленный гневно говорил о своём эскадронном командире: „Капитано — сволочь! Жрёт курятину, масло, пьёт дорогое вино да ещё обкрадывает солдат, которым выдают всего 200 граммов сухарей в день»⁷.

✎ Уборка снега в Новгороде

Косвенно справедливость этого заявления подтвердил Адольф Гитлер в своих «застольных беседах»: «Что вызывает сожаление в испанских солдатах, это различие в отношениях между офицерами и солдатами. Испанские офицеры живут притворяясь, а солдаты вынуждены вести самое жалкое существование»⁸.

Шеф «Новгородского русского гестапо» Б.А. Филистинский, после войны проживавший в США и работавший профессором русской литературы и истории в одном из американских университетов, написал достаточно интересные воспоминания о жизни в оккупированном Новгороде. Так он описывал поведение испанских солдат в «святом поозерье»: «Около дотла выгоревшей деревни Воробейки наши дровни остановили испанские солдаты. Двое из них были в разорванных от ворота и до подола немецких шинелях и с винтовками за спинами, висевшими на ремнях штюками вниз. Третий — унтер-офицер — был в валенках — оба на левую ногу: один рыжий, другой белый. Я предьявил удостоверение на двух языках, выданное немецкой и испанской комендатурами. Солдаты взяли его, повертели в руках,

передали унтеру, взявшему его кверху ногами и безнадежно махнувшему рукой: все были неграмотны. — Идём к офицеру.

☞ *Мародёры*

В двухстах шагах, в единственном уцелевшем домишке, в жарко натопленной горнице сидел за столом испанский поручик. Он был полураздет, перед ним стояли несколько бутылок коньяка и водки, сковорода

☞ *Старое Ракомо*

с недоеденной рыбой и крупно нарезанный лук. Чудесный домашний свежий ржаной хлеб и овсяный кисель, почти нетронутый, придавали пиршеству местный

колорит. Вся семья хозяина дома — и сам хозяин с женой, и молоденькие дочери его, и старуха бабка — с раскрасневшимися лицами и мутными глазами сидели за столом. Хозяйский сынишка, парень лет четырнадцати, что есть силы терзал гармонь, а денщик-испанец подыгрывал ему не в тон на гитаре и выл что-то дикое и нечленораздельное. Я предъявил офицеру свой пропуск и свои документы. Он пьяно взглянул на меня и на возницу и сунул нам в руки объёмистые кружки с коньяком:

— Пейте! Пейте, вам говорят! — на документы он и не взглянул.

— Они ничего, испанцы-то, щедрые. Все солдаты ихние на девках наших попереженались. По-православному. И в церкву нашу ходят. А девкам в подарок и коров, и свиней подарили. С соседних деревень грабанули. Хороший народ, подходящий, — объяснял мне заплетающимся языком хозяин дома, помощник волостного старосты.

— Вот только чудные они. В Самокраже стояла артиллерия испанская. Пошли они пьянствовать. А советчики через Ильмень по льду перешли, орудия спортили, с соседнего дому двух мужиков прихватили, — и назад к себе. Немцы больно на испанцев обижаются...

И мы опять на дровнях. Дорога вьётся — однообразная и унылая, а возница рассказывает мне:

— В Курицко испанский комендант запретил солдатам с девками гулять... Ну, да разве испанцы послушают кого? Поймали комендантские девок и баб с солдатами на гулянке в клубе. Девкам голову наголо сбрили, бабам полголовы выстригли, а солдат выпороли... Смех и грех!»⁹

Уже в первых разведсводках штаба 52-й армии в октябре—ноябре 1941 года на основании опроса перебежчиков и военнопленных, захваченных документов и т.д. делался вывод, что среди солдат «Голубой дивизии» имелось немало бывших уголовников и иных деклассированных элементов. В дальнейшем эти сведения неоднократно подтверждались. Военнопленный, солдат 262-го полка, был твёрдо убежден, что большинство солдат дивизии — воры и аферисты, которые занимались грабежом у себя на родине. В своих показаниях многие военнопленные сообщали, что кража в дивизии — обычное явление. Чаще всего солдаты крали продукты друг у друга¹⁰.

Понятно, что в таких условиях всё, принадлежащее русским гражданам, рассматривалось испанцами как потенциальный трофей. Весьма поучительна судьба второго бургомистра Новгорода Фёдора Ивановича Морозова, который занимал свой пост чуть больше месяца. 17 декабря 1941 года он был убит испанским солдатом. Произошло это при следующих обстоятельствах. В городской управе была организована выдача молока служащим управы, детям и беременным женщинам — по литру на человека. За молоком стали приходиться и испанские

солдаты, но так как его было мало, отпускалось оно им с большим неудовольствием. На почве этого случались частые недоразумения. В один из дней, когда испанские

У моста через Волхов

солдаты вновь пришли за молоком, Морозов находился в сильно нетрезвом состоянии. Недовольный тем, что из-за испанцев сотрудникам управы остаётся мало молока, бургомистр начал с ними скандалить. Морозов

У Софийского собора

кричал по-русски, а испанцы — на своем родном языке. В ходе этой перепалки бургомистр стал толкаться и спустил солдата «Голубой дивизии» с лестницы. Оскорблённый испанец выхватил пистолет и двумя выстрелами убил Морозова¹¹.

В документах оперативного штаба «Рейхс-ляйтер Розенберг», сотрудники которого производили оценку культурных ценностей, оказавшихся на оккупированной территории нашей страны, таким образом оценивается поведение испанских солдат в Новгороде: «3 марта 1942 года. Церковь Михаила Архангела. Единственная церковь, в которой в большевистские времена проводились богослужения. Испанцы силой ворвались вовнутрь, ограбили её и разорили...

14 марта 1942 года. В Историческом музее и в Музее русского искусства (оба в кремле) нет больше никаких произведений искусства. Часть строений используется солдатами испанской дивизии для жилья и складов...

14 марта 1942 года. Церковь Фёдора Стратилата на Ручью (Торговая сторона). Построена в 1360 г. Иконостас частично употреблён на топливо испанскими солдатами»¹².

О жизни «Голубой дивизии» существуют интересные «Русские тетради» Дионисио Ридруэхо, в которых детально описан весь путь дивизии и её военные действия под Новгородом до начала 1942 года. Есть в этой книге и места, посвящённые сдаче испанцев в плен. В одном из них автор

излагает содержание советской листовки, призывающей испанцев сдаваться русским, которая подписана «именами четырёх или пяти наших ребят, попавших во власть врага», и продолжает: «К ним прибавлено два

имени, перешедших добровольно. Это факт, который уже имел прецедент. Несколько солдат — четыре или пять — действительно перешли к врагу. Это не следствие нервного кризиса. Дело идет о случаях преднамеренных. Коммунисты — героические люди, нужно признать это, которые завербовались в наши ряды. Мы никогда не видели их потерявшими присутствие духа.

У Новгородском кремле

Сомневаюсь, тем не менее, что их верность будет оценена большевиками»¹³.

☞ Похороны

Косвенным подтверждением справедливости этих сомнений Ридруэхо служит следующее замечание батальонного комиссара Северо-Западного фронта Л. Дубовицкого в сообщении Совинформбюро от 23 ноября 1941 года, где о перебежчиках — солдатах «Голубой дивизии» Эмилио Родригесе и Антонио Пелайо Бланко — говорится, что они «очень недовольны тем, что их считают обычными военнопленными и содержат с немцами»¹⁴.

В дальнейшем его зловещее предсказание полностью сбылось. В Боровичском лагере военнопленных рядом содержались как убеждённые фалангисты, так и солдаты, добровольно перешедшие на сторону Красной армии.

За время нахождения на Новгородской земле дивизия регулярно принимала участие в боевых действиях против Красной армии и понесла большие потери.

23 августа 1942 года она была снята с Волховского фронта и перебросена на север — в район Вырицы, под Ленинград.

В условиях коренного перелома в Великой Отечественной войне и активизации работы англо-американских дипломатов генерал Франко решил соблюдать нейтралитет Испании не на словах, а на деле. В октябре 1943 года «Голубая дивизия» была отправлена на родину.

Несколько сот убеждённых испанских антикоммунистов вступило в части SS и продолжило сражаться с советскими войсками вплоть до мая 1945 года.

Всего «Голубая дивизия» в России потеряла 3934 человека убитыми, 8466 ранеными, 326 — пропавшими без вести и 250 — попавшими в плен. Большинство испанских военнопленных содержались в лагере под Боровичами в Новгородской области. Они были отпущены на родину лишь в марте 1954 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Уильямсон Г. СС — инструмент террора. Смоленск, 1999.

² Цит. по: Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 333.

³ Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М. 1961. С. 62.

⁴ Крестовый поход на Россию... С. 341.

⁵ Служба регистрации архивных фондов УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 19344. Материалы о немецких разрушениях и зверствах деятельности разведыватель-

ных и контрразведывательных органах противника в районах Ленинградской области и подвергавшихся оккупации. Л. 107—108.

⁶ Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера. М., 2004. С. 188.

⁷ Монастырский Б. Смелые рейды. Л., 1967. С. 101—102.

⁸ Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера... С. 188.

⁹ Филиппов Б.А. Тусклое оконце. Нью-Йорк, 1967. С. 172—173.

¹⁰ Цит. по: Крестовый поход на Россию... С. 350.

¹¹ Архив Управления ФСБ РФ по Новгородской области. Д. 43689. Л. 60—60об.

¹² Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». М., 1998. С. 261, 262, 268.

¹³ Ridruejo D. Los cuadernos de Rusia. Barcelona, 1976.

¹⁴ Цит. по: Крестовый поход на Россию... С. 342.

Автор статьи благодарит профессора университета им. короля Хуана-Карлоса (Мадрид, Испания) Жозе Родригеса Джименеза (Jose L. Rodrigues Jimenes) за предоставленные материалы из личных архивов ветеранов «Голубой дивизии».

НА НОВГОРОДСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Документы Ставки ВГК о действиях РККА на Новгородском направлении. 1942 год

Созданный 17 декабря 1941 г. Волховский фронт уже в начале 1942 года перешёл в наступление с целью деблокировать Ленинград. Эта цель оставалась главной на театре военных действий Северо-Запада до февраля 1944 года. В её рамках планировалось проведение Новгородской операции.

В разговоре по прямой связи с командующим фронтом К.А. Мерецковым заместитель начальника Генерального штаба А.М. Василевский спрашивал о том, «когда перешли в наступление армии фронта, какими силами и каковы начальные результаты 6 января 1942 г.»¹. В ответ генерал армии К.А. Мерецков сообщал: «Соколов, как я докладывал², изготовится к утру 7 января (...) 5-ю стрелковыми бригадами. Кроме того, в его состав на 7 января включается 259-я стрелковая дивизия. К этому же времени 327-я дивизия будет во втором эшелоне. Остальные три бригады: 22-я бригада передаётся в состав 52-й армии, две бригады последние будут находиться от р. Волхов на переходе. Главные трудности, по-прежнему, остались на сегодня: плохое материальное обеспечение, не подошли ещё снаряды, в связи с чем артиллерийское наступление строим на прямой наводке отдельными орудиями, не подошло горючее, не подошли армейские артолки, ещё не собралась авиация Степанова, средства связи ещё сегодня раздавали войскам. 59-я армия на исходном положении. Все эти небольшие затруднения, в том числе по части продовольствия, осложняют обстановку и затягивают сроки...».

Василевский проинформировал, что за «вчерашний день закончили сдачу по железной дороге груза для товарища Соколова от Сонково как на Бежецк, так и в сторону Будогощи. Одновременно прилагали все усилия проталкивать и снабженческие поезда, с сегодняшнего дня и в дальнейшем количество их резко возрастёт». На что К.А. Мерецков немедленно отреагировал: «Товарищ Василевский, учтите, что в отношении вооружения, выхода в исходное положение, подвоза им всего полученного работа идёт днём и ночью, и всё-таки в связи с тем, что отсутствует автотранспорт, а также что галанинские части³ прибыли невооружёнными, пришлось их вооружать во время выгрузки и на походе. Всё это затянуло готовность, и сегодня, в частности Галанин, начал работу примерно с половиной боевого комплекта. А для танков ещё не подоспело горючее. Считаю теперь, когда более или менее собрались все, должно пойти значительно быстрее».

Попыткам собрать в кулак способные наступать войска препятствовали объективные и субъективные факторы: нехватка вагонов, вооружения, неумение организовать всё, а это вело к оттягиванию сроков наступления. В результате командующий фронтом ощущал себя между молотом и наковальней, вдобавок для контроля

за ним И.В. Сталин послал на фронт своего верного слугу — армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса.

Во время следующего разговора со Ставкой 10 января Мерецков, Запорожец⁵ и Мехлис говорили уже со Сталиным и Василевским⁶. Сталин, явно имея своих информаторов, сообщил руководству фронта: «По всем данным, у вас не готово дело наступления к 11 числу. Если это верно, надо отложить ещё на день или на два дня. Чтобы наступать и прорвать оборону противника, надо иметь в каждой армии ударную группу хотя бы из трёх дивизий и надо, кроме того, сосредоточить 50—60 орудий в районе ударной группы каждой армии для поддержки ударной группы». Он согласился с решением о замене Соколова Яковлевым на посту командарма 2-й ударной армии, потребовал вернуть Клыкову⁷ его дивизию, не дробить 4-ю армию, продолжив: «У русских говорится, поспешишь — насмешишь. У вас так и вышло. Поспешили с наступлением, не подготовив его, и насмешили людей. Если помните, я вам предлагал отложить наступление, если ударная армия Соколова не готова. Вы отказались отложить, а теперь пожинаете плоды своей поспешности». К.А. Мерецков уточнил, что «за Соколова необходимо всю работу до мелочей вести самим. Сейчас в основном работа у Галанина и Соколова выполнена, созданы ударные группы для прорыва, но... нужно ещё раз лично самим проверить готовность на местах и устранить недоделки... Для подготовки Клыкова потребуются ещё три дня, причём необходимо учесть, что часть артиллерии Клыкова я привлёк для работы на направлении главного удара Соколова. Только в настоящее время 288-я и 111-я дивизии остались в составе армии Галанина... Армию Клыкова надо ставить во второй эшелон, так как нежелательно было бы брать их до овладения Чудово и Грузино. Поэтому, если представляется возможным, нужно было бы у Соколова и Галанина начать 12, у Клыкова 13, Иванов⁸ может начать одновременно с Галаниным. Если возможно, на вторую ударную, как знающего хорошо направление, поставить Клыкова, а вместо Клыкова на 52-ю — Яковлева». Сталин согласился с предложениями командующего фронтом, отложив наступление на 13-е число, но указал, что завтра к ним вылетает начальник артиллерии ТРККА Воронов, который окажет помощь «по части артиллерии». Тут же последовал приказ о назначениях и перемещениях:

«1. Освободить генерал-лейтенанта Соколова от командования 2-й ударной армией и направить в распоряжение Ставки.

2. Назначить генерал-лейтенанта Клыкова командующим 2-й ударной армией, освободив его от командования 52-й армией.

3. Назначить генерал-лейтенанта Яковлева командующим 52-й армией»⁹.

Ленинградскому фронту и Приморской оперативной группе было предписано содействовать Волховскому фронту в разгроме противника активными действиями 42-й, 55-й, 8-й, 54-й армий и Приморской оперативной группы¹⁰. Однако у командования фронтом были свои замыслы на операцию по деблокаде Ленинграда. Например, о создании новой армии из частей 54-й армии и Волховского фронта. Сталин с этим предложением сначала не согласился, поскольку это оттянуло бы начало наступления на этом направлении ещё на несколько дней¹¹.

Во время следующего разговора с А.М. Василевским Мерецков, Запорожец и Стельмах¹² докладывали результаты боевых действий за день. Мерецков сообщил, что «13 января все армии перешли в наступление и по всему фронту в течение всего дня 13-го шли исключительно упорные бои. В итоге боевой работы успех можно отметить только на фронте 2-й ударной и 52-й армий. Эти армии, 2-я почти полностью форсировала Волхов, а 52-я — своей ударной группировкой, по существу вчера, и удалось только зацепиться за западный берег. Сегодня... к исходу дня можно считать только сейчас наметился прорыв на участке Бор, Ямно. (...) На фронте 52-й армии, участок от пионерлагеря до Теремца, захвачен западный берег. (...) На фронте 4-й армии сегодня с утра завязался особенно упорный бой. Противник четыре раза переходил в контратаки на фронте Меновша, Зеленцы. (...) Армия после длительных упорных боёв требует пополнения. (...) Считаем, что в связи с наметившимся успехом на фронте 2-й и 52-й армий, 15-го необходимо во что бы то ни стало добиться прорыва с вводом на этих направлениях вторых эшелонов указанных армий. (...) Наши трудности — до сего времени не собралась ещё полностью предназначенная для нас авиация, мало отпущено снарядов, и подвоз их идёт по железным дорогам с большими перебоями, поэтому при артиллерийском наступлении базируемся на прямой наводке»¹³.

Присоединившийся к разговору Сталин отметил, что «нет нужды, чтобы каждая армия и каждая дивизия прорывала оборонительную линию противника». Мерецков немедленно докладывает, что «лучший прорыв наметился на участке 2-й ударной и 52-й армий. За 2-й армией в настоящее время во втором эшелоне имеем три стрелковые бригады. Они предназначены к вводу в прорыв и подвоятся к реке на направление Ямно. (...) Не исключаем в процессе развития прорыва снимать отдельные дивизии с фронта и пускать их в прорыв для расширения».

Последовал приказ: «1) Не прекращая развития прорыва, возьмите теперь же две дивизии из 59-й армии, стоящие во втором эшелоне, и бросьте в прорыв вместе с тремя бригадами второй армии, не дожидаясь сообщения от 59-й армии. То же самое сделайте по части усиления артиллерией 2-й армии на участке прорыва, так чтобы в районе прорыва 2-й армии было у вас до 250 орудий.

2) Перенести свою ставку в Малую Вишеру, откуда будет удобнее руководить операциями. (...)»

4-я армия должна продолжать наступление, и брать у неё дивизии не следует».

Мерецков ответил, что «все армии будут продолжать наступление для того, чтобы сковать противника на

всём фронте и не давать ему перегруппироваться, и для того, чтобы скрыть наш основной маневр»¹⁴.

Очередные переговоры с командованием фронта проводил один Василевский. Он сообщил о своём докладе Сталину боевого донесения фронта за 16 января¹⁵. На что последний указал: «В связи с ясно обозначившимся успехом прорыва на фронте 2-й (ударной) и 52-й армий, учитывая исключительно тяжелое положение в Ленинграде, необходимо принять все меры к быстрейшему продвижению вперед... Прошу сообщить ваше решение о дальнейшем построении операции после выхода главных группировок 2-й (ударной) и 52-й армий на ленинградское шоссе и железную дорогу»¹⁶.

Мерецков проинформировал, что выезжает через Боровичи на Малую Вишеру и завтра ночью будет у Клыкова для того, чтобы общими усилиями возможно быстрее двинуть войска вперед. Предварительные соображения о развитии операции с линии шоссе подготовлены.

Представленный Мерецковым план дальнейшей операции фронта был утверждён Ставкой ВГК 18 января¹⁷. В тот же день в боевом донесении фронта говорилось о прорыве укрепленной полосы противника на участке от Коломно до Ямно и от пионерлагеря «Онег» до Теремца. Прорыв шёл медленно. Для глубокого развития прорыва привлекались 366-я, 382-я, 111-я, 374-я сд. С выходом 2-й ударной армии на ленинградское шоссе планировалось направить не менее четырёх дивизий из её состава в направлении Спасская Полясть, Апраксин Бор и далее на Любань для нанесения удара во фланг и тыл чудовской группировке противника.

В 1942 году по всем фронтам, в условиях нехватки личного состава, вооружения, продовольствия, развернулись наступления Красной Армии. СССР не хотел давать повода для разговоров в мире о безропотной передаче инициативы в войне Германии, добываясь открития союзниками второго фронта. В этих условиях Ставке ВГК самой приходилось распределять даже автомашины. Так, например, было приказано отправить на ст. Малая Вишеря в распоряжение командующего войсками Волховского фронта 3000 ППШ и 300 ПТР, десять лыжных батальонов и один батальон транспортных аэросаней¹⁸.

Были утверждены представленные К.А. Мерецковым соображения по развитию успеха 2-й ударной армии за счёт перегруппировки 4-й и 59-й армий, при этом указывалось перегруппировку произвести скрытно от противника, наступательных действий 2-й и 52-й армий на время перегруппировки ни в коем случае не прекращать, а наоборот развивать¹⁹.

В оперативной директиве командующего войсками Волховского фронта от 17 января 1942 г. Ставка приказывала: 59-й армии обойти чудовскую группировку с запада, 92-ю сд выдвинуть в направлении Лесопункт, отм. 38, 9, Приютино. 2-й ударной армии предлагалось создать оперативные группы Коровникова, Привалова, Жильцова²⁰; 52-й армии — не позднее исхода 29 января 1942 г. овладеть районом Большое Замощье, Вешки, Копцы. В дальнейшем выйти на фронт ст. Татино, Большеводское, Котовицы с целью обеспечения ударной группировки фронта с новгородского направления²¹.

Для удобства управления и успешного выполнения поставленных задач приказывалось выделить из состава

войск 54-й армии Ленинградского фронта 128-ю, 294-ю и 265-ю стрелковые дивизии, 21-ю танковую дивизию, 16-ю танковую бригаду, 6-ю морскую бригаду, отдельную стрелковую бригаду и 882-й армейский артополк и образовать на фронте Ладожское озеро, ст. Малукса, новую армию, перебросив для неё из Ленинграда управление и армейские части 8-й армии.

Установили разграничительную линию между Ленинградским и Волховским фронтами с 6 часов 28 января — Холм, Посадников Остров, Любань, Сиверская²². Таким образом предложение Ленинградского фронта о формировании новой армии было воплощено в жизнь. В тот же день командующий войсками Северо-Западного фронта П.А. Курочкин, член Военного совета А.М. Пронин и начальник штаба фронта Н.Ф. Ватутин²³ в докладе сообщали народному комиссару обороны план наступательной операции в направлении Пскова, одной из задач которого было действовать в тыл новгородской группы противника и перерезать основные коммуникационные линии его ленинградско-волховской группировки, последовательно силами 11-й армии выходя на фронт: Шимск, Медведь, Николаево, Струги Красные, Желча, вост. берег оз. Псковское²⁴. Сталин и Шапошников заметили руководству Северо-Западного фронта, что представленный им план предстоящей операции построен на неправильном понимании поставленной задачи. План предусматривает удар на запад с единственным стремлением последовательно, фронтальными ударами овладеть городами Старая Русса, Дно, Порхов, Псков и Остров, тогда как основной задачей войск Северо-Западного фронта является — заслонившись со стороны Псков, Остров, ударом в северо-западном направлении перерезать основные коммуникационные линии ленинградско-волховской и новгородской группировок противника и во взаимодействии с Волховским и Ленинградским фронтами разбить их. Приказано было переработать представленный план операции, учитывая, что ближайшей целью операции, после уничтожения демянской группировки противника, будет силами 1-й ударной армии из района южнее Старой Руссы в общем направлении на Сольцы и выходом в район Шимск, ст. Волот перехватить все пути доставки противника к Руссе и совместно с 11-й армией разбить его в открытом бою. Операцию начать 6—7 февраля, как только будут сосредоточены главные силы 1-й ударной армии, с тем, чтобы остальные силы армии пошли во втором эшелоне. Последующая задача операции — в северо-западном направлении перерезать железную дорогу и шоссе Псков—Луга и отрезать новгородскую и ленинградско-волховскую группировки противника от главных коммуникаций, занять Дно, Порхов и выйти к Пскову, обеспечивая главный удар с юга и юго-запада²⁵.

План был переработан и 31 января вновь представлен на утверждение. Теперь ему предшествовали операция по уничтожению демянской группировки противника, вывод 2-го гв. стрелкового корпуса в район южнее Старой Руссы и нанесение удара в направлении на Холм, прочное удержание плацдарма в районе Старой Руссы. Предполагалась возможность развития наступления навстречу войскам Ленинградского и Волховского фронтов для разгрома противника.

1 февраля Ставка ВГК утвердила положения плана развития операции Северо-Западного фронта. Указания о дальнейшем развитии операции из района юго-западнее Луги она намеревалась дать особо²⁶. 2 февраля был

утверждён план развития операции Волховского фронта по разгрому противника в районе ленинградского шоссе²⁷. Жёсткий контроль за действием или бездействием командного состава в пределах их компетенции оставался важным методом руководства Ставки ВГК фронтами.

В тот же день Ставка ВГК утвердила решение Военного совета фронта о допущении генерал-майора Ляпина²⁸ к должности командующего 4-й армией, одновременно указав ему на незаконность отстранения генерал-майора Иванова от этой должности: такое возможно лишь по специальному приказу Ставки Верховного Главнокомандования. Ставка потребовала командующего фронтом немедленно представить ей доклад с подробным изложением причин, побудивших Военный совет отстранить Иванова, и самого Иванова немедленно направить в распоряжение НКО²⁹.

10 февраля И.В. Сталин и Б.М. Шапошников³⁰ продолжают лично распределять соединения по фронтам. Так, в состав войск Волховского фронта передали 24-ю стрелковую дивизию (из АрхВО), 97-ю и 116-ю стрелковые дивизии (из ЗабВО), которые приказано перевезти по железной дороге, произведя выгрузку дивизий в районе Гряды, Малая Вишера. Характерная черта времени: под документом приписка «Командующему Волховским фронтом директиву передать только по выходе стрелковых дивизий на Октябрьскую дорогу. Василевский». Уверенности, что дивизии не будут перенаправлены в другое горячее место, ни у кого не было³¹. И действительно следует отмена предыдущего приказа: «Во изменение директив Ставки ВГК за №№ 170095 и 170091 97-ю и 116-ю дивизии, следующие по железной дороге из ЗабВО, и 149-ю стрелковую дивизию, дислоцируемую в Рязани, направить в район Козельск, Лихвин в резерв Ставки Верховного Главнокомандования, 24-ю стрелковую дивизию из Вологды направить не на Волховский фронт, а в распоряжение командующего Калининским фронтом для 3-й ударной армии взамен 148-й стрелковой дивизии. Начальникам главных и центральных управлений НКО недостающее вооружение и имущество для 97-й и 116-й стрелковых дивизий направить в Козельск»³².

12 февраля за подписью И.В. Сталина и Б.М. Шапошникова выходит директива Ставки ВГК, разрешающая усиление любанской и чудовской группировок 2-й ударной и 59-й армий. Она в то же время категорически требует ни в коем случае не прекращать наступательных действий на любанском и чудовском направлениях, ставит армиям задачу до 1 марта выйти на железную дорогу Любань—Чудово, с тем чтобы после их усиления не позднее 5 марта полностью ликвидировать любань-чудовскую группировку противника³³. Однако сил у фронта на ликвидацию группировки, угрожавшей коммуникациям 2-й ударной армии, и одновременно захват Любани не было.

26 февраля войска Волховского фронта начали операцию по разгрому любань-чудовской группировки противника. В тот же день Ставка ВГК приказывает, усилив в течение 26—27 февраля ударную группу 54-й армии, не позднее 1 марта перейти в решительное наступление в общем направлении на Любань, с тем, чтобы, сочетая удар 54-й армии с ударом войск Волховского фронта, общими усилиями фронтов полностью ликвидировать группировку противника и освободить железнодорожную линию Любань—Чудово³⁴.

Поступает приказ об усилении 2-й ударной армии за счёт 59-й армии не менее как двумя стрелковыми дивизиями. Для нанесения решительного удара в направлении Любани и к северу от неё 2-й ударной армии предложено создать единую группировку в составе не менее пяти стрелковых дивизий, четырёх стрелковых бригад, одной кавалерийской дивизии, усиленной танками, артиллерией и авиацией. Для перехвата ленинградского шоссе и железной дороги в районе ст. Торфяное 59-я армия должна наступать ударной группой не менее трёх стрелковых дивизий. На правом фланге 4-й армии приказано создать ударную группу в составе не менее двух стрелковых дивизий для наступления навстречу любанской группе 2-й ударной армии в общем направлении на Ларионов Остров и далее на Смердыню. В ходе операции приказано ни в коем случае не допускать распыления указанных ударных группировок на обеспечение флангов и тыла, используя для этой цели части, не вошедшие в состав ударных группировок. Станцией и г. Любань, безусловно, овладеть и прочно закрепиться не позднее 4—5 марта.

Поворотным моментом стала сдача противнику уже взятой Красной Горки, деревни вблизи Любани. Ставка ВГК приказала немедленно расследовать обстоятельства «позорной сдачи Красной Горки немцам, у которых для этого не было даже достаточных сил — наступал лишь один полк противника... немедленно донести, кто командовал войсковым соединением»³⁵.

Для быстрого пополнения действующих и доукомплектования вновь формируемых кавалерийских дивизий Ставка приказала расформировать двадцать дивизий, из них 11 — из числа действующих армий, но имеющих большой некомплект, и 9 — из числа формируемых национальных кавалерийских дивизий. На Волховском фронте расформировали 27-ю кавалерийскую дивизию, пополнив части 13-го кавалерийского корпуса³⁶. В апреле началась оттепель, которая в условиях полуокружения, отсутствия дорог, нехватки боеприпасов, личного состава, фуража, продовольствия, стал работать против 2-й ударной армии.

Из прорыва был вскоре выведен конный корпус Гусева в район д. Пятницы для реформирования.

Генерал-майор Визжилин был отстранён от должности начальника штаба 2-й ударной армии и назначен командиром дивизии. Вместо него в должности утвердили полковника Рождественского³⁷. Вместо полковника Пахомова на должность начальника оперативного отдела штаба 2-й ударной армии утвердили комбрига Буренина³⁸, а в должности заместителя командующего 2-й ударной армией — генерал-майора Алферьева³⁹.

Испытанный метод руководства войсками снова в действии. Плохие организаторы и полководцы снимаются, даётся шанс зарекомендовать себя другим. Только что хорошо проявивший себя в Московской битве, получивший личную аудиенцию у И.В. Сталина, А.А. Власов выдвигается на перспективное место. Ставка ВГК назначает генерал-лейтенанта Власова заместителем командующего войсками Волховского фронта, освободив его от обязанностей командующего 20-й армией⁴⁰.

Для поддержки наступления Ставка ВГК приказывает в период с 10 по 20 марта организовать массовые удары авиацией по боевым порядкам и оборонительным сооружениям противника на переднем крае и в глубине

в полосах наступления 4-й, 59-й и 2-й ударной армий Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта, а также по основным магистралям противника. Рекомендовано массовые удары авиации тесно увязать с действиями наземных войск, проведя их в следующей последовательности: по боевым порядкам и оборонительным сооружениям перед ударной группировкой 59-й армии на Чудовском направлении — в первую очередь; перед ударной группой 4-й армии в районе Кириши, Ларионов Остров — во вторую очередь; перед ударными группами 2-й ударной армии и 54-й армии в районах Красной Горки и южнее Погостья — в третью очередь. Одновременно блокировать частями авиации Ленинградское шоссе, железную дорогу и мосты на ней в районах Любани, Чудово, прекратив всяческие поставки противнику⁴¹.

Не слишком успешно шло наступление и с другой стороны от Любани. Ставка ВГК напомнила, что основной задачей 54-й армии на ближайшее время остаётся захват Любани и разгром любанской группировки противника, сюда и должны быть направлены основные силы армии. В направлении г. Тосно для заслона и сковывания сил противника Ставка ВГК считала целесообразным выделить одну-две стрелковые дивизии и одну танковую бригаду. С захватом Любани могли быть повернуты в сторону Тосно основные силы главной группировки 54-й армии⁴², дополнительно войска Ставка выделить не могла.

В поисках выхода из трагической ситуации, совершенно ясной ему, но не осознаваемой ещё Ставкой, К.А. Мерецков начинает создавать стрелковый корпус. Ставка ВГК разрешает командующему войсками Волховского фронта сформировать к 10 апреля 1942 г. 6-й гв. стрелковый корпус в составе 4-й гв. сд из наиболее подготовленных четырёх стрелковых бригад СибВО (144-й, 145-й, 146-й и 147-й), назначив командиром корпуса генерал-майора И.Т. Коровникова⁴³. Документ подписан И.В. Сталиным и Б.М. Шапошниковым, ими же всего через 10 дней, 21 апреля, был подписан документ о разделении фронтов.

В директиве Ставки ВГК от 17 марта впервые констатировалось, что противник пытается отрезать 2-ю ударную армию от её коммуникаций. Она приказывала, всемерно развивая операцию 59-й армии по захвату Чудово и по разгрому чудовской группировки противника, одновременно усилиями левобланговых соединений 59-й армии совместно с 52-й армией не только не допустить перехвата противником коммуникаций 2-й ударной армии, но и полностью разгромить и уничтожить контратакующие части противника. Для выполнения этой задачи разрешалось перебросить в район Мясного Бора 376-ю стрелковую дивизию из состава 4-й армии, личное руководство операцией (и ответственность!) по ликвидации контрнаступления противника со стороны Спасской Полисти и Любцев, Земтиц возложили на командующего фронтом К.А. Мерецкова. «Немедленно по ликвидации контрнаступления противника предусмотреть силами 52-й армии операцию с задачей **до наступления весенней распутицы овладеть Новгородом** (выделено — **С.В.**)»⁴⁴.

21 марта командующий войсками Волховского фронта в докладе Верховному Главнокомандующему представил соображения по подготовке Новгородской

операции. Он указывал, что после завершения разгрома противника, ведущего контрнаступление, 52-я армия может начать Новгородскую операцию силами 336-й, 305-й, 376-й и 65-й сд при поддержке пяти полков артиллерии РКК, трёх гв. миномётных полков, одного танкового батальона. Однако отмечал, что дивизии крайне малочисленны (до 5 тысяч человек каждая), начать наступление возможно 29 марта с рубежа Пятилипы, Большое Замощье и развивать его в направлении платформа Болотная, Новгород. Общая глубина наступления на этом направлении до подступов к городу составляла 34 км. На преодоление этого расстояния, по расчётам К.А. Мерецкова, требовалось 8—9 дней. Последний этап операции — непосредственное наступление на Новгород — мог быть начат 6—7 апреля. Штаб фронта планировал воздушно-десантную операцию для перехвата коммуникаций со стороны Вашково и Борков⁴⁵.

В тот же день Ставкой ВГК было поручено представить 22 марта подробный план Новгородской операции. Для развития операции в распоряжение фронта во второй эшелон армии направили одну стрелковую дивизию из АрхВО и две стрелковые бригады из МВО⁴⁶.

Однако одновременно в резерв ВГК вывелись 22-я и 25-я сбр.⁴⁷

Сообщив в донесении от 30 марта, что наступление 2-й ударной армии на Любань в направлении Красная Горка, Коркино развития не получило, а дальнейшие попытки прорвать оборону противника повлекут за собой ещё большее истощение войск, К.А. Мерецков сам подписал себе приговор. Вдобавок на момент готовящегося наступления на Новгород он написал, что «общего наступления на Новгород 52-я армия сейчас проводить не может. Поэтому Новгородскую операцию намечают проводить на следующих основаниях: до подхода 2-й и 170-й сд наличными силами 52-й армии провести частные операции по ликвидации выступа позиций противника в районе Тютицы, Любцы, Земтицы, Вешки силами 376-й и 65-й и частично 305-й и 225-й сд. Удар наносить с востока с тем, чтобы прижать противника к болоту и уничтожить. Одновременно силами 366-й сд (19-я гв. сд) ликвидировать опорный узел противника (в районе) Пятилипы, Лузи. Частные операции можем начать 2 апреля. С подходом 2-й и 170-й сд будет развернуто общее наступление на Новгород»⁴⁸.

В связи с болезнью командарма 2-й ударной армии Н.К. Клыкова Ставка ВГК утвердила назначение заместителя командующего войсками Волховского фронта генерал-лейтенанта А.А. Власова командующим 2-й ударной армией по совместительству⁴⁹. Командовавший армией всего два с половиной месяца А.А. Власов навсегда получил в истории титул её командарма, «главного виновника гибели армий», так и не стал командующим фронтом.

Ставка ВГК 23 апреля 1942 г. объединила Ленинградский и Волховский фронты в единый Ленинградский фронт в составе двух групп. Командующим войсками Ленинградского фронта назначили генерал-лейтенанта Хозина, возложив на него и командование группой войск Волховского направления. Командующим группой войск Ленинградского направления назначили генерал-лейтенанта Говорова⁵⁰, а Мерецкова назначили заместителем главнокомандующего Западным направлением, а по факту — командармом 33-й армии Западного фронта⁵¹.

3 мая 1942 г. Ставкой ВГК был утверждён план операций фронта на май⁵². Она приказала отвести 2-ю ударную армию из занимаемого ею района и организовать уничтожение противника на выступе Приютино, Спасская Полисть одновременным ударом 2-й ударной армии с запада на восток и ударом 59-й армии с востока на запад. Войска 2-й ударной армии должны были сосредоточиться в районе (иск.) Спасская Полисть, Мясной Бор с тем, чтобы прочно закрепить за собой совместно с 59-й и 52-й армиями ленинградскую железную дорогу и шоссе и плацдарм на берегу р. Волхов⁵³.

Из документа за подписью И.В. Сталина и А.М. Василевского от 21 мая:

«1. Ближайшими задачами для войск Волховской группы Ленинградского фронта иметь:

а) прочную оборону на фронте 54-й и 8-й армий (...);
б) не позднее 1 июня 1942 г. очистить от противника восточный берег р. Волхов в районе Кириши, Грузино (...);

в) (осуществить) отвод войск 2-й ударной армии (...);
г) усилением обороны левого фланга 52-й армии, и особенно в огневом противотанковом отношении, не допустить прорыва противника со стороны Новгорода вдоль Ленинградского шоссе на Крестцы.

2. (...)

а) надежно обеспечить коммуникации Ленинграда. С этой целью [т.е. прочного прикрытия мгинского и любанского направлений] разрешается усилить этот участок фронта одной-двумя стрелковыми дивизиями за счёт 59-й и 2-й ударной армий; по восточному берегу р. Волхов создать тыловой оборонительный рубеж;

б) (...);

в) силами 59-й, 2-й ударной и правым крылом 52-й армий прочно обеспечить за собой плацдарм на зап. берегу р. Волхов в районе Спасская Полисть, Мясной Бор, Земтицы, Ленинградскую железную дорогу и шоссе с тем, чтобы не допустить соединения по этим дорогам новгородской и чудовской группировок противника и восстановления железной дороги Новгород—Ленинград;

г) силами центра и левого крыла 52-й армии прочно прикрывать направление Новгород, Крестцы.

Ставка ВГК обращает особое внимание Военного совета Ленинградского фронта на немедленное усиление инженерной обороны 54-й, 8-й и 52-й армий (...).

4. В целях удобства управления после ликвидации противника в районе Спасской Полисти реорганизовать Волховскую группу войск, создав из неё две группы: ладожскую в составе 54-й и 8-й армий на фронте от Ладожского озера до р. Волхов у Киришей и Волховскую в составе 4-й, 59-й, 2-й ударной и 52-й армий на фронте Кириши, Грузино, Спасская Полисть, Земтицы и далее по р. Волхов до оз. Ильмень, с назначением командующих этими группами и штабов при них. Военный совет и штаб фронта от непосредственного командования войсками Волховской группы освободить.

5. В целях усиления войск Волховской группы направить в распоряжение командующего Ленинградского фронта:

а) 25 уровских батальонов;
б) 6 ПТО полков УСВ, 500 станковых пулемётов, 1000 ручных пулемётов и 5000 ППШ;

в) восстановить 7-ю гв. и 29 танковые бригады (...).

В течение июня восстановить остальные четыре танковые бригады группы»⁵⁴.

Следом Ставка приказала вывести из состава Волховской группы войск в резерв ВГК четыре стрелковых бригады для развертывания на их базе четырёх стрелковых дивизий⁵⁵.

Осознав ошибочность реорганизации, а именно сведения двух фронтов в один, Ставка ВГК уже 8 мая приказала разделить войска Ленинградского фронта на два самостоятельных фронта: «За невыполнение приказа Ставки о своевременном и быстром отводе войск 2-й ударной армии, за бумажно-бюрократические методы управления войсками, за отрыв от войск, в результате чего противник перерезал коммуникации 2-й ударной армии и последняя была поставлена в исключительно тяжёлое положение, снять генерал-лейтенанта Хозина с должности командующего войсками Ленинградского фронта и назначить его командующим 33-й армией Западного фронта... Назначить командующим войсками Волховского фронта генерала армии тов. Мерецкова, освободив его от командования 33-й армией»⁵⁶. Последовали директивы Ставки о распределении сил между фронтами, о разграничительной линии между ними: «Установить по южному берегу Ладожского озера от устья р. Волхов до Липок... включительно для Волховского фронта»⁵⁷.

К 25 июля 1942 г. Ставка ВГК приказала восстановить 2-ю ударную армию⁵⁸. В это время К.А. Мерецков получил сведения о появлении в одном партизанском отряде начальника связи 2-й ударной армии. Неточно переданная информация привела к тому, что последовало категорическое указание Сталина: «По Вашему донесению Власов, его начальник штаба и начальник связи находятся в партизанском отряде тов. Сазанова. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает Вам, под Вашу личную ответственность, принять все меры к тому, чтобы не позднее 19 июля Власов и его люди были бы доставлены самолетами на территории фронта...»⁵⁹.

Ещё не известно о предательстве Власова, и Сталин делает всё для того, чтобы спасти перспективного военачальника и самому разобраться в произошедшем. Вскоре все будут оповещены о том, что 2-ю ударную довел до гибели А.А. Власов, что во всех её бедах виновен он один, а кое-кто даже поверит, что 2-я ударная — армия предателей, власовцев. Хотя на самом деле генерал практически ничего уже не мог сделать, когда её возглавил поневоле, а предателем стал он в одиночку, так как 2-я ударная армия вскоре воевала в Мгинском районе, потом в Ораниенбаумском, дошла и до Победы. Но это тема отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 17—19.

² ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 8. Л. 10.

³ И.В. Галанин, генерал-майор, командарм 59-й армии.

⁴ ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 8. Л. 10.

⁵ Армейский комиссар 1-го ранга.

⁶ ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 22—24.

⁷ Г.Г. Соколов, генерал-лейтенант, командарм 26-й (2-й ударной) армии. В.Ф. Яковлев, генерал-лейтенант, командарм 59-й армии. Н.К. Клыков, генерал-лейтенант, командарм 52-й армии.

⁸ П.А. Иванов, генерал-майор, командарм 4-й армии.

⁹ ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 22—24.

Заместитель Верховного Главнокомандующего, член Ставки Г.К. Жуков приказал вывести из состава фронта в резерв СВГ четыре стрелковых дивизии и четыре стрелковых бригады⁶⁰ — командование не видело перспективы наступательных действий на данном участке.

Иногда говорят, что на Волховском фронте не было больших сражений и накала боёв. Во-первых, это не вполне соответствует истине, а во-вторых, Ставка ВГК сама иногда сдерживала фронтовое руководство. Например, 3 октября она приказала никаких частных операций не проводить впредь до особого распоряжения. Главной задачей Волховского фронта она считала оборону занимаемых рубежей и приведение войск в порядок⁶¹.

14 октября для всех фронтов последовали важные директивы, касающиеся отселения мирных жителей: «Прифронтовая полоса Волховского фронта до сих пор не приведена в надлежащее оборонительное состояние. Гражданское население всё ещё продолжает оставаться не только в войсковом тылу, но и в самой полосе обороны, в связи с чем противник получает отличные условия для своей шпионской работы. Населённые пункты к обороне не приспособлены; необходимых оборонительных рубежей в войсковом и армейском тылу не создано.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Установить прифронтовую полосу на глубину 25 километров, на которой воспретить проживание и доступ в нее гражданского населения. Всех гражданских лиц, появляющихся в указанной полосе, немедленно арестовывать и направлять в органы НКВД (...).

2. Население должно быть обязательно выселено из городов и деревень: г. Волхов, п. Большая Вишера, Назия (ст. Жихарево), Верхняя Назия, Горная Шальдиха, Путилово, Воловщина, Глажево, Городище, Мыслево, Оскуй, Гладь, Переход, Гряды, Селищенский посёлок, Новоселицы, Хольня, Мста, Слутка и всех остальных в полосе фронта от рубежа ст. Колчаново (иск.), Волхов, Нурма, Войбокало, Влоя, Чернецово, Дуняково, ст. Пчевжа, Муратово, п. Большая Вишера, Красноборье, Прилуки, Хотли»⁶².

В декабре пришла пора снова подумать о деблокаде многострадального Ленинграда. Директиву об утверждении операции «Искра» и готовности войск к 1 января 1943 г. подписал И.В. Сталин⁶³. Многострадальный 1942 год подходил к концу. Впереди был поворотный в войне 1943 год.

¹⁰ Директива Ставки ВГК № 005822.

¹¹ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 7.

¹² Г.Д. Стельмах, генерал-майор, начальник штаба Волховского фронта.

¹³ ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 25—31.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В донесении говорилось об успехе, намечившемся в полосе наступления 2-й ударной армии на фронте Коломно, Ямно и о том, что 52-я армия овладела районом Горка, Петровка, Заполье, Лелявино. Отразила контратаки пехоты с танками на Теремец. В ночь на 16 января она должна ввести свой второй эшелон —

- 46-ю и 259-ю стрелковые дивизии. 59-я армия на правом фланге севернее разъезда Водосея продвинулась на 1,5 км и окружила Пертечно. Боевое донесение командующего войсками Волховского фронта Верховному Главнокомандующему о ходе Любанской операции от 16 января 1942 г. ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 8. Л. 56–59. Впервые появляется термин «Любанская операция».
- ¹⁶ ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 32, 33.
- ¹⁷ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 16.
- ¹⁸ ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 7а. Л. 100–102.
- ¹⁹ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 131. Л. 9.
- ²⁰ И.Т. Коровников, генерал-майор. П.Ф. Привалов, генерал-майор. Ф.М. Жильцов, генерал-майор.
- ²¹ Оперативная директива командующего войсками Волховского фронта № 0023 на развитие операции по разгрому противника в районе Ленинградского шоссе от 17 января 1942 г.
- ²² ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 131. Л. 15, 16.
- ²³ П.А. Курочкин, генерал-лейтенант, А.М. Пронин, дивизионный комиссар, член Военного совета фронта. Н.Ф. Ватутин, генерал-лейтенант, начальник штаба фронта.
- ²⁴ ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 933. Д. 23. Л. 1–5.
- ²⁵ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 32. Л. 22–23.
- ²⁶ ЦАМО. Ф. 123а. Оп. 2642. Д. 12. Л. 180, 181.
- ²⁷ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 12. Л. 184.
- ²⁸ П.И. Ляпин, генерал-майор, пом. командарма 59-й армии во формированиям.
- ²⁹ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 97. Л. 186.
- ³⁰ Б.М. Шапошников, Маршал Советского Союза, член Ставки, заместитель Народного комиссара обороны, начальник Генерального штаба.
- ³¹ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 97. Л. 207, 208.
- ³² ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 40.
- ³³ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 32. Л. 46.
- ³⁴ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 32. Л. 47.
- ³⁵ ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 7а. Л. 64.
- ³⁶ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 48, 49.
- ³⁷ В.А. Визжилин, генерал-майор. Б.А. Рождественский, полковник, начальник штаба 52-й, 2-й ударной.
- ³⁸ И.Н. Буренин, комбриг, зам. начальника, начальник оперотдела 2-й ударной армии.
- ³⁹ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 60. П.Ф. Алферьев, генерал-майор, командарм 34-й армии Северо-Западного фронта.
- ⁴⁰ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 139.
- ⁴¹ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 96, 97.
- ⁴² ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 32. Л. 60.
- ⁴³ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 63, 64.
- ⁴⁴ ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 31. Л. 148, 149.
- ⁴⁵ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3412. Д. 192. Л. 69–71.
- ⁴⁶ ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 32. Л. 70.
- ⁴⁷ Директива Ставки № 170180 от 21 марта 1942 г.
- ⁴⁸ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3412. Д. 192. Л. 76–79.
- ⁴⁹ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 195.
- ⁵⁰ М.С. Хозин, генерал-лейтенант, командующий войсками Ленинградского фронта, затем командарм 33-й армии. Л.А. Говоров, генерал-лейтенант артиллерии, командарм 5-й армии.
- ⁵¹ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 241. ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 181.
- ⁵² ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 31. Л. 177.
- ⁵³ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 31. Л. 197.
- ⁵⁴ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 42. Л. 18–22.
- ⁵⁵ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 328.
- ⁵⁶ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 31. Л. 209–210.
- ⁵⁷ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 72. Л. 32.
- ⁵⁸ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 72. Л. 32.
- ⁵⁹ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 127.
- ⁶⁰ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 72. Л. 178.
- ⁶¹ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 72. Л. 295.
- ⁶² ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 13. Л. 104–105.
- ⁶³ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 301–302.

И.Д. Савинова

Утренний поезд до Сент-Петербурга

Сент-Петербург —

*город на юго-восточной части США
в штате Флорида...*

*Основан в конце XIX века
американцем Вильямсом*

*и выходцем из России Петром Дементьевым
(БСЭ. Т. 38. С. 526)*

Для исследователей до сих пор остаётся загадкой, почему русский дворянин Пётр Дементьев покинул родину. Никаких сведений о его жизни в России почти не сохранилось. Даже автор книги «Русские в истории Америки» Виктор Петров полагает, что родным для Дементьева был город на Неве*. Но несколько архивных документов свидетельствуют об ином.

...В фонде канцелярии Новгородского губернатора меня как-то привлекло небольшое дело на новгородского дворянина Петра Дементьева. Возникло оно в связи с тем, что в его устюженской усадьбе Росторопово некоторое время скрывался мещанин Николай Ушаков, находившийся под полицейским надзором**.

По указанию губернатора уездный полицейский исправник собрал все сведения о Дементьеве, поинтересовался мнением соседей и сообщил несколько интересных фактов.

Стало известно, что в апреле 1878 года Пётр Алексеевич Дементьев отправился в путешествие вместе со скрывшимся от полиции Николаем Ушаковым. Отец последнего предположил, что «сын его бежал в Америку вместе с г. Дементьевым». Был ли Ушаков действительно вместе с Дементьевым, не установлено, но то, что Пётр Алексеевич отправился в Америку, это из документов доподлинно известно.

Вернулся он из заграничного путешествия в сентябре 1878 года.

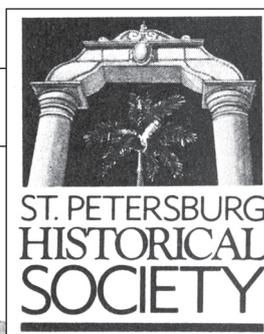
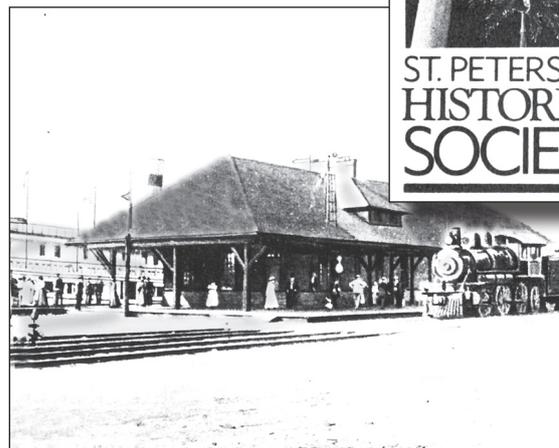
Доложив о его появлении в родных краях, исправник поделился своими впечатлениями о встрече с путешественником:

«Недавно я имел случай видеться с г. Дементьевым. Он, побывав в Северо-Американских Штатах, выражает симпатии к политическому и социальному положению той страны. В разговоре о внутренней политике России он заметил: „У нас ни в чём нет устоя, личность ничем не гарантирована. У нас по ничтожному или ошибочному подозрению легко могут лишить или ограничить свободу обывателя“».

Спустя три года после дальнего плавания Пётр Алексеевич решил окончательно уехать за океан. 22 июня 1881 года он получил заграничный паспорт на шесть недель в Германию и Южную Францию (в канцелярской книге сохранилась запись о получении документа)

* Петров В. Русские в истории Америки. М., 1988.

** ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2897.

и выехал со всей семьёй. Целью поездки указывалось лечение на европейских курортах. Но к тому времени уже все его земли и имения были проданы.

Как же сложилась судьба новгородского дворянина Петра Дементьева в чуждавшей стране? Нашёл ли он успокоение своей душе и гарантии своей личности?

«Высылаю рецензию на книгу о Петере Деменсе, известном в вашей стране как Пётр Дементьев, — откликнулась директор городского исторического общества Сюзан Буркхарт. — Петер Деменс — это имя очень известно здесь, в Сент-Петербурге, потому что он был одним из основателей города. Он также построил здесь первую окружную железную дорогу».

...Летом 1881 года в штате Флорида появился молодой русский дворянин с семьёй. Очень скоро за ним закрепилась слава любимчика судьбы и её верного слуги. Дементьев занялся обработкой земли, завёл ферму. Поначалу семейству Дементьевых пришлось жить в двухкомнатной хижине без потолка. Хозяин сам валил лес и разрезал кустарник под пашню, работая с семи часов утра до шести вечера. Затем он стал совладельцем лесопилки.

В 1888 году Дементьев, к тому времени уже Деменс, принимается за строительство первой на полуострове Флорида железной дороги. Много оживлённых споров вызвало название будущего города при железнодорожной станции. Окончательное слово осталось за Джозефом Хенченом — одним из членов железнодорожной ассоциации: «Моё имя никто не сможет толком выговорить, поэтому оно не подходит. Но мне известно, что Деменсу хочется назвать город Санкт-Петербургом. Почему бы и нет?»

Год спустя судьба послала испытание: Деменс пережил банкротство. Тогда он отправился в Калифорнию, которая давно привлекала его. Начал новую жизнь в Лос-Анджелесе совладельцем паровой прачечной. Спустя время он становится одним из известнейших и уважаемых горожан, каковым и оставался до конца дней своих.

Многие из его окружения удивлялись этому русскому, его характеру и поступкам: оставил в России службу в первой гвардейской пехотной дивизии, несколько поместий и ринулся с семьёй в неизвестность. Видимо, сильно в нём было желание доказать самостоятельность собственного «я», не пользоваться благами, доставшимися от старшего поколения, и всё создать своими руками, оставить свой след на земле.

Младшая дочь Вера не соглашалась с теми историками, которые пытались связать её отца с революционным движением. Единственные реформы, которые признавал Дементьев, это эволюционное развитие, такое, когда любой здравомыслящий человек в любой стране мог действовать в интересах всего человечества.

Один из современников Деменса так описывал этого замечательного человека: «Он был уже в летах, но выглядел весьма элегантным и крепким. Он произвёл на меня впечатление человека справедливого и энергичного. Его отличали манеры русского петербургского общества».

Помимо предпринимательских способностей, Пётр Алексеевич обладал даром журналиста. Он написал книгу об американской жизни «Очерки о Северо-Американских штатах» (1885 г.), около двадцати лет активно сотрудничал в известном русском журнале «Вестник Европы». Его статьи публиковались за подписью «Пётр Тверской». Читать их интересно не только из-за обилия сведений о молодом государстве — привлекает его энергичный образный стиль, владение русским словом.

Из очерка «Моё участие в американском тресте»: «...Силе капитала и его консолидации в общей оценке положения, по моему крайнему разумению, отводится далеко не принадлежащее им в действительности значение. Блестящие индивидуальные способности, на мой взгляд, больше, чем когда-либо прежде, обеспечивают успех везде и во всём. Не сами деньги, а умение пользоваться ими и своевременно и верно определить именно то, что нужно во всякий данный момент, решает дело. Присмотревшись внимательно и на опыте к деятельности наших трестов, и крупных, и мелких, и абсолютных, и временных, я пришёл к тому заключению, что и сама консолидация капитала, так галопирующая у нас за последнюю четверть века, была вызвана и вызывается в большинстве случаев именно стремлением уравновесить так или иначе влияние на известную отрасль промышленности особенно сильных в ней личностей. Действительно способный человек, став во главе промышленного предприятия, может погубить теперь своих конкурентов гораздо скорее и эффективнее, чем когда-либо прежде, — объединение интересов является обыкновенно единственным средством к спасению предприятий с менее одарёнными руководителями, хотя сила капитала и престижа и может случайно быть в их руках. Соотношение и значение необходимых для успеха факторов изменились, и в этом изменении главную роль, по моему крайнему разумению, играет не сила капитала, а людская талантливость. То подавляющее, универсальное значение, которое придаёт силе капитала социализм, совсем не соответствует действительности.

Что сила индивидуальных способностей получила теперь не присущее ей прежде значение, доказывается всего нагляднее тем фактом, что они оплачиваются в

настоящее время прямо баснословными содержаниями. Спрос на выдающиеся организаторские способности и погоня крупных предприятий за талантливыми людьми уже успели серьёзно отозваться на персонале наших государственных и штатных учреждений, и законодательных, и исполнительных, и судебных. Я ещё застал в Америке то время, когда государственная или общественная служебная карьера считалась не только наиболее почётной, но и наиболее выгодной, приносившей наилучшее возможное вознаграждение. Теперь высшие оклады этой карьеры — окружных судей, сенаторов, министров, губернаторов — оказываются прямо ничтожными в сравнении с тем, что может дать успешная промышленная или торговая карьера, и выдающиеся политики-чиновники один за другим переходят на них, пользуясь своими политическими успехами только как первыми ступенями для достижения несравненно лучше оплачиваемых мест в деловых сферах...

К сожалению, эта современная погоня за выдающимися индивидуальными способностями в жоках отнюдь не связана с требованием от них же прямоты и честности их делового характера. Уровень американской деловой морали, промышленной и торговой, несомненно упал весьма чувствительно за последнее десятилетие»***.

В начале XX века П.А. Дементьев несколько раз приезжал в Россию и с интересом отмечал происходящие в ней перемены.

Известие о русской буржуазной революции в марте 1917 года Пётр Дементьев получил на ранчо Альфа Лома, где обосновалась его большая семья.

Он приветствовал эту перемену на родине, но дальнейшее развитие событий, особенно красный террор, который обрушился на Россию в 1918 году, подорвали до тех пор крепкое здоровье Деменса. Пётр Алексеевич Дементьев скончался 21 января 1919 года на 69-м году жизни. Вышедшая на следующий день газета «Лос-Анджелес Тайм» посвятила памяти Петра Деменса большой материал на первой полосе. На помещённой фотографии он совсем не похож на энергичного строителя железной дороги и основателя города — скорее, на профессора, вышедшего на пенсию. Его называли «славянским солдатом и сенатором» и «русским патриотом».

Верная спутница Дементьева — Раиса Семёновна — скончалась следом за мужем — в 1921 году. У них выросло пять детей: Вадим, Евгений, Владимир, Инна и Вера. Все они стали людьми, достойными имени своего отца.

В городском парке Сент-Петерсберга установлен памятник его основателю — новгородскому дворянину Петру Алексеевичу Дементьеву.

Въ заключение я обращаю внимание читателя на только-что вышедшую книгу симпатичнѣйшаго и популярнѣйшаго нашего современнаго писателя Оуэна Вистера — „Lady Baltimore“. Написанная въ формѣ романа, въ дѣйствительности она представляет собою самую могучую, самую талантливую филиппику противъ этого современнаго американскаго духа времени — противъ поклоненія успѣху во что бы то ни стало.

П. А. Тверской.

Апрѣль 1906 г.
г. Лосъ-Анжелесъ.

***Вестник Европы. 1906, книга 8. С. 644—645.

А.А. Игнатьев

Поэт Иван Коневской и Боровичский край

«Он сыграл у нас ту же роль, что Рембо в конце 60-х годов во Франции», — так в 1920-х годах обозначил место Ивана Коневского в русском символизме профессор-эмигрант Е.В. Аничков. Возможно, что сопоставление этих двух поэтов кому-то покажется некорректным, но вот что говорит современный исследователь: «Ему, стоявшему у истоков русского символизма, суждено было стать соединительным звеном между русской поэзией XIX и XX веков, предшественником А. Блока, Вяч. Иванова, Ю. Балтрушайтиса, Н. Гумилева, О. Мандельштама, Б. Пастернака... Поэтическую культуру русского символизма невозможно постичь без И. Коневского, как французскую — без Ш. Бодлера, английскую — У.Б. Йитса, немецкую — С. Георге, австрийскую — Г. фон Гофманстала».

Сегодня о поэте Коневском знают лишь специалисты и немногие ценители русской поэзии Серебряного века. Многие исследователи настойчиво по отношению к нему употребляют словосочетание «забытый поэт». Но, как отмечает профессор А.В. Лавров, *«таким же „забытым“ казался этот поэт и для своих младших современников»*. К 100-летию со дня смерти в Томске была издана книга произведений Ивана Коневского, в которую вошли все известные стихи поэта, критические статьи и письма. В книге опубликованы практически все воспоминания современников, среди которых В. Брюсов, А. Блок, В. Пяст, В. Иванов, М. Волошин, А. Белый, С. Маковский и др. Однако судьбе было угодно, чтобы целый ряд исследований его творчества оказался невоплощённым. Так, например, известно, что о Коневском, после его трагической смерти, собирались писать Вяч. Иванов, С. Городецкий и М. Шик... По разным причинам, эти замыслы оказались не исполнены. Ленинградский учёный-филолог Н.Л. Степанов в 1930-х гг. подготовил материал для печати в серии «Библиотека поэта», но его рукопись пролежала в издательстве до начала войны и погибла под бомбежкой. Правда, репринтное издание книги Коневского «Стихи и проза» (1904) издали за границей, а его сонеты неоднократно входили в различные антологии.

А впервые его стихи были напечатаны в коллективном сборнике четырёх авторов (К. Бальмонт, В. Брюсов, М. Дурнов и И. Коневской), который назывался «Книга раздумий». К участию в этом сборнике его привлек знаменитый Валерий Брюсов.

В своей «Автобиографии», с благодарностью перечисляя «учителей», В.Я. Брюсов писал: *«...значительное влияние оказал на меня Иван Коневской, хотя он был моложе меня лет на пять. Если через Бальмонта мне открылась тайна музыки стиха, если Добролюбов научил меня любить слово, то Коневскому я обязан тем, что научился ценить глубину замысла в поэтическом произведении, — его философский или истинно символический смысл... Коневской своим примером, своими беседами заставил меня относиться к искусству серьёзнее, благоговейнее...»*.

Иван Коневской (настоящее имя — Иван Иванович Ореус) родился 19 сентября 1877 года в Петербурге. Его отец, тоже Иван Иванович, потомок старинного шведского рода, представители которого занимали высокие государственные посты в России, дослужился до генерала от инфантерии. Тридцать пять лет он был начальником военно-исторического архива в Генеральном штабе, заведовал отделом военной истории в издании «Энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона, где опубликованы более 500 его статей. По просьбе Брюсова он написал воспоминания о сыне, которые озаглавил «Иван Коневской. Сведения о его жизни».

Иван был единственным ребенком у родителей, *«потерявших перед тем всех детей»*. Когда он родился, отцу было 47 лет. Мать его, Елизавета Ивановна, урожденная Аничкова, происходила из дворянской военной семьи. В 1891 году она умерла. *«Создалась семья из двух лиц: старика-отца и ребенка-сына; третьим членом был дядя мальчика, деверь генерала Ореуса (муж его сестры), одних с ним лет и издавна с ним дружный. В такой обстановке, в глубоком уединении, протекло все детство Коневского, — писал Брюсов. — Как все дети, выросшие без товарищей, в среде взрослых, Коневской развился рано; одиночество и слабое здоровье влекли*

его не к играм на вольном воздухе, а к тихим занятиям за столом, прежде всего к книгам; предоставленная свобода позволяла использовать досуг по своему усмотрению. Живя постоянно в тесном общении друг с другом, большую часть времени проводя вдвоем, зимой — в Петрограде, летом — обычно в Финляндии, отец и сын, конечно, были связаны не только любовью, но и странной при различии лет дружбой».

В 1890 году генерал отдал сына в 1-ю петербургскую гимназию, прямо в 3-й класс. Попад в сплотившийся круг одноклассников, привыкший к одиноким раздумьям и серьёзному чтению, молодой Ореус был понятен очень немногим из них. О чём свидетельствует следующий фрагмент из воспоминаний его отца: «Что касается правдивости, то она составляла существенную черту в душе юноши. Он просто не умел лгать: всякая ложь возбуждала его к протесту. В гимназии это повело его ко многим выходкам, напоминающим подвиги Дон Кихота. Сохранилась карикатура, нарисованная одним из гимназических товарищей Коневского. Он изображен в виде жреца, сжигающего на жертвеннике разные подстрочники, шпательки и другие приспособления для обмана учителей. В гимназии Коневской скоро был ознакомлен товарищами с теорией эротических наслаждений, но на деле сохранил целомудрие духа и тела и до конца дней своих остался девственником».

К внешним событиям короткой жизни Коневского можно отнести две поездки в Западную Европу в 1897 и 1898 годах, три поездки в Москву к В. Брюсову, отдых с отцом на финских курортах, посещение родственников на озере Селигер (1900) и двухмесячное пребывание в Новгородской губернии (1896).

В книге Л.В. Подобед «Боровичские усадьбы и их обитатели», в главе, посвящённой роду Аничковых, есть упоминание о поэте И. Коневском, гостившем в усадьбе Зализень в августе 1896 года. В примечании сказано, что под его сонетом «Священные сосуды» стоит дата и место написания — «Боровичский уезд».

В качестве источника автору послужило письмо поэта К. Гарновского Л.Р. Фрумкину, краеведу-филологу: «Брат писал мне, что Вас интересует И.И. Коневской (Ореус). По этому поводу могу сказать следующее. У меня была его книга прижизненная „Мечты и звуки“, подобранная мной в 1930-х гг. в библиотеке, в „макулатуре“, предназначенной для сдачи на Вельгийскую бумажную фабрику. Кто-то от книги уже и переплет оторвал. На книге была дарственная надпись, которую дословно не помню, но в общем так: „Глубокоуважаемому“ (или что-то в этом роде) „Ивану.. Аничкову“ и ещё два-три слова. Подпись — „Ореус“. Где была сделана дарственная надпись, кажется, не было указано. В книге есть два или три стихотворения, под которыми стоит „Боровичский край“. Местный колорит в этих стихотворениях незаметен. Очевидно, Коневской гостил у Аничковых какое-то время».

В некоторых коллективных сборниках действительно можно увидеть стихи И. Коневского с пометой «Бо-

ровичский уезд». Но в какой именно усадьбе, а точнее — у каких из Аничковых, гостил Коневской, неясно, ведь в уезде Аничковым принадлежали несколько усадеб. Зализень, например, была собственностью младшей ветви рода, в лице братьев Ивана, Дмитрия и Александра Ивановичей Аничковых. Усадьба Ждани принадлежала братьям Ивану и Евгению Васильевичам Аничковым. Были в уезде и другие землевладельцы, носящие эту фамилию. Будучи родственником (в какой степени ещё предстоит выяснить), молодой Ореус мог остановиться у любого из них.

Источником для составителей антологий служит единственная прижизненная книга поэта «Мечты и думы Ивана Коневского» (1900). В этой книге автор даёт примечание первому и второму разделам: «1. В келье и в поле. 1895/96 — зима и лето. Боровичский уезд в Новгородском краю. Петербург»; «2. Сонеты. 1896. Позднее лето и ранняя осень. Боровичский уезд в Новгородском краю. Петербург». Под целым рядом стихотворений (количеством семь) стоят точные даты и место: Михайловское. Кроме того, в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН хранится письмо И. Коневского, отправленное из Михайловского в редакцию журнала «Северный Вестник» с просьбой передать г-ну Виленкину (Н. Минскому) стихи «Меж нив» и «На лету». На конверте поэт указал свой летний адрес: «Николаевская жд. Ст. Валдайка. Село Михайловское».

Согласно «Списку населённых мест Новгородской губернии» ус. Михайловское Пирусской волости принадлежало в 1910-х гг. наследникам К.А. Панаева. Но в конце 1890-х гг. постоянным её обитателем был И.А. Панаев, на личности которого следует остановиться подробнее.

Ипполит Александрович Панаев (1822—1901) принадлежит известному дворянскому роду. Выпускник Института путей сообщения, он принимал участие в строительстве Николаевской железной дороги (участок близ Валдая). Его ранние повести и рассказы, а также — один роман, печатались в журнале «Современник», одним из редакторов которого был его двоюродный брат. В 1856—1866 гг. Ипполит Александрович заведовал конторой и хозяйственной частью (вместе с И.И. Панаевым) этого журнала, а также «был совладельцем (со С.В. Звонаревым и при участии Некрасова на паях) книжного магазина при конторе журнала». Если комментаторы полного собрания сочинений Н. Некрасова называют И.А. Панаева возможным автором «боровичских глав» романа «Три страны света» (1848—1849), написанного Некрасовым и А.Я. Панаевой, то в словаре «Русские писатели. 1800—1917» он однозначно назван «анонимным соавтором», а также возможным участником в написании романа «Мёртвое озеро» (1851) тех же авторов. В 1870-х гг., под впечатлением книги Г. Гейне «К истории религии и философии в Германии», он заинтересовался философией. Как сообщает «Энциклопедический словарь» Брокгауза-Ефрона, Ипполит Александрович стал автором «многочисленных, но лишённых научного значения книг философского содержания». Там же приводятся названия этих книг: «Разыскатели истины» (1878), «Пути

к рациональному мировоззрению» (1880), «О влиянии направления знания на состояние умов» (1882) и др.

В 1896 году Ипполиту Александровичу шёл уже восьмой десяток. Вероятнее всего, в это время он уже почти безвыездно жил в деревне и был рад гостям, наезжавшим в летнее время. Узнать, каким образом оказался абитуриент Петербургского университета на даче у этой «живой легенды», пока не представляется возможным (следует поднимать архивы генерала И.И. Ореуса и И.А. Панаева), но вероятнее всего, что Ипполит Александрович был давним знакомым генерала. Встреча этих непохожих на первый взгляд людей, юноши и старца, оказалась не случайной. Именно Панаев, по замечанию исследователя Е.И. Нечепорука, «содействовал формированию интереса у Коневского к философии». Это тем более немаловажно, что многие, знавшие или только читавшие Коневского, отмечают философский склад его лирики и мышления в целом. Так, например, Брюсов писал: «В этом поэтическом мирозерцании Коневского очень определённо сказывается влияние его чтений — особенно его занятий немецкой философией, с её постоянным влечением к вопросам гносеологическим». А вот мнение другого современника: «В продолжение всех своих недолгих дней поэт был во власти раздумья; его вечно сторожила мысль, творческий порыв, созерцательные настроения». Сергей Маковский вспоминал: «Но ещё восторженнее отдавался он умозрению, созерцательному раздумью, с детства тянулся в метафизические дебри». Исследователь более позднего периода Н.Л. Степанов свою статью о Коневском назвал «Поэт мысли».

О продолжительности пребывания Коневского в Михайловском можно судить по датам, которыми помечены стихотворения той поры: 16 июня — 20 августа 1896 года. А уже 30 августа был написан сонет «Снаряды». Как указывают комментаторы, стихотворение «навечно впечатлениями» от Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде, которую Коневской посетил вместе с А.Я. и И.Я. Билибинными и С.П. Семёновым, с которыми был дружен в гимназии. Не исключено, что его спутники, следуя железной дорогой из Петербурга, высадились на станции Валдайка (ныне Лыкошино Калининской области), чтобы с посещением живописных окрестностей Михайловского взять Коневского с собой.

Как бы непродолжительно не было пребывание Коневского на Боровичской земле, оно нашло отражение в хрестоматийных стихах, неоднократно цитировавшихся его современниками и потомками. Среди них: «На лету» (16.06.1896), «Меж нив» (9.07.1896), сонеты «Священные сосуды» (3.08.1896), «Наследие веков» (7.08.1896), «Две радости» (август—сентябрь. 1896. Михайловское, Петроград) и часть цикла «Сын солнца» (август—ноябрь 1896).

Разыскания подтвердили и генетическую связь молодого Ореуса с новгородскими Аничковыми. В Рукописном отделе ИРЛИ хранится переписка Евгения Аничкова с академиком Веселовским. В одном из писем 1888 года, находясь в отпуску в родовом имении Ждани, Аничков

пытается выяснить у Веселовского, нельзя ли ему сдать некоторые экзамены, чтобы, восстановившись в университете после окончания службы, наверстать упущенное время. В этом письме он апеллирует к своим петербургским знакомым, которые могли бы ему посодействовать и называет фамилию своего «дяди» — «генерал-лейтенант Ореус». Это значит, что Ореус, не будучи его родным дядей, является супругом тёти Аничкова. Вероятно, хотя повода для сомнений нет, Елизавета Ивановна Ореус была родной сестрой Василия Ивановича Аничкова, отца Ивана и Евгения Аничковых. Приходясь двоюродными братьями, Аничковы и Иван Коневской могли слышать друг о друге. Сближению Евгения Васильевича, историка литературы, с поэтом-символистом помешала объективная причина. В 1895—1899 гг. Аничков состоял приват-доцентом на кафедре истории западной литературы Киевского университета, а затем до 1902 года — лектором русской Высшей школы общественных наук в Париже. Вернувшись в Россию, Евгений Аничков уже не застал молодого поэта в живых.

«Коневской скончался 8 июля 1901 года, 23 лет от роду, едва кончив курс университета. Как и в предыдущие года, в этом году Коневской поехал в небольшое летнее путешествие („странствие“, как говорил он), на этот раз по прибалтийским губерниям. Выехав из Риги, он вспомнил вдруг, что забыл в гостинице паспорт, и сошёл на станции Зегеволд, чтобы дождаться встречного поезда и вернуться. День был жаркий. Около станции протекает река Аа. Коневской стал купаться... и утонул <...> Тело Коневского было найдено через несколько дней и предано земле местным лютеранским пастором. Только после усиленных розысков отцу удалось узнать о судьбе единственного сына... Немецкая аккуратность местных властей сберегла все оставшееся от неизвестного покойника: одежду, вещи, бумаги. По этим признакам узнали безымянное тело и восстановили события последнего дня. Останки И. Коневского были вторично преданы земле уже по православному обряду».

В письме от 15 августа 1901 года Валерий Брюсов писал: «Умер Ив. Коневской, на которого я надеялся больше, чем на всех других поэтов вместе. Пусть бы умер Бальмонт, Балтрушайтис, не говоря уже о Минском и Мережковском... но не он! Не он! Пока он был жив, было можно писать, зная, что он прочтёт, поймёт и оценит. Теперь такого нет. Теперь в своём творчестве я вполне одинок <...> Я без Ореуса уже половина меня самого...». Брюсов приложил все силы, чтобы сберечь наследие Коневского и познакомить с массовым читателем. В 1904 году в издательстве «Скорпион» вышла посмертная дополненная книга «Иван Коневской. Стихи и проза» с портретом автора и статьями о его жизни и творчестве. Свою статью о Коневском, которая предваряла книгу, Брюсов назвал «Мудрое дитя». Кроме того, Ивану Коневскому Брюсов посвятил несколько стихотворений и целую книгу «Tertia vigilia» (1898—1901): «Памяти Ивана Коневского и Георга Бахмана, двух ушедших». Нина Петровская вспоминала о посещении с Валерием Яковлевичем могилы Коневского:

«Ах, ничего не потерял Ив. Коневской, если деревня похоронила его в этом пышном зелёном раю как безвестного утопленника. Зелёным шумящим островом встало оно перед нами, — низенький плетень, утопающий в травах, — ни калитки, ни засовов, — только подвижная рогатка загораживала вход <...> Совсем у плетня скромный чёрный крест за чугунной оградой — на плите венок из увядающих полевых цветов, а над могилой, сплетая пышными шапками, разрастаются дуб, клён и вяз. Брюсов нагнулся, положил руку на венок, долго и ласково держал её так и оторвал несколько травинок от венка. Я знаю, что он очень берёт их потом».

Смерть принесла Ивану Коневскому некоторую «популярность». Его имя стало упоминаться в литературных кругах. Его называли не только «мудрое дитя», но и «новый Эвфорион» и даже «Святогор слова». Смерть его обростала легендами, она становилась своего рода актом, а образ юного поэта — символом. Вот одна из версий: *«Коневской не утонул случайно (хотя река Аа и славится опасными водоворотами). Нет, он погиб добровольно, ушёл из мира плоти (как истый романтик), плывя до потери сознания, до блаженного обморока, отдавая себя, под рассветным небом, возлюбленной стихии...».*

Обстоятельства смерти Коневского действительно представляются не случайными. Коневской погиб и был

похоронен в Лифляндии; это и не Россия, и не заграница. Река, в которой он утонул, носит название, напоминающее крик утопающего. Воронка, куда его затянуло, имеет ярко выраженный литературный характер, родословная которой ведёт начало, вероятно, с Харибды «Одиссеи». Он был похоронен на чужом кладбище, чужими людьми, безымянный. Его разыскал отец... Это имеет связь с притчей о блудном сыне — только с другим концом. Паспорт, забытый в гостинице, напоминает о том, что Коневской — это не настоящая фамилия. Поэт был вынужден взять псевдоним, так как генерал Ореус *«не позволил сыну выступать в литературе под своим именем».* Молодой Ореус взял в качестве псевдонима название монастыря, находящегося на одном из островов Ладожского озера, который незадолго до того посетил. Наконец, год смерти 1901 — явное указание на то, что Коневской остался в прошлом веке, что он — лишь «подготовил почву» для следующих за ним. С его смертью и смертью его отца род Ореусов прекратился: новому времени уже были не нужны Ореусы. Особенного внимания заслуживает и тот факт, что в 1901 году умер и обитатель Михайловского, почтенный старец, убеленный сединами, Ипполит Александрович Панаев. Эти двое, старик и юноша, снова встретились, но уже при более таинственных обстоятельствах. О чём они говорили, спустя пять лет? Наверное, о смысле жизни...

ИСТОЧНИКИ

А.В. Лавров «Из архива Ивана Коневского» // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003.
 Валерий Брюсов. Собрание сочинений в 7 тт. М., 1973. Т. 1.
 Иван Коневской (Ореус). Мечты и думы. Стихотворения и проза. Томск, 2000.
 ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 302; Рукописный отдел. Ф. 45. Оп. 3. Ед. хр. 88.
 Книга раздумий: К.Д. Бальмонт. — Валерий Брюсов. — Модест Дурнов. — Ив. Коневской. СПб., 1899.
 Комментарий к роману «Три страны света» (1849) // Н.А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем в 15 тт. Л., 1984. Т. 9. Кн. 2.
 Л.В. Подобед. Аничковы // Боровичские усадьбы и их обитатели. СПб., 2006.
 Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1987. Кн. 4.

Личный архив Л.В. Пироговой, племянницы К.В. Гарновского.
 Материалы по оценке земельных угодий Новгородской губернии. Боровичский уезд. Новгород, 1911.
 Мечты и думы *Ивана Коневского*. СПб., 1900.
 Н.В. Банников. Серебряный век русской поэзии. М., 1993.
 От символистов до обэриутов. Поэзия русского модернизма. Книга первая. М., 2001.
 Русская поэзия конца XX — начала XX века (дооктябрьский период). М., 1980.
 Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1990. Т. 1, 4.
 Сергей Маковский. Портреты современников. М., 2000.
 Список населенных мест Новгородской губернии. Ч. VI. Боровичский уезд. Новгород, 1911.
 Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона.

Г.П. Енин

Шведская оккупация Новгородской земли в русской книжной миниатюре

Изображение шведов в новгородских пределах в начале XVII века есть в лицевых кодексах под названием «Сказание об иконе Тихвинской Богоматери». Оно представляет собой компилятивный свод нескольких отдельных сочинений о чудесах иконы Тихвинской Богоматери и относится к сказаниям о явленных иконах.

«Сказание об иконе Тихвинской Богоматери», существующее в разных редакциях с XV в., известно во множестве списков XVII—XVIII вв., в том числе иллюстрированных. Оно приобрело особенно большую популярность у читателей после включения в него «Сказания о осаде» Тихвинского Успенского монастыря шведами в 1613 г.

Успешная оборона монастыря, патриотический подвиг монахов, тихвинских посадских и служилых людей, совершённый в напряжённый момент гражданской войны и иностранной оккупации, осознанными современниками как «Смутное время», получили благодаря «Сказанию о осаде» общерусское звучание.

«Сказание о осаде» было написано неизвестным участником обороны вскоре после её окончания и затем вошло в состав Новгородской третьей летописи. К середине XVII в. появилась пространная редакция сказания, которая и вошла в состав «Сказания об иконе Тихвинской Богоматери». Историографическая традиция связывает её написание с новым обострением русско-шведских отношений и с именем иконописца Тихвинского монастыря Родиона Сергиева, который признаётся создателем текста и первой лицевой книги «Сказания». Однако в последнее время появились сообщения о создании пространной редакции в 1636 г.

Если литературная история «Сказания» в редакциях до XVII в. основательно исследована, то изучение редакций XVII—XVIII вв. и в текстологическом, и в искусствоведческом отношении находится ещё на начальном

этапе. Некоторое продвижение на этом пути связано с исследованиями искусствоведов. В их трудах содержатся наблюдения над иконографией лицевых рукописей, установлена взаимосвязь миниатюр с клеймами на иконах Тихвинской Богоматери, опубликованы некоторые миниатюры. Высказано также предположение о

возможности составить представление о рисунках в утерянной лицевой книге Родиона Сергиева по изображениям на клеймах написанной им в 1678 г. иконы.

Общими усилиями выявлено примерно 20 лицевых рукописей, иллюстрированных списков «Сказания об иконе Тихвинской Богоматери». Иллюстрированные списки «Сказания» давно привлекали внимание исследователей. Авторов научных трудов занимали, главным образом, изображения Богородицы, чудеса от иконы и архитектурная тема. Обращение к иллюстрациям «Сказания» об осаде ограничивается упоминанием об их наличии и отдельными характеристиками стилистических особенностей иконографии

некоторых списков; более или менее обстоятельного анализа художественного оформления сказания ещё не сделано. Возможно, такая ситуация вызвана не только указанными выше причинами, но и обстоятельством содержательного свойства — бросающимся в глаза несоответствием стилистических и жанровых признаков текста и иллюстраций.

Первоначальная редакция сказания имеет явные черты древнерусских воинских повестей. Автор описывает простым языком с использованием воинских терминов, идентичных терминологии в отписке руководителя обороны князя С.В. Прозоровского, мужество и стойкость защитников в ожесточённой борьбе за монастырскую крепость. В пространной редакции всё внимание сосредоточено на чудесах от иконы,

на многочисленных явлениях Богородицы. Зримые картины кровопролитных схваток краткого сказания заменены обобщёнными упоминаниями о них, служащих лишь общим фоном, на котором совершаются чудесные явления Богородицы. Самопожертвование сражавшихся на забралах и за стенами крепости воинов, тяготы и лишения укрывшихся в монастыре мирных людей мало интересуют составителя пространной редакции.

Художественное оформление сказания об осаде резко контрастирует с идейной установкой автора пространной редакции сказания и по содержанию, и по выразительным средствам. Иллюстратор (Родион Сергиев или другой человек) постарался языком живописи восполнить информацию о подлинных творцах победы, передать в рисунках реалии жестоких будней осады, беспощадных схваток на стенах и у стен монастыря, в открытом поле. Все чудесные явления Богородицы, нашли, естественно, отражение во всех списках, но рисунков светского содержания, повествующих о важных политических событиях 1611—1617 гг. и об осаде Тихвинского монастыря, значительно больше.

Идейная ориентация автора художественного оформления сказания наглядно обозначила и шведскую тему, т.е. ещё более выпукло, чем в тексте. И хронологически, и географически она выходит далеко за пределы описания непосредственно осады Тихвинского монастыря.

В настоящей работе использованы три иллюстрированные рукописные «Книги об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской» РНБ со «Сказанием о осаде»¹. Первая и третья рукописи известны исследователям. Из ОЛДП. Ф. 38 более века назад были опубликованы способом литографского воспроизведения как раз главы со «Сказанием о осаде» — весьма неудачно в передаче цветовой гаммы².

ОЛДП. Ф. 38 содержит 43 рисунка к сказанию об осаде, включая 25 миниатюр, на которых присутствуют шведы. Иллюстраций в титовской рукописи меньше — 41, а изображения шведов имеются в 20 из них. Миниатюр к сказанию об осаде в Ф. I. 731 насчитывается всего 13. Шведы присутствуют в 7 из них.

И в краткой, и в пространной редакции захват шведами Новгорода 17 июля 1611 г. расценивается как начало шведской оккупации российских территорий, но в пространной рассказ об этом событии подробнее, с сообщением о предательстве Ивашки Шваля, открывшем шведам Чудинцовские ворота. Этот позорный факт был отражён, скорее всего, ещё основателем иконографической традиции сказания об осаде.

Исследователи отмечали в миниатюрах к «Сказанию» об осаде постоянное стремление художников к конкретизации места действия, повышенное внимание

к деталям, индивидуальные отличия изобразительного ряда в каждом списке. Указывая особенности художественного оформления лицевой рукописи ГИМ из собрания Е.В. Барсова (№ 2786), Е.И. Серебрякова обратила внимание на одежду шведов — «они одеты в мундиры и треуголки, в то время как в других рукописях на шведах кафтаны и круглые чёрные шляпы с маленькими полями». Миниатюры в рукописях РНБ говорят о весьма свободном, при несомненном следовании иконографической традиции, обращении иллюстраторов XVIII в. с книжными образцами.

Внешний вид шведских воинов в начале XVII в. производил на русских людей сильное впечатление. Особенно необычным представлялся им головной убор, шляпы, которые шведы не заменяли и в боевой обстановке. Автор «Повести о победах Московского государства» так описал момент измены шведских наёмников в Клушинском сражении 24 июля 1610 г.: «...шляпами своими замахавшие, к польским людям подоша многи немецкия полки». Шведы тоже осознавали, очевидно, шляпы, как примечательное отличие своей формы. В рассказе шведского участника Клушинской битвы, переданном Видекиндом, в центре внимания оказалась та же подробность измены наёмников: «Тут сначала по одиночке, потом по двое и по трое, чуть не все иностранцы, сняв шапки, стали просить о переговорах». Ещё интереснее, что данный момент отложился в памяти и польского участника сражения: «Москвитяне тем временем начали с нашими гарцы, на которые с их стороны приехали два немца. Немного погарцевав, они подняли шляпы и поскакали к нашим».

Естественно, в книжных миниатюрах упомянутый головной убор всегда старательно выписан, иногда в качестве главной детали, отличающей при общей условности изображения шведов от русских.

Исходя из сказанного, можно предположить, что изображение шведов в круглых чёрных шляпах с маленькими полями и в мундирах свидетельствует о том, что иллюстраторы этих рукописей в большей мере придерживались образцов первоначальной иконографической редакции с её реалистическими деталями в передаче внешнего облика шведов. Треуголки и мундирные кафтаны — это атрибуты военной формы, скорее, XVIII в.

Ещё одна примечательная черта внешнего облика шведов, наличествующая во всех трёх рукописях — бритье, за одним исключением, о котором будет сказано ниже, лица и длинные волосы.

Следует сказать, что даже Родион Сергиев (1618—1689 гг.) мог представить облик шведов 1613 г. лишь по рассказам стариков и по письменным источникам. Миниатюристы же XVIII в. привносили в изображение шведов личные вкусы и представления, основанные на бытовой и художественной эстетике нового времени.

¹ ОЛДП. Ф. 38; Титов. 2053; ОСПК. Ф. I. 731.

² Сказание о Тихвинской иконе Богородицы. СПб., 1892.

³ ОЛДП. Ф. 38.

Автор миниатюры об овладении шведами Новгорода³ раскрыл сюжет с предельной наглядностью, тщательно прорисовав все детали. Старательно выполнены украшения конской сбруи, видны даже шипы в подковах коней. Не менее тщательно проработаны костюмы всадников, орнаментика городской стены, купола виднеющихся за ней церквей. На переднем плане изображён предатель Шваль, вползающий под ворота, и шведы, подъезжающие к нему. На заднем плане помещены шведский лагерь с часовым и шатрами и направляющийся к нему на паре лошадей возница в гружёной телеге. При очевидной условности рисунка напрашивается мысль о том, что художник так далеко отошёл от канонов, которым следовали миниатюристы древнерусской книжности, что в его изображении жанр миниатюры приобретает новое качество — это уже, скорее, картина на историческую тему в духе классицизма.

Сидящий на коне вполборота всадник с саблей на плече — это, надо полагать, Якоб Понтус Делагарди. На такое предположение наводит не только его место впереди отряда, но и шитые золотым позументом вишнёвый кафтан и чёрная треуголка. Одежда следующих за ним офицеров заметно скромнее и украшениями, и цветом.

Миниатюра в титовской рукописи того же содержания существенно отличается художественным стилем, композицией и общей манерой рисунка. Он более схематичен и условен. Иван Шваль стоит перед воротами, за которыми видны Софийский собор и колокольня, увенчанная шестью остроконечными шпилями. Шваль представлен в иконописной манере, приглашающим жестом он обращается к пешим шведам в латах и шляпах. Из-за шатров лагеря наблюдает другой отряд шведов. Рисунок отличается меньшей подробностью деталей и тщательностью их прорисовки, большей консервативностью художественного стиля, отсутствием изыска. Это заметно не только при сравнении костюмов, но и в изображении лиц в обеих рукописях. Их абрис типичен для всех персонажей в каждой рукописи — в титовской рукописи он грубее.

Самое значительное событие в истории монастыря с момента его основания — освобождение от шведской власти после избрания на российский престол Михаила Романова. В 1613 г. в монастырской крепости находился постоянный гарнизон. Он состоял из русских служилых людей во главе с воеводой Андреем Трусовым и 120 шведов под командой Лакомба (Ивана Лукумбова). Весть об избрании царя была воспринята русскими людьми в монастыре с явным воодушевлением, с надеждой на восстановление стабильности в России и государственной целостности. Шведская оккупация была ненавистна подавляющему большинству населения северо-западной окраины России. У братья Тихвинского Успенского монастыря были свои причины ненавидеть шведов. Монастырские вотчины десятилетиями страдали от разорительных шведских набегов из-за близкого рубежа. В 1591 г. шведы подошли так близко к монастырю, что имела место даже эвакуация монастыря, а тяжелые

металлические предметы были тогда затоплены в Тихвинке до возвращения. Тяжким бременем лежали на монастыре грабительские поборы шведов и содержание их гарнизона. Неудивительно поэтому, что в монастыре созрел заговор служилых людей и монахов против шведов. Активности заговорщиков способствовало появление на Усть-реке значительного отряда кн. С.В. Прозоровского и Д.Л. Вельяминова, которые пообещали помочь расправиться со шведами.

25 мая 1613 г. служилые люди русского гарнизона внезапно напали на шведских воинов в караулах, которые они несли совместно, и перебили их. Оставшихся шведов удалось одолеть только с приходом стряпчего Дмитрия Воейкова с четырьмя сотнями казаков и татар.

Тихвинский монастырь с его более или менее серьёзными деревянными укреплениями бросил этим актом демонстративный вызов оккупационным властям. Для шведской администрации в Новгороде тихвинский демарш представлял тем большую неприятность, что мог служить нежелательным опасным примером для других русских крепостей.

Данный эпизод проиллюстрирован во всех лицевых рукописях РНБ. Миниатюры построены композиционно одинаково. В левой части представлены два гарнизона над западными воротами крепости, в правой — приближающиеся войска. Хронологически рисунки совмещают разновременные события, охватывая несколько сюжетов сказания.

В миниатюре из Титов. 2053 шведы на стене узнаются при сравнении с воинами, подступившими к монастырю и изображёнными в шлемах. Фигуры слева на стене изображены в таких же шлемах, в отличие от написанной контрастно, как и в других рукописях, по отношению к шведскому гарнизону, группы мирных русских людей на стене. Рисунок весьма условен, ибо текст главы «О победе во обители Богоматере на зловерных немцы», которой он предпослан, повествует об избииении шведов и приходе Воейкова. Шведы появились у монастыря значительно позже и не могли обстреливать свой же гарнизон, как это представлено в миниатюре. Иллюстратор ОЛДП. Ф. 38 точнее следует тексту, хотя условность очевидна — шведы в разноцветных мундирах и расшитых треуголках и мирные русские с непокрытыми головами спокойно наблюдают за приближением к монастырю отряда Воейкова. Одна из миниатюр, отличающаяся более насыщенными и яркими красками, повторяет сюжетно и композиционно миниатюру предыдущей рукописи. Шведы представлены здесь за крепостным тыном в виде двух поясных фигур в шляпах и шлемоносцев за ними на фоне верхней части Успенского собора. Справа от них располагаются мирные, опять же, русские в разноцветных высоких шапках. Миниатюра помещена перед главой с заглавием, совершенно не соотносимым с содержанием иллюстрации: «О пришествии ко обители Богоматере сопротивных и о победе, на ня дарованной».

Не сразу узнав о происшедшем в Тихвинском монастыре, получив известие об измене русских спустя несколько дней, шведы немедленно организовали поход с карательными намерениями за вероломное избиение соотечественников. 5 июня авангард шведского отряда ворвался на тихвинский посад. Воейков совершил удачную вылазку, спасая посадских людей. Часть шведов была перебита, некоторые из них были пленены, другие поспешно отступили. Живописцы постарались в одной миниатюре изобразить и атаку русских, напоминающую подобные изображения в Лицевом летописном своде характерными позами всадников и реалистическими последствиями рубки, и бегство уцелевших противников, и пленных шведов.

В тот же день подошли основные силы шведов, но на штурм сходу не решились. Скорее всего, шведский отряд был небольшим, поэтому утром 6 июня Воейков вывел своих воинов из монастыря и в последующей кровопролитной схватке, по крайней мере, не уступил, а шведы поняли, что имеющимися силами взять монастырь не смогут, и отошли в Грузино. В сказании бой и отступление шведов изложены в двух самостоятельных главах, которые снабжены отдельными рисунками.

Отступление шведов, согласно тексту пространной редакции сказания, было следствием не военной неудачи, а чудесным вмешательством Богородицы, велевшей в явлении защитникам обнести крепостные стены своей иконой. Иллюстратор титовской рукописи оставил эту версию без внимания и нарисовал просто отступающих от монастыря шведов в пешем строю тремя отрядами, разделёнными условными холмами. В миниатюре ОЛДП данный сюжет раскрыт в полном согласии с текстом сказания. Конные шведы убегают от иконы, которую держат на стене монахи.

В факсимильном издании «Книги о Тихвинской Одигитрии» Е.В. Крушельницкая пишет о явных признаках упадка художественного мастерства, свойственного периоду расцвета Тихвинской живописной школы времени Родиона Сергиева. Соглашаясь с этой мыслью, заметим, что мы не знаем, как выглядели миниатюры Родиона Сергиева в книге. Кроме того, нельзя не учитывать громадные перемены в быту, культуре, искусстве, сознании людей, которые произошли на протяжении более века между созданием первого лицевого списка «Сказания об иконе Тихвинской Богоматери» и появлением рукописи ОЛДП. Ф. 38. Рисовальщики XVIII в. уже просто не могли да и не желали, как видно по миниатюрам в разных рукописях, строго следовать каноническим образцам и всегда вносили в них изменения в силу своего понимания и умения. И, скорее всего, миниатюристы XVIII в. были художниками-любителями, а не профессионалами, как Родион Сергиев. Не все они могли рисовать достаточно умело. Во всяком случае, анималистами они были слабыми. Во всех трёх рукописях изображения лошадей далеки от совершенства, хотя желание передать стать и энергию боевых коней, особенно в конной атаке, несомненно.

С другой стороны, иллюстраторы XVIII в. продолжали оставаться в русле традиции древнерусской книжной миниатюры. Во всех трёх рукописях РНБ наблюдаются явные признаки подражания художникам Лицевого свода, особенно в изображении конных атак. В композиции миниатюр наблюдается та же многоплановость, хотя и представленная всегда в более плоскостном решении. В томах свода имеется много рисунков, на которых изображена толпа за крепостными стенами, наблюдающая за летящими в атаку всадниками, которые, наклонившись вперед, характерным жестом поднимают вверх вытянутые вперед мечи. Под копытами коней везде видны отрубленные головы, окровавленные трупы людей и лошадей.

Анализируя миниатюры «Книги о Тихвинской Одигитрии», Е.В. Крушельницкая замечает, что «в целом композиции статичны, особенно это заметно в сценах прибытия и ухода войск у стен монастыря», имея в виду изображение шведов всегда в строевом порядке. Обращает на себя внимание тот факт, что статичность шведского строя подчёркивается во всех лицевых рукописях единой для всех воинов общей позой, одинаковым поворотом головы, единообразием обмундирования и вооружения. Можно предположить подобное изображение шведов ещё в первой иллюстрированной книге «Сказания об иконе» и трактовать статичность как осознанный традиционный приём, используемый для характеристики строя. Дело в том, что строй даже в движении в определённом смысле всегда статичен в силу обязательного единообразия действий всех его членов. Подчёркнутое изображение шведов в строю указывает на отмеченную ещё современниками Смуги существеннейшую черту в характеристике шведских войск — строгую организованность действий как главный принцип тактики боя, основу которой составлял строй. Эффективным действиям в едином строю и пытались научить шведы (Христиерн Сомме) русских воинов в совместном походе кн. М.В. Скопина-Шуйского и Якоба Делагарди на Москву в 1610 г. Результативность строя и скрепляющей его дисциплины русские не раз испытали на себе. Под Тихвинским монастырём была одержана лишь одна победа над шведами в открытом бою 6 июня при явном преимуществе в силах. Остальные победные сражения были выиграны в результате внезапных нападений и при численном превосходстве. И отступали шведы организованно, т.е. соблюдая строй. Изображение шведов неизменно в строевом порядке — это отражение реальной картины в традиционной условной статичной манере.

До середины августа никто не осаждал монастырь, хотя обе стороны деятельно готовились к решающей схватке. Царские воеводы всемерно укрепляли крепость, а шведы собирали силы, достаточные для овладения монастырём. Все понимали, что «неистовый немецкий воевода» Делагарди обязательно попытается «отмщение сотворити», собрав войска. Этой теме автор сказания и иллюстраторы уделили особое внимание. Во всех

рукописях РНБ имеются миниатюры, повествующие об отправке за помощью Эверта Горна.

В разных по художественной манере миниатюрах Деллагарди представлен в рукописях ОЛДП и F. I. 731 сидящим на некоем подобии трона и, в отличие от остальных шведов на рисунках всех трёх рукописей, с бородой. На этом общие признаки, указывающие на ориентацию обоих художников на традицию изображения данного персонажа в одной иконографической редакции, исчерпываются. В рукописи ОЛДП на Деллагарди расшитая треуголка и красный галстук, украшенный позументами парадный мундир. В левой руке у него изящная трость с наголовником, правая рука приподнята в указующем жесте. Эверт Горн, тоже в парадном мундире с треуголкой в правой руке на уровне пояса, почтительно внимает начальнику. Эверт Горн, Деллагарди и две персоны из его свиты находятся в помещении, воины в латах, двое из которых к тому же в треуголках, условно вынесены за пределы покоев. Обращает на себя внимание кресло под Деллагарди, явно барочного типа. Влияние барочной культуры ощутимо не только в данной, но и в других миниатюрах этой рукописи.

В рукописи F. I. 731 Деллагарди одет в простой, без украшений, мундир, не отличающий его от предстоящих соратников. Здесь он тоже повелевает правой рукой, но в левой руке он держит покрытый золотой краской положенный на плечо меч. Стоящие перед ним воины в простых мундирах вынесены за пределы помещения вместе с Эвертом Горном, который поднял шляпу над головой в приветственном жесте.

Данный сюжет в титовской рукописи раскрыт также в совершенно иной художественной манере, которую можно назвать эклектичной. Действие происходит в пространственно замкнутом помещении, напоминающем витыми раскрашенными столбами кремлёвские палаты, с выложенным плиткой полом и окнами, явно не XVII века. Деллагарди, без бороды, стоит с пером в правой руке над чернильницей, помещённой на столе с изогнутой ножкой. Жест правой руки выражает не столько повеление, сколько разрешение отправиться в путь. Деллагарди, Эверт Горн и его спутники — это одетые в мундирные кафтаны с обшлагами петровские или елизаветинские чины вельможного уровня. Деллагарди к тому же нарисован с вычурно вывернутыми в некоем подобии куртуазного реверанса ногами. Словом, отправка Эверта Горна представлена как подсмотренный в одной из Коллегий жизненный эпизод. С несколько изменённой раскраской художник повторил миниатюру перед главой «О [п]ришествии немец по осаде с Тихфины в Великий Нов град», в которой описывается гнев Деллагарди, узнавшего о поражении под монастырём.

Миниатюры с изображением первого приступа пришедших в августе с Грузина шведов в рукописях ОЛДП и титовской не имеют ничего общего. В первой из них рисунок иллюстрирует несколько сюжетов: лагерь шведов на посаде, исполненную в манере Лицевого свода сцену первого (неудачного для русских) столкновения

«за два поприща от обители» и фрагмент штурма. Основное внимание иллюстратор уделил словам сказания о приступе «богамерзстих» врагов ночью «со огненными подметы и с протчими кознодействы». В соответствии с собственными, видимо, представлениями об этих «кознодействах» он изобразил солдат, несущих к монастырской стене зажжённые факелы и толкающих бочку с подожжённой горючей смесью.

В титовской рукописи и в F. I. 731 иллюстрации этого события представлены рисунками, весьма близкими по композиции и стилистике. В левой части обеих миниатюр изображены крепостной тын, за которым защитники монастыря энергично замахиваются камнями, и на заднем плане закомары и главы Успенского собора. К стене приставлена лестница, по которой взбираются воины с саблями в левых руках. Со стены в них летят камни. Сбитые камнями воины падают на уже поверженных товарищей. В правой части миниатюр помещены два строя шведов, разделённых увалами. Отряд на заднем плане наблюдает за штурмом; на переднем плане шведы дружно обстреливают обороняющихся. Они ведут интенсивный огонь, что наглядно представлено роем летящих пуль. Все шведы на переднем плане, в том числе штурмующие и уже павшие, в шляпах; шлемоносцы поставлены за ними.

17 августа защитники неприспособленного к обороне Введенского девичьего монастыря не выдержали осады и с большими потерями отступили в Большой монастырь. Поражение было вызвано предательством казаков Куземки Неверова и Смирки Иванова, которые «вывели на Тифине слухи и всякие крепости, и передалися они к немцам, и немцы де по их подводу взяли меньшей острог и многих людей побили». Предателей выдали ярославскому воеводе в феврале 1614 г. казаки их станицы. 2 марта после трёх допросов с жестокими пытками их «бояре приговорили посадить в тюрьму насмерть».

В тот же день были направлены за помощью в Москву игумен Онуфрий, Дмитрий Воейков и Андрей Трусков. В 80 верстах от монастыря они встретили уже посланного с подмогой Исаака Сумбулова и повернули с ним обратно. На подходе к монастырю авангард отряда обратил в бегство заставу противника. Однако шведы быстро вывели крупные силы и частью уничтожили отряд Сунбулова, частью рассеяли. Игумен Онуфрий попал при этом в плен. Его привели к монастырю и предложили защитникам сдаться. Столь печальное событие изложено, тем не менее, в главе с названием «О посрамлении зловерных правоверными». «Победа» в данном случае заключалась в том, что в ответ на издевательские насмешки, угрозы и ругань шведских наёмников со стен смогли достойно ответить более изощрённой бранью.

Привод пленённого игумена зафиксирован в рукописях титовской и ОЛДП в общей манере иллюстрирования для каждой из них при схожей композиции. Шведы приступают тремя отрядами с саблями наголо к крепостной стене, над которой возвышается верхняя часть Успенского храма. Впереди всех стоит солдат

с верёвкой в руках, за которую он ведёт связанного по рукам скорбного игумена.

Разбив отряд Сумбулова, шведы устранили угрозу с тыла и немедленно приступили к активным действиям по овладению монастырской крепостью. События ожесточённой борьбы проиллюстрированы весьма подробно. Первая попытка штурма шведами, предпринятая без основательной подготовки, в расчёте на численное преимущество, 7 сентября, была отбита с потерями у них, о чём говорится в главе «О пришествии беззаконных ко обители Богоматере, и о победе на них» и в миниатюрах к ней. Шведам пришлось изменить тактику и перейти к планомерной осаде по всем правилам. Они установили против северной стороны монастыря на противоположном, более высоком берегу Тихвинки, туры с «нарядом», позволявшие держать под обстрелом весь монастырь. Туры были установлены и с запада, и с востока против мельницы и от московской дороги. С запада, против «святых ворот» началось рытьё рва и траншей. Кн. С. Прозоровский упоминает в отписке важную деталь. Шведы засыпали уцелевшие дворы землёй, создавая, возможно, нечто вроде блиндажей для укрытия людей или защищая таким способом орудийные батареи. Сообщения источников о том, что подкоп вёлся «от реки», заставляет думать о прокладке его под рекой. Косвенное подтверждение этому находится в «Истории» Ю. Видекинда, который сообщал о большой длине подкопа, из-за чего, якобы, оказалось невозможно поджечь заряд. Согласно отписке кн. Прозоровского, подкоп вели шведы к трём башням у западных ворот.

Склонный к предельной наглядности в иллюстрации конкретных сюжетов, художник нарисовал в рукописи ОЛДП и проложенный почти до ворот подкоп, и шведов в момент закладки заряда в виде бочек с порохом. Для большей правдоподобности он учёл и необходимость освещения тёмного пространства факелами, которые держат солдаты.

Осаждающие предприняли попытку приблизиться к стенам крепости и другим способом. Расширяя ров, по видимому, перед западными воротами, они возводили за счёт вырытой земли вал, придвигая его к стене. На миниатюре в рукописи ОЛДП шведы идут во рву стройными рядами с поднятыми вверх наподобие ружей со штыками лопатами. Один солдат насыпает землю в носилки, которые держат двое других.

Следует сказать, что сапёрные работы проводились шведами с большим размахом, чем в последствии толково воспользовались монахи. В челобитной игумена царю говорилось о потере пахотных и сенокосных угодий, ставших совершенно непригодными из-за изрытости рвами и траншеями. Правительство компенсировало монастырю утрату пожалованием новых земельных владений.

Заключительный акт осадной драмы начался уходом шведских союзников, литовцев и казаков, в результате отмеченной в сказании «*распри*». Их уход означал серьёзную потерю для шведов. Численность осаждающих

резко сократилась — из пятитысячного войска ушли 2000 человек, и теперь успех всей очень важной операции становился проблематичным. К тому же, по словам Ю. Видекинда, и среди западных наёмников начались разногласия.

Шведские командиры понимали, что царские воеводы так или иначе воспользуются уходом их союзников, и в ночь на 13 сентября предприняли решительный штурм, не закончив даже работы на подкопе. Приступ был отбит с уроном для шведов, и это несомненно сказалось на их и без того упадочном моральном состоянии. Князь Прозоровский верно оценил ситуацию и, развивая успех, к утру организовал успешную вылазку на другую сторону реки. Шведы были выбиты из туров и земляных укреплений. Захватив пушки, боеприпасы, разрушив наскорю, что могли, защитники благополучно возвратились в монастырь. Шведы снова заняли эти укрепления.

Но инициатива уже перешла к защитникам монастыря, и они её не упустили. В тот же день, скрытно сосредоточившись во рву, русские воины снова перешли реку и опять выбили шведов из укреплений. На этот раз главной целью вылазки было разрушение фортификационных сооружений и туров, т.е. уничтожение наиболее опасного плацдарма шведов. Противник вынужден был отступить в девичий монастырь, оказавшись в том же положении, в каком находился Прозоровский при появлении шведов в августе.

Все эти события отражены в миниатюрах к главам «О приступе зловерных, и о победе на них», «О великих победах Богоматере на зловерных немцы», «О победе Богоматере на безбожных немцы и о чудном видении их».

15 сентября кн. Прозоровский атаковал шведов в девичьем монастыре, но шведы не приняли боя, подожгли монастырь и отступили. Этот заключительный эпизод борьбы за Тихвинский монастырь тоже проиллюстрирован в рукописи ОЛДП перед главой «О отбежании зловерных немец от Тихвины». В титовской рукописи организованное отступление шведов представлено на фоне польхающих ворот Введенского девичья монастыря.

Но уходом шведов из Тихвина изображение шведов в рукописях РНБ не завершается. Автор пространной редакции «Сказания» об осаде передал политическое значение неудачи шведов под Тихвином в собственных древнерусской литературе горестных восклицаниях Деллагарди, выражая таким образом его безграничную ярость из-за поражения и безутешные переживания по поводу погубленного войска. Ю. Видекинд сообщает, что Деллагарди учинил военный суд над военачальниками, виновными в поражении под Тихвином. Иллюстраторы никак не могли, конечно, обойти столь эффектный сюжет. В рукописи ОЛДП он представлен вскакивающим с «трона» перед удручённым необходимостью сообщить нерадостную весть военачальником. В F. I. 731 художник попытался передать эмоциональное состояние — сидящий на «троне» Деллагарди поднял руку

в разочарованном жесте, а стоящие перед ним вестники виновато разводят руками.

В 1615 г., на Тихвин вновь были посланы шведские войска. Об этом сообщается в главе сказания «О послании из Великаго Нова града немецким воеводою зловерных воинства паки ко обители Богоматере во второе лето по осаде» и в миниатюрах. В монастыре началась паника, принято было решение покинуть монастырь и увезти икону Тихвинской Богоматери, но сдвинуть с места её не смогли. Нежелание иконы оставить монастырь было расценено как знак надежды на заступничество Богородицы.

Из монастыря были направлены разведчики во главе с неким Василием Змиевым, которые и донесли о многочисленности врагов, встреченных на реке Сясь, где шведы расположились лагерем. Эту встречу художники показали в миниатюрах. Однако у монастыря шведы не появились. По словам некоего бывшего в плену у шведов мужа, им внезапно привиделось огромное русское войско на другом берегу реки. Шведы в ужасе бежали, бросая оружие и амуницию, что живописцы старательно изобразили на рисунках. Паническое бегство противника подтвердили посланные «на уведение» «правовернии», которые узрели брошенный лагерь. Творческая фантазия иллюстратора рукописи ОЛДП наполнила его оставленными пушками, шатрами, брошенными знамёнами, саблями, ружьями. На миниатюре в титовской рукописи картина брошенного в панике шведского лагеря скромнее — нет пушек, зато присутствуют потерянные шляпы и шпаги. Этими миниатюрами исчерпываются изображения шведов в «Сказании» об осаде в составе «Сказания об иконе Тихвинской Богоматери» по рукописям РНБ XVIII века.

Наблюдения над иллюстрированными списками «Сказания об иконе Тихвинской богоматери» XVIII в.

показывают, что борьба за освобождение Новгородской земли от шведской оккупации сохранялась в памяти русского народа и в XVII в., и на протяжении всего XVIII века. Возможно, внимание к этой теме обострилось в XVIII в. под влиянием военных успехов Петра I, полного изгнания шведов с восточного побережья Балтийского моря. Во всяком случае, многие иллюстрированные списки «Сказания» созданы в XVIII в.

Яркую роль в прекращении шведской оккупации выполнил Тихвинский Успенский монастырь. На современников и их потомков произвела огромное впечатление успешная оборона изолированного от внешнего мира монастыря летом 1613 г. Защищённый лишь деревянными стенами и башнями, монастырь выстоял против многотысячной, оснащённой специальными осадными средствами, армии врагов.

Объяснение причин победы только чудодейственной помощью Богородицы, исходящей от хранящейся в обители древней иконы, явно не удовлетворяло читателей «Сказания», подтверждением чему служит появление иллюстрированных списков. На миниатюрах совершают вылазки, отбивают штурмы служилые и посадские люди и монахи. Они противостоят конкретному противнику, изображению которого уделяется пристальное внимание. Шведы представлены в разных местах и в разных ситуациях. Сравнение их изображений в рукописях XVIII в. обнаруживает следование первоначальному иконографическому образцу, тесно связанному с традицией древнерусской книжной миниатюры. Однако художники XVIII в. весьма вольно обращались с этим образцом. Каждый из них, дополняя фантазию первого иллюстратора «Сказания», вносил собственные представления о том, как должны были выглядеть шведы в начале XVII в. Все они отражали в своих рисунках сознание, эстетику, бытовые реалии другого века.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. № 55.

Буслаев Ф.И. Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001. С. 225—233.

Варенцов В.А., Коваленко Г.М. Хроника «бунташного» века. Очерки истории Новгорода XVII века. Л., 1991.

Видекин Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000.

ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. № 10. С. 21—22.

Енин Г.П. Сказание о осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 3. П-С. СПб., 1998. С. 425—428.

Крушельницкая Е.В. Предисловие // Книга о иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской. СПб., 2004.

Мордвинов И.П. Тихвинская старина // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. IV. Новгород, 1911. С. 117—119.

Пенской В.В. Попытка военных реформ в России начала XVII

века // Вопросы истории. № 11. 2003. С. 127—138.

Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 426—427.

Повесть о победах Московского государства. Изд. подг. Г.П. Енин. Л., 1982.

ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 267—273.

ПСРЛ. Т. 3. Прибавление к Новгородской третьей летописи. С. 283—305.

Сербина К.Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.; Л., 1951.

Серебрякова Е.И. К вопросу о типах лицевых рукописных «Книг о Тихвинской иконе Богоматери» XVII—XVIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 136. Забелинские чтения 2002. М., 2003. С. 275.

Шаскольский И.П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

САМОЦВЕТНОЕ НАСЛЕДИЕ СИМЕОНА

Вкратце о произведениях Семёна Ивановича Пустовойтова, хранящихся в Новгородском центре музыкальных древностей, а также о нём самом — художнике и человеке.

С признательностью, гордостью и грустью —
В.И. Поветкин

Большое число работ было подарено мне С.И. Пустовойтовым в период нашего общения с 1969 по 1995 г. На некоторых он сделал дарственные надписи, на многих — нет. Иные вообще без названия и фамилии автора. Вручая их иногда целыми подборками, говорил: «Вот вам, Володя, — пригодятся». Значение слова «пригодятся» я не понимал, не вполне понимаю и сегодня. Часть его произведений, причём уже немалая, подарена различными людьми после 1995 года, то есть после его ухода из жизни. Имена дарителей, которые сами когда-то были одарены Семёном Ивановичем, всегда будут упомянуты на памятных выставках художника вместе с названиями таких работ.

С 1980 года, и даже ранее того, С.И. Пустовойтов пытался из крупноформатных своих работ создать «золотой запас». Собрание лучших акварелей он мечтал довести до тысячи. Местом их хранения избрал моё жилище: чтобы не было соблазна какую-либо подарить, а тем более, продать — так он оправдывал своё решение. Были тому причины и семейного характера, о которых он, из преданности жене — Галине Яковлевне, «Шуше», старался не говорить. Я был в некотором недоумении от его не согласованного со мною решения, но не возражал: его поступки были — от Бога.

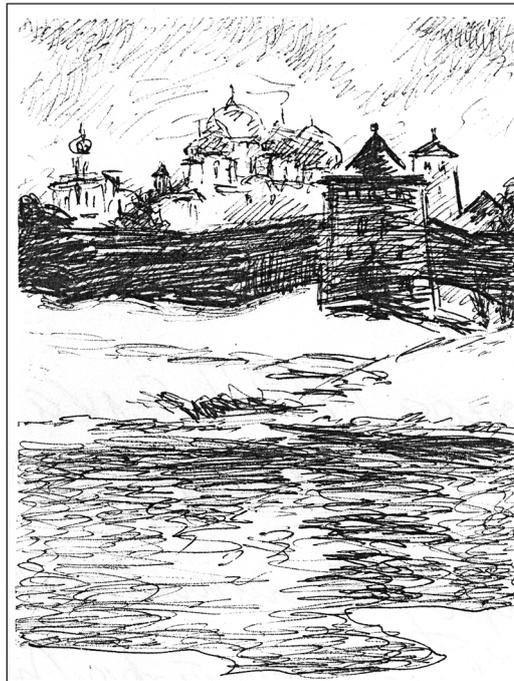
При этом он едва ли не ежедневно раздаривал, рассылал в Одессу и Николаев, Москву, Свердловск и Ленинград, Псков и Печоры, Курск, Ригу и Таллин, в Японию, Финляндию и Америку — российский и зарубежным друзьям, знакомым или просто встречным приглянувшимся людям мастерски сработанные живописные листы — крупные, средние и небольшие, не говоря о неукротимом потоке писем с выразительными рисунками. Адресованных только мне различного характера рукописных посланий, по предварительным оценкам, насчитывается

около 400. Перед всеми он себя ощущал в долгу. «Друзья моих друзей — мои друзья», — говорил он; и тут же они награждались. Если бы удалось собрать воедино всё, что он раздарил в разные концы России и за её пределы, то станет ясно: он, спозаранок уходя к храмам и творя в мастерской под открытым небом, давно осуществил свою мечту. Отборных акварелей, созданных ветрами,

ливнями, лютыми морозами и горячим сердцем живописца, не тысяча, гораздо-гораздо больше. Сосчитать их никогда никому не удастся. Дело здесь, понятно, не в одном лишь количестве.

В течение лет пятнадцати «золотой запас» наполнил акварелями величиной 86×61 см, позже ещё более крупными — 103×73 см.

Для первых у него имелся старый-престарый самодельно сколоченный из реек и сосновой постоянно раславивавшейся фанеры планшет. Открывая и закрывая его, отцепляя и зацепляя его крючки, которые были согнуты из гвоздей, он то и дело древесными отщепами до крови занозил пальцы. Менять этот «вечный» планшет на новый он и не думал. У планшета, как, кстати, и у распатанного этюдника, облупившегося на солнцах и

✎ *Новгород Великий, Кремль, XI в.*
С.И. Пустовойтов

дождях, засеребрившегося наподобие брёвен старинных севернорусских изб, обтёршегося и залоснившегося в местах походного прилегания к хозяйской спине — словом, у обоих этих по-своему живых атрибутов художничества, планшета и ящика с красками, при очевидном их одряхлении сохранялась самоуверенно-родственная, до надменности, привязанность к своему господину. Это схоже с рассуждением самого Пустовойтова о том, до каких пор, например, следует носить одежду. «Рубаха должна вращать в кожу!» — так говорил человек в высокой степени чистоплотный, но одновременно бережливый и до крайности скромный в требованиях к личному быту,

человек с тяжелейшей боевой контузией, мужественно и орденосно стоявший на страже Новгородского края, одолевший лихолетье военное — с карабином и сапёрной лопатой, а потом и послевоенное — с кистью.

Что же до самых крупных акварелей, создание которых особенно горячо приветствовал друг Семёна Ивановича, другой несравненный мастер живописи — Владимир Фёдорович Гребенников, то для них подходящего планшета не было. Таковой в начале 1980-х выстрогал я; на бортике сделал резную надпись — «Симеоновъ ковчежець». Когда Пустовойтов с ним добирался до Юрьева монастыря, водитель автобуса пригрозил: «За дверь надо платить!». В ответ ликующе донеслось: «Эта дверь — от Лувра!».

Время от времени он зазывал ко мне гостей и, жестикулируя, с лукавой детской улыбкой и тут же рождавшимися на зависть любому поэту точными эпитетами

громоздкими игрушками властей. Там, «наверху», от капризов детей человеческого рода поверхностно меняются правила игры: с крестом храм или без креста, взорвать или оставить, закрыть или открыть, как сегодня. Одно условие неизменно — безбожие. Оно и в храме, и вне храма, оно и в Африке, как говорится. Жаль такого человека, ибо он — свободный от Бога — оставляет себя один на один с безумием Бесконечности, или, что то же — Тупика. Тут ему не до озабоченности о родном крае, о лике Матери-Земли. Он в прямом смысле — свободен; сколько печали, однако, таит в себе это притягательное слово.

Пустовойтов не рассуждал об особенностях государственного взгляда на храмы, на религию. Он равно не касался и церковного ортодоксального понимания Веры. При советской власти он не проходил обряда православного крещения. Не доводилось слышать от него

и о том, как видятся храмы простым нашим людям. Но его художественное видение, как и человеческое поведение, более всего сходится с простонародным. Именно в народном сознании — независимо от того, кто в капкане XX века был крещён, а кто нет — мы все наследники завещанных нашими родителями высоких моральных принципов, мы все родные люди. Это важно. И поди тут разбери, что нам внушено официальной Церковью, а что досталось из глубин славянской истории, когда в наших предках отмечались и воинское благородство, и добрый нрав, и беспрекословное гостеприимство, и выразительная музыкальность.

Власть настаивала: «Не рисуй церкви. А если рисуешь, не рисуй кресты». В 1988 году при проведении в Новгороде грандиозного Праздника славянской письменности и культуры — а это

было и 1000-летие официального Крещения Руси — Борис Степанович Романов, капитан дальнего плавания и он же глава новгородских писателей, отчаянно сражался в идеологических коридорах за то, чтобы на памятной значке и другой праздничной атрибутике купол Софии завершался крестом; софийский крест ещё и с голубем. Иначе это бы выглядело как портрет человека без головы.

Кому-то из художников всё же разрешалось рисовать церкви, и даже с крестами. Это были те, кто их рассматривал как памятники — о чём красноречиво повествуют их работы. Пустовойтову — не разрешалось, так как он изображал не памятники, а храмы. На ряде его акварелей вершина купола с крестом осталась за пределами листа. Но слуги закона и тут насторожились. Они нутром чувствовали, что он их обвёл, что он повествует-таки о Мире и Храме. Догадывались. А догадка — дело великое — она бывала важнее фактов.

В отличие от тогдашних чиновников нынешние священники и прихожане в большинстве своём не догадываются о совершённой Пустовойтовым, пусть исподволь, миссии по восстановлению храмовых действий. Не догадываются прийти на памятную выставку и благодарно поклониться его имени. Некоторые, переступив порог церкви, узнав о храмовом изобразительном каноне, начинают свысока смотреть на «язычника», рисующего «не в той» манере. Он же, что бы о нём ни говорили, действительно способствовал восстановлению добрых православных традиций, не кликушества, а смиренного верования. Язык его необычен, это верно.

✎ Письмо С.И. Пустовойтова С.Б. Мантейфелю

проводил «экскурсию» по новгородским храмам, светившимся в глубине огромных листов. Иного незнакомца он тут же мог одарить, возвысив его искромётной дарственной надписью. Одаренный, читая о себе невероятное, втайне потом стремился соответствовать оценке этого великого чудака. Особенно трогательны его обращения к девушкам: «Ангелу, Музе, Мечте...» или «Сияйте! Обжигайте нас! Мы — льды и камни!».

Зритель, если его приучили к прозрачной салонной акварельной живописи, бывает обескуражен, находя значительное число работ Пустовойтова мрачными. Лишь спустя время, настроившись зрением и сознанием, он ловит себя на том, что от этих полуночных, раннеутренних, отуманенных или встревоженных небесным громом «Вяжищ», «Георгиев» и «Спасов», «Иоаннов» и «Симеонов» исходит тёплое мерцающее необъяснимое свечение. Не объяснимое. И постараемся не вторгаться с изрекаемым зыбким словом во владения мастера, мыслящего языком живописи. В его акварели-храмы будем всматриваться так же серьёзно, как необходимо вслушиваться в «девятые» симфонии. И глубокий мрак, и грозные отблески, и обнадёживающее свечение — всё подчинено иносказательному наречию мастера, обитателя Вечности, а одновременно и свидетеля того мгновения, в каковое вместились беспощадная — равно для Бога и Человека — эпоха XX столетия.

В лета, которые обрекались на безбожное безвременье, внимание простых смертных к храмам не приветствовалось. Уцелевшие «памятники» были, да и остаются,

И если наше изречённое слово может только навредить тому, что сказано языком живописи, то, быть может, словесному суду поддадутся технические средства художника — всё ж, как иные утверждают, это удел ремесла, не искусства. Но и здесь не просто. По очень точному замечанию Д.М. Балашова — блистательного исследователя истории и культуры русского народа, публициста, поэта и художника — работы С.И. Пустовойтова невозможно скопировать. Причиной тому факт его сотворчества со стихиями Природы.

Вот он в три-четыре часа ночи в стороне от Новгорода среди дубров и водяных протоков, что у Вяжицкого монастыря. Всё слышнее хор дождя, и порывы ветра-свирильщика вот-вот опрокинут парус-планшет, который и так-то едва держится на капельных ножках этюдника. Что-то он делает вполне обыкновенно, как все, как принято в акварельной технике — наносит на бумагу в нужные места разукрашенную воду, разве что красок при этом не жалеет. «С синими беда: вот бы их отдельными коробками продавали!». Теперь остаётся удержать или направить, куда следует, плывущие, журчащие то тут, то там на бумажном листе цветные ручейки. Здесь начинается то, что подвластно Пустовойтову, именно то, чего от других он вовсе не таит, но что всегда сродни неразгаданному чуду. Он переворачивает планшет, и на листе-самоцвете земля с небом меняются местами, наклоняет лист то к морозящему дождю, то к сушащим потокам ветра, где-то промакнёт холстом, где-то потрёт пальцем, тронет беличьей, щетинной кистью, бросит в траву, отойдёт и посмотрит с разных сторон, и пока смотрит, к влажным, непросохшим ещё небесам коснутся свисающие травы, упадут соринки, веточки, или проковыляет вездесущая букашка, а на купола осыплется роса — и от всего останутся на его акварели следы, кажется, и от вздоха Земного.

«Всё! Законченность для акварели — смерть!» — воскликнет он. Тут же зарядит планшет новым «ватманом» с заранее готовым, как и на первом листе, подмалёвком. Спит. Ведь где-то там, за лесистым окоёмом уже играет солнышко; золотом своим оно невзначай утеплит маковки колокольные. Надо успеть справиться и с третьим листом. Чудны фанфары новорожденного дня — они в щебете и жужжании, трескотне и посвистах неисчислимого полчища лесных, болотных и луговых обитателей здешнего края. И... обратного пешего с излучинами пути. Пути достаточного, чтоб разомлеть от усталости, но и врачующего, чтоб укрепиться духом. Пути, который ведёт к Великому Новгороду и сердцу его — Софии Премудрости.

Дома он окинет взыскательным взглядом триединое своё живописное ликование. Оно в очередной раз посвящено буйству небес над Вяжицкой обителью. И если не увидит надобности в правке, то возьмёт доселе непривычный в работе с растворимыми в воде красителями инструмент. Это гладкое выпуклое донце металлической ложки. Как полировальным камнем, жёстко и усердно прогладит всю поверхность акварели. Бумажный лист отяжелет — под глянцем, как на дне морском, воссияют все оттенки цветов.

Тем же днём, а то и вечерней зарёй, устремляясь к нам в древний Славенский конец, он прямо на ветрище

волховского моста обрушит на замечтавшегося путника свои творческие обновки — отцепит все крючки планшета и по-мальчишески восторженно объявит, как за один поход удалось создать столь внушительный по величине «Триптих».

Кстати, эту его несравненную творческую результативность примечали братья по цеху — «отцы справедливости» — и при удобном случае занижали стоимость акварелей, дескать, он быстро рисует. Их персонам он посвятил несколько остроумных ироничных зарисовок — шаржей. Когда же им судьбою отмерялись испытания, он, не будучи ещё воцерковленным человеком, — это произойдёт в самом конце, — первым приходил к ним с поистине христианской заботой. Не случаен его кумир — Устав Курбе, отдававший в человеке первенство не столько собственно художнику, сколько гражданину.

✎ Письмо в Эрмитаж Нине Григорьевне Герасимовой

Что же касается узкого профессионального понятия «художник», то в интернационально насаждаемой искусоведами учебной программе быть во что бы то ни стало оригинальным С.И. Пустовойтов выглядел не очень-то радеющим учеником. Он, конечно, неповторим в плодах художественного дарования. Но это произошло не от специальных его натуг, а естественно, так же, как, скажем, у скромных крестьянок-рукодельниц — всегда восхитительно разных в великом процессе традиционного мастерства. Потому к Пустовойтову более применимо редко слышимое в кругу нынешних творцов суждение, а именно: истинный художник стремится не к своему, а к прекрасному.

Известно, что камни-самоцветы — от кристально-прозрачных до почти чёрных — все поражают могуществом красоты. Таковы и акварели Пустовойтова. В них, даже в самых тёмных, так называемых мрачных, не бывает грязи. Тот, кто работает в технике акварели, знает, сколь легко можно, перегрузив белый лист пигментами, непоправимо нагрязнить. И если эта опасность подстерегает уже в светлой по тону работе, то в тёмной она особенно коварна.

Вообще акварель — это хрупкая и во многих отношениях уязвимая вещь. Даже от излишнего освещения её стараются оберечь, иначе выгорит, обесцветится. Как на этот счёт размышлял художник, сказать трудно, но сегодня очевиден такой факт: его плотные, насыщенные тоном

и цветом акварели рассчитаны на очень долгое противостояние осветительным лучам музейных выставок.

В одной его подписи читаем: «Гуашь, точнее, акварель». Исправил, чтоб было понятно, чем пользовался. Хотя, в сущности, он не особенно заботился о том, акварелью ли будет называться его работа или как-то иначе. Некоторые выполненные им с помощью акварельных красок работы по плотности действительно сродни гуаши, темпера, а то и масляной живописи. Главным было — достижение цветовой и смысловой сообразности.

Рисовать он умел чем угодно. Условность понятия акварели для него начиналась уже с того, что роскошный набор тонкотёртых растворённых с гуммиарабиком на медовой воде красок он при случае дарил ребёнку. Он полагал, попутно заметив, что начинающего, неокрепшего художника надо лелеять, что таковому следует изначально знать о настоящем богатстве цвета. Это так же, как в подборе ребёнку звучащей игрушки: она должна идеально интонировать; иначе музыкальному сознанию младенца будет нанесена пожизненная травма. Себе же он оставлял детсадовские «кирпичики», не иначе как сошедшие с конвейера «Всё лучшее — детям». Их, помнится, на картонной палитре набиралось не более шести заскорузлых разноцветных лепёшечек. Включая белила. А с белилами — это не совсем акварель. Столь скудными средствами в 1980-х годах он на листе 103×73 см создал поистине величественное полотно — «Новгород Великий, ц. Иоанна Богослова XIV в. на реке Витке», где Небо и Земля словно при сотрясении Мира. И это — именно акварель. Хотя и необычная: вблизи видны навечно застывшие лавообразные потоки грубо протёртых, действительно, будто из кирпича красок. И всё это, как ни поразительно, только придаёт мощи изображённому событию: гудят поднебесные гусли и тучные трубы трубят.

Пустовойтов искренне переживал, обдумывал каждое замечание о своих работах, любое, даже кем-то случайно оброненное слово, равно и детское. Отозваться в нём такое слово могло самым непредсказуемым образом. Он тут же мог возбуждённо оповестить о таковом всех, с кем встретится в Новгороде — устно. А через день-другой-третий — почта работала исправно — о его размышлениях, восторге или негодовании из писем узнавали его друзья и бесчисленные адресаты во всех краях необъятной страны. Самое же главное заключалось в том, что оброненное слово находило отклик в его последующих работах.

Следует заметить, что когда-то у него в сравнительно раннем творческом процессе получались разные по настроению и освещённости работы — без ревностного отношения к тёмным или светлым. Но вот государь случай: кто-то, возможно, из круга искусствоведов, в 1970-х годах нашёл «мрачной» одну из его акварелей. В силу искренней заботливости о человеке Пустовойтов мог бы начать угождать «заказчику», но не угодничать — рисовать академически правильные прозрачные светлые акварели; никто бы его за это не упрекнул. Однако его заботы нашли приют в богатейших по живописным возможностям «тёмных» акварелях. Он выявил свет там, где его не принято было ожидать. В итоге он позаботился не только о созерцателях изящных искусств вообще, но и о конкретных своих критиках, попытался им угодить, причём в высшей степени честно и самыми изысканными плодами творческих усилий. Другое дело, что всякий

ценитель тоже должен утрудить себя — к восприятию: без знания грамоты не прочитать слóва, даже если это слово — «любовь».

Так, не то чтобы только по воле случая, но с немалой его участливостью ночные, грозовые, дождливые, сумеречные, серебристо-лунные, багрово-закатные виды новгородских храмов составили в наследии С.И. Пустовойтова впечатляющую часть, узнаваемую ещё и по звучным, как у набатного колокола, словам, гордо стоящим во главе названий многих работ, именно: «Новгород Великий».

Такого рода акварели, вбивавшие в себя полную мощь выразительных средств, стали для него предметом внутреннего творческого самоутверждения. Он это понимал. Но виду не показывал. Возвышая других, принижал себя. Он — ученик, все остальные — учителя. Кому-то это представлялось юродством. В действительности же он следовал одному из важных принципов древней народной морали. На миру, словно оправдываясь, говорил: «Генералиссимусы одобрили». Это он про нас с Гребенниковым после очередного своего показа преисполненной скрипичных зимних вихрей — как из «Времени года» Вивальди — «Воскресенской слободы». Или же такое он мог сказать, показывая, например, погружённое в тихую песнь-молитву сказочно заснеженное царствие — «Филиппа Апостола и Николая Чудотворца». Ясно: было то, что заслуживало бесспорного одобрения. И восхищения. Куда уж тут до учительства!

Он и только он принимал решение, в какой тональности и цветовой насыщенности, а главное, с какой мерой одушевлённости в его «золотом запасе» останутся жить лики новгородских храмов.

Вряд ли в общении со мной он когда-либо услышал, тем более принял нечто для его акварелей существенное. Он был виртуоз в своём деле. У меня же к тому не было ни опыта, ни соответствующих способностей. Интуитивно я следовал или хотел следовать одному: поощрить его естественную одарённость. Не навредить. Не задеть нечаянным словом. Что, к моему изумлению, всё же случилось. И тогда в его полных сердечной боли письмах-молниях я попадал под обстрел.

Бывало, сообщал ему о своих мечтах. Например. Чтобы он изобразил камни-валуны, ибо они — видевшие-перевидевшие — тоже храмы. Или чтобы он нарисовал старейший у нас в Славенском конце дуб, или вообще лес, ибо дерево — это тоже храм. Или чтобы в его «золотом запасе» обязательно был воспет деревянный с шатровым балконом дом В.С. Передольского, дом первого нашего краеведа — по-своему тоже храм. А как всё это изобразить — решать ему. Тешу себя мыслью, что отголоском тогдашних мечтаний стали некоторые его работы.

Смутно помню на четвертушках ватмана карандашные зарисовки валунов, сгрудившихся вокруг бревенчатой церкви Святого Николая, что построена была в XVII веке, а в XX вывезена из родной ей деревни Тухоля в Витославицы — в музей-заповедник заради спасения её от «православных». На таких же четвертушках им была создана большая серия замечательных подготовительных рисунков «Старого дуба»; это тот, что по небрежению горожан был изувечен огромным дуплом и держался до последнего на остатках коры, пока не рухнул в 2005 году 10 августа от ночного урагана — тут же к нему паломничество, журналистские байки и потоки крокодильих слёз. В конце 1980-х на одном его стволе,

вверху, проросла рябинка. Показывал это песенное чудо Семену Ивановичу. Он всё брал на заметку, плодотворно работал, отмечая на рисунках и показывая жестами рук, как ветви кроны изгибаются, отчаянно пробиваются к жизни, прямо как на японских гравюрах. «Я должен сначала решить эти вопросы в карандаше, — рассуждал он, рисуя дуб с разных сторон, — а уж потом акварелью на большом листе». Не успел.

После его невероятного ухода из жизни толстая папка форматом в четверть листа, в которой, кстати, был и рисунок здания Центра музыкальных древностей, как сквозь землю провалилась. Не хочется думать, что она могла оказаться в мусорном заледевшем баке вместе с другими бумагами, записями, набросками и небольшими рисунками мастера после приведения в «порядок» его осиротевшей комнаты. Один такой рисунок, очищенный от мёрзлых подтёков, был показан у нас в Центре в 1996 году на первой памятной выставке С.И. Пустовойтова «Огонь воспоминаний», и по иронии судьбы именно его журналисты облюбовали для газетных публикаций. На нём запечатлён всё тот же возрождённый архитектурным гением Нинель Николаевны Кузьминой храмовый комплекс Филиппа Апостола и Николая Чудотворца со стороны дома Передольского.

У нас всё рядом. Устроившись у изгороди Филиппа Апостола, Семён Иванович на крупном листе создал акварель «Новгород Великий. Дом В.С. Передольского, XIX век».

Вторую такую же пообещал сделать для «золотого запаса». А эту, первую и, как теперь понимаем, единственную отправил любимому поэту Саше Шеину в город Николаев. Здесь же, в Новгороде, ничего не осталось — ни акварели, ни теперь и самого деревянного дома: за его снос, а значит, и за развенчание исторического имени краеведа, едва вступив в третье тысячелетие, проголосовали «предь очима» архиепископа и губернатора не то чтобы новгородцы, но, неловко говорить, «культурные» сливки новгородского общества. Жаль. Это утрата с глубоким нравственным содержанием.

Между тем отголоски кое-каких тогдашних мечтаний, воплотившись в акварелях художника, пополнили таки «золотой запас».

Одна такая акварель — «Новгород Великий, ц. Симеона Богоприимца, XV век». (См. цветную вкладку). На ней в некоем единстве с каменным храмом изображено полное жизненных сил дерево. Дерево и храм — словно из одного корня. Раскидистая крона вся в изумрудных и бирюзовых, лазуритовых, аметистовых и ещё каких-то невыразимо красивых фиолетоватых оттенках. От неё, как от органа со всеми включёнными регистрами, исходит могучее торжествующее многоголосье. Поющее дерево. Тёмная земля — вспаханное поле с вывороченными глыбами рубинов, гранатов — гудит. Помню, с этой ещё влажной акварелью он явился на крылах победной радости. Ею мы недавно озаглавили очередную из его

☞ Ц. Филиппа Апостола и Николая Чудотворца, XVI в. С.И. Пустовойтов, 1994 г.

памятных выставок — «Симеоновы самоцветы». Есть и второй вид храма Симеона Богоприимца с поющим деревом — буро-осенний. И он удивителен.

Невероятно, но факт: Пустовойтов, живописавший, казалось, только Лики древних храмов, создал монументальный образ с коротким названием — «Лес». Два варианта, оба в самом крупном формате. Суть одна. Это царствие листвы, стволов и почти осязаемого воздуха, — больше ничего, — и ты во власти всепоглощающей стихии, ты опутан, озяб влажной свежестью и очарован едва слышимой симфонией призрачных гулов. Он собирался сделать третий вариант — специально на одну из стенок в моём жилище. Не успел. Как многим. Святой должник.

Особенно серьёзно Пустовойтов прислушивался к профессиональным замечаниям Владимира Фёдоровича Гребенникова. Это он, увидев сравнительно ранние работы Семёна Ивановича, подсказал не изображать возле храмов людей с их суетой. Исчезла картинность. Конкретизировался образ, стала ясной живописная задача. Остался Храм, живой, с его меняющимся ликом и средним местоположением в сложном мире Неба и Земли. Это существенно. Владимир Фёдорович умел в новых работах Пустовойтова увидеть главное, обязательно отметить лучшее и, значит, придать художнику творческой уверенности. И смелости. Вот случай. Софийский собор, утонувший в поздних разностильных строениях, не так-то просто изобразить исторически и духовно величавым, тем более, если работаешь, в общем-то, в реалистической школе: иной раз тут требуется отчаянная борьба с «рабом природы», решительность, чтобы что-то сместить. И находчивость. Бывает, и сместишь, да толку-то. Вот, Семён Иванович с этюдником, большим планшетом и свеженаписанной акварелью. На акварели показана ровная, как и полагается, кремлёвская стена, за нею купола Софийского храма; что-то их словно тянет к земле. «Не изогнуть ли под Софией стену?» — замечает Гребенников. На наших глазах большой кистью художник смывает часть стены, верхние её очертания с бойничными проёмами опускаются заметно вниз — и золотые купола парят в высоте.

Позднее один из таких видов на листе величиной 103×73 см автор постарается уберечь в «золотом запасе». Увы. Работу он предоставил для временной выставки, приуроченной к 950-летию Софии Новгородской. Вскоре в юбилейный календарь-альбом попали своими работами многие художники, даже, кажется, те, которые Софию и издали не видали. Не нашлось в нём места только Пустовойтову, кстати, официально с 1994 года Почётному гражданину Новгорода. Этот удар в ряду других причин был для художника смертельным. Из госпиталя в декабре 1995 года он сообщает: «Пусть Володя Поветкин сходит заберёт Софию». Слова стали завещанием. Моему обращению устроители выставки не вняли, сказав: «Мы тоже любим Пустовойтова». Имён их не назову: чтобы они не вошли в историю, как Пилат со Христом. Эта акварель выпала из числа 24-х по формату самых крупных, какие художник успел создать.

Возвращаясь к роли В.Ф. Гребенникова. Он, как и С.И. Пустовойтов, достоин быть сегодня и Почётным гражданином, и Почётным художником-философом нашего города.

Владимир Фёдорович одарён абсолютным чувством цвета, он опытный и проницательный мастер-живописец.

Это он ещё в нашей молодости заставил меня внимательно смотреть на Пустовойтова-художника. В те годы я рассуждал так: храм с его внутренним и наружным обликом — и есть подлинное произведение, храм первичен, всё остальное — рисунки ли, фотографии — вторично, всё это делается по поводу уже сотворённого. Так, быть может, излишне строго думал я о многих рисующих с натуры, и о себе. Так, в общем-то, думаю и сегодня. Но не о Пустовойтове.

Говоря о так называемых мрачных работах Пустовойтова, надо помнить и о том, что он превосходный мастер светлых, классически прозрачных и полных поэтической теплоты акварелей. Последние наряду с прочими его работами разместились на главной его выставке — в домах бесчисленного множества одаренных им людей. Несколько сравнительно крупных прозрачно написанных работ, в лист и в пол-листа, поступило в архив нашего Центра.

Особое наследие Пустовойтова — его малоформатные акварели, которых в нашем собрании несколько десятков. Их он раздаривал подчас, как новогодние открытки, приговаривая: «От Деда Мороза». Кто-то, «поддерживая» художника, покупал у него подобные акварели по три рубля, затем, залив эпоксидной смолой, «увековечивал» и, придав им, как говорится, товарного вида, перепродавал заезжим гостям. Такие акварели из-за их доступности не получали достойной оценки, не казались серьёзными. Всяко, наверное, бывало. Но послушаем, что о них говорил сам художник. Цитирую, сохраняя авторские знаки препинания, с их помощью он — это ещё один его дар — придавал написанному звонкость собственной речи: *«Те, кто считают, что в маленьких акварелях я опускаюсь до мецанских картинок, ошибаются, мецанские я делаю, некоторым, умышленно, а не падая до них, подло...»*.

Редко, но случается видеть в качественной печати его крупные работы. Понятно, они уменьшены. И невольно сопоставляешь их с маленькими акварелями. Маленькие очень часто не проигрывают.

Или вот: его триптихи. Один вариант — это написанный маслом на трёх полотнах «Новгород Великий». Между прочим, центральное полотно 2×4 метра — «Ледовое побоище», висело в кинотеатре «Новгород», долго, пока не списали. Списали — сожгли. Но не об этом речь. Хотя, как умолчишь: художник, стиснув зубы от боли, создавая картину повторно, потеряв ещё несколько лет, так и не успел довести дело до конца. Другой триптих — это трижды в разных состояниях показанный на крупных акварелях какой-либо храм или монастырь, как «Вяжищи». Был и ещё вариант триптиха — три маленьких акварельки. Таковые были подарены Центру в 2006 году Е.Л. Казанцевым. Каждую в 1982 году Пустовойтов одинаково адресовал: «Святочтимому Чистейшему Славянину — Жене Казанцеву». Первая озаглавлена — «УТРО»: в телесно-голубых тонах уходящей зимы изображена церковь Рождества Христова на Красном Поле XIV в. Вторая акварель — «ЗРЕЛОСТЬ»: в багрово-золотом бурлящем небесном зареве утвердился высокий шатёр горячей от всполохов деревянной церкви Успения Божией Матери из села Курицко XVI в. Третьей акварели дано название — «СТАРОСТЬ»: в холодном зимнем мраке с малиновыми отсветами во весь рост простирается в неколебимом могуществе шатровая с двумя пустыми глазами-окнами

тёмно-пурпуровая колокольня Знаменского собора XVII в. Художник рисовал её тогда, когда не только шатёр, но и её каменно-кирпичные стены от сырого дыхания со стороны Ильмена были обиты ржавыми железными листами; едва просыпался властитель ветров, как эти пластинчатые доспехи отзывались скрежетом и рокошущим лязгом. Мы, жители Славенского конца, оглядывались на старую колокольню, словно она вот-вот что-то скажет по-человечьи. Обесколоколенная в XX веке, она выполняла-таки своё предназначение. Поистине страж в латах. Исполин духа. И величие старости.

Было некое родство между этой колокольней и мужественным Пустовойтовым. Не однажды он напомним о ней то перовым рисунком на конверте, то карандашным начерком на картонном обрывке, то плотной акварелью на малом, среднем, большом или сверхбольшом листе бумаги. В суровом образе художник открывает глубинное величие красоты. На обороте крупноформатной акварели из «золотого запаса» читаем: «Таковую же в 1967 г. приобрёл Гос. Рус. Музей Ленинграда». Это мрачная акварель. Значит, писать на полную мощь художественных средств и чувств не было прихотью только позднего его творческого периода, как некоторые полагают.

Как-то, уже в 1990-е годы, он по настоянию своих жены и дочери пришёл и забрал толстую пачку работ — для показа. Лишь спустя время пришлось вдруг вспомнить, что в его тогдашнем посещении присутствовали чуть большие, чем обычно, извиняющийся тон и углублённая сосредоточенность с тенью растерянности. На «семейном совете» по материальным обстоятельствам было решено 40 работ продать. Это то, чего он остерегался. Согласился же по другой, для него очень важной причине: Фонд «Возрождение Великого Новгорода» пообещал создать из его работ постоянную экспозицию. К сожалению, в бурном потоке «демократических» перемен такой план растворился в мечтах. «У меня дома, — скажет он с тоскливой горечью, — не осталось ни одной моей акварели». Он говорил и о многом другом, но всё это не для данного короткого рассказа, и так достаточно грустного. Кроме того, не всякий факт и не всякая правда, будучи оглашёнными, могут стать поучительными и поведут нас к умиротворению.

Что же до самого Пустовойтова, то он из числа тех, о ком можно говорить правду и только правду, без прикрас. Хотя кому-то покажется, что его идеализировали. Честный, мужественный, бескорыстный, ранимый, мнительный, общительный, отзывчивый, внимательный, заботливый, трудолюбивый, не жадный, эрудированный, остроумный, талантливый, беспомощный, искренний, по-детски лукавый — обо всём этом и ещё о многом в его характере надо говорить отдельно.

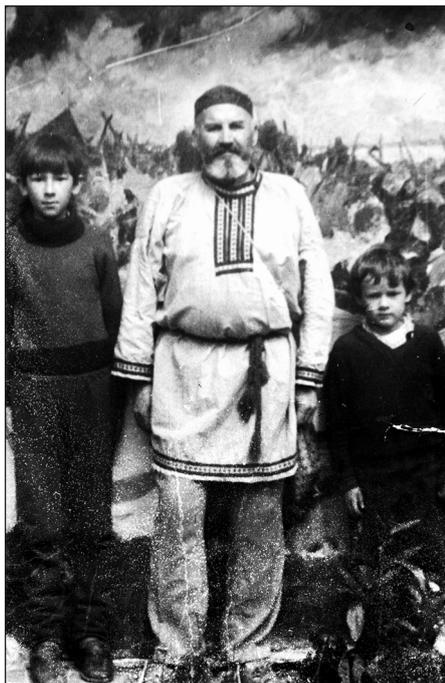
Разговорчивость — черта, которую в нём отмечали все. Она у него после контузии. Он знал, что ею — вкупе с его искренностью — пользовались некоторые дельцы. Переживал. Как-то часа четыре кряду он рассказывал о пользе молчания.

За двадцать пять лет общения не слышал от него матерного слова — ни при каких обстоятельствах, даже при самых отчаянных его возмущениях. В одном из поздних писем, рассказывая о глубоко ранившем его случае (кстати, обидеть его не хотели), он такое слово всё же произнёс, правда, не сам, а устами своего собеседника — для точности. Не представляю — почему, но кое с кем, как теперь узнаю, он общался особо, словно на другом наречии. Возможно, это было результатом его естественного, чаще всего заботливого вживания в другого человека: ведь идя с ним, к примеру, по улочкам Торговой стороны, в неумолчном его рассказе услышишь не просто о старых и малых обитателях каждого дома — об их именах и фамилиях, но обо всех их занятиях, серьёзных и мелочных нуждах, об их манере держаться, говорить, и даже о коленах их родословной. С посланными ему судьбой людьми он всегда настраивал себя на восторженную гармонию соприкосновений. Гармония эта бывала непредсказуемой. Как бы ни было, но именно он, художник и человек, для многих и многих стал душой нашего великого в России города.

В тумане времени его мятущийся силуэт невозможно представить без рисовальной папки и ящика с красками. Но вот такой факт. У него родился внук Павлик — и он отставил в сторону всякое художничество. Сделал это с болью, но решительно. С младенческой коляской он ежевечерне кружил и кружил, заставляя своего наследника впитывать то мягкую свежесть волховского воздуха на Колмовском мосту, то, промчавшись далее, колкость ильменского шторма на мосту Александра Невского — всё для здоровья. Шли годы. Сколько у него было надежд! Понятно, каких. Вот, на фотоснимке Семён Иванович с двумя отроками, один — его внук. За их спинами «Ледовое побоище». Сам создатель многотрудного полотна в рубахе с опояской, на голове тубетейка, и похож он, как две капли воды, на древнего богатыря, участника далёких сражений. Во всём его облике — и защита для внука, и пример благородства, и вера, и любовь, и надежда. О! Надежда.

Кто-то из его друзей время от времени привозил ему для наших мест необычный подарок — тубетейку. Он надевал её не в угоду случаю, а естественно, даже по праву: как-то обмолвился, что его предки из Осетии. В тубетейке он в начале 1990-х попал и на два удачно сделанных мною фотоснимка.

Один из этих снимков удостоился представлять Семёна Ивановича в Галерее Почётных граждан Великого Новгорода. Он празднично одет, с Орденом Отечественной войны II степени — это то, что осталось у него от боевых

✂ С.И. Пустовойтов, 1989 г.
Фото Е.С. Денисова

наград. По его рассказу, когда после лечения их выпустили из госпиталя, один участник группы вызвался помочь с железнодорожными билетами. «Собрал документы — и исчез. Мы снимали награды и побросали. Иначе, без удостоверений, нас могли наказать. Тогда с этим строго было». Тот же снимок: на груди на бечёвке деревянный коник — подарок-талисман, талантливо сделанный Ниной Петровной Конюховой (после его ухода из жизни коник-талисман бесследно исчез). Ею же, кстати, написан и подаренный позже нашему Центру замечательный темперадный его портрет, тоже в тюбетейке; от него во время памятных выставок исходит ослепительно лучистый взгляд и... меткое слово — вот-вот выпорхнет из его уст.

Таким, казалось бы, совсем ещё недавно — сияющим — появлялся он в дверях, чтобы вновь и вновь пролистать альбомы художника — Питера Брейгеля Старшего Мужичкого. Таким он помнится за чаем с душицей или чабрецом. Таким он бывал и тогда, когда подходило время застолий с блинами.

Это были вечера по уговору с кругом друзей. В вечерах иногда участвовала и приезжавшая из Курска моя мама — Мария Фёдоровна Байбакова. Он сам заранее ставил у себя дома дрожжевое тесто. Сам выпекал на огромной сковородке толстые блины. Складывал из них на широком блюде горку величиной с высокую кастрюлю. Укутывал в полотенца, и бывало, сквозь валяющую с ног снежную пургу стремительной походкой преодолевал дорогу с Софийской стороны на Торговую. Поспевал к сроку, чинно, как на старинный праздничный обряд. Разматывал полотенца — и на нашем столе в клубах пара на диво всем гостям возвышалось его роскошное приготовление. Для него это было маленькое воспоминание одесской юности, времени учёбы в кулинарном училище. «Мои торты, — не без гордости заключал он, — выставлялись в витринах на Дерibasовской».

Стыдно признаться, но о его жизни я многого не знаю. Всегда стеснялся неосторожным вопросом пробудить в нём воспоминания о сиротском детстве, о суровых фронтовых годах. Слушал только то, что он по собственной воле обронит. А такое бывало редко. Вдруг в разговоре: «В три года был выброшен в снег» или: «Война — тяжёлый труд». Или вот, в письме от 20 мая 1983 года к Сергею Алексеевичу Кипяткову — мастеру от Бога, древоделу, когда он был призван на воинскую службу: «*Боже мой: 43 года как и меня Москва взяла солдатом, а потом, без песен, по-пластунски, подрывником и в авиачастях добрёл до Старой Руссы и на 2 года потерял: рассудок, зрение, слух, но чудомедицина и искусство мне подарили бычье здоровье и вечно быть учеником и рядовым под знаменем генералиссимусов искусства <...>. Низкий поклон от всего, Вам знакомого, знойного Новгорода. Ваш С. Пустовойтов*».

✎ С.И. Пустовойтов, 1991 г.
Фото В.И. Поветкина

Какой непостижимый дар — его письменное слово!

Близкие для него люди, читая теперь на памятных выставках его письма, не могут сдержать слёз, ибо въяве начинают слышать его голос.

В последний год жизни он на долгое время исчез: ни весточки! Лишь впоследствии пришлось узнать печальную правду: он жил отшельником в Юрьевом монасты-

Боже мой: 43 года как и меня Москва взяла солдатом, а потом, без песен, по-пластунски, подрывником и в авиачастях добрёл до Старой Руссы и на 2 года потерял: рассудок, зрение, слух, но чудомедицина и искусство мне подарили бычье здоровье и вечно быть учеником и рядовым под знаменем генералиссимусов искусства <...>. Низкий поклон от всего, Вам знакомого, знойного Новгорода. Ваш С. Пустовойтов

✎ Письмо от 20.05.1983 к С.А. Кипяткову

Мечтаю возобновить писание акварелей-храмов, но уже не надеюсь ни на какие выставки и продажу работ, а только дарить, дарить и дарить, если они будут получаться не хуже, чем „получались“. АМИНЬ.

✎ Письмо от 11.05.1995 к В.И. Поветкину

ре. Объяснилось содержание его письма от 11 мая 1995 года. Прощальное. Это из него несколько строк, которые завершают у нас в Центре каждую памятную выставку: «Мечтаю возобновить писание акварелей-храмов, но уже не надеюсь ни на какие выставки и продажу работ, а только дарить, дарить и дарить, если они будут получаться не хуже, чем „получались“». Отдельно в этом же письме: «СПАСИБО ВАМ ЗА ВСЁ».

Сделать его жизнеописание — это отдельный кропотливый и необходимый труд; он может завершиться красивой и поучительной для всех нас книгой. Недавно мне в спешке пришлось подавать о нём скупые сведения для энциклопедического словаря «Великий Новгород XI—XVII веков».

Пополняющийся в Центре музыкальных древностей архив С.И. Пустовойтова является народным достоянием.

Не знаю, где лучше, где безопаснее находиться хрупким работам мастера — в музейных ли условиях или же в домах людей, которых Семён Иванович одарил. Если общественность решит, а власти Великого Новгорода поддержат идею создания музея С.И. Пустовойтова, буду готов в основу такого музея передать всё, что удалось собрать.

9 февраля 2008 года

КРАТКАЯ СПРАВКА О С.И. ПУСТОВОЙТОВЕ

Семён Иванович Пустовойтов родился 9 мая 1921 г. в Одессе. С младенчества — сирота. Учился в Одесском художественном училище. В 1941—1945 гг. — защитник Новгородской земли. Под Старой Руссой был контужен; очнулся через два года. Награждён Орденом Славы III степени и Орденом Отечественной войны II степени. С 1951 г. жил в Новгороде. Создал цикл живописных работ на темы русского эпоса и новгородской истории. Ключевые полотна — «Летописец», «Огонь воспоминаний», «Ледовое побоище». Одним из первых в Новгороде в 1964 г. принят в Союз художников СССР. В 1970—1980 гг. проявил себя как несравненный мастер акварельной живописи. В сложной идеологической обстановке в мастерской под открытым небом с участием ветров, дождей и снегов пишет лики храмов — свидетелей величия и трагедии древнего Новгорода. На сотнях крупноформатных и тысячах маленьких листов разместились серия «Великий Новгород», в ней при различных настроениях природы предстают — Софийский собор XI в., Кремль с башнями, храмы Ярославова Дворища, Воскресенской слободы, Антониева, Зверина, Юрьева, Вяжицкого, Деревяницкого монастырей, церкви Спаса на Нередице, Иоанна Богослова на Витке, Петра и Павла в Кожевниках, Фёдора Стратилата на Ручью, Спаса Преображения на Ильине ул., Знаменский собор с колокольней и многие другие. Его произведения — в крупнейших музеях России и за рубежом. Главная же его выставка — в жилищах новгородцев и неисчислимым гостей, людей подчас простых, но всегда возвышенных художником и покорённых властью его девиза — дарить, дарить и дарить. Потому так заслужено им звание «Почётный гражданин Новгорода», присвоенное Новгородской администрацией по настоянию общественности 18 января 1994 г. На 15 декабря 1995 г. вытало преждевременное с ним прощание. С той поры в различных учреждениях Новгородской области и Великого Новгорода — в Музее изобразительных искусств, Областной филармонии, выставочных залах НовГУ им. Ярослава Мудрого, в библиотеках устраиваются выставки его произведений. Ежегодно в Центре музыкальных древностей, где собран большой архив писем, фотодокументов, графических и живописных работ художника, открывается выставка, приуроченная ко дню его рождения и одновременно Дню Победы — 9 мая. О его жизненном пути, духовном и творческом подвижничестве помимо многочисленных кратких статей¹ написаны объёмные философские и поэтические размышления-воспоминания². На доме № 30 по ул. Санкт-Петербургской, в котором он жил, установлена памятная доска.

¹ Например: П.П. Богданов. Акварель по-Пустовойтову // «Провинциал», 1994. Январь (№ 2). С. 12—13; В. Гайдуков. Пустовойтов и Шеин // «Чело», 1998. № 2. С. 41—50; Н.М. Красноречьева. «Я только теперь начинаю учиться рисовать...» // «Новгород», 1999. 26 августа. С. 8.

² В.Ф. Гребенников. Свет в провале немоты // Журнал «День и ночь», 1996. № 6. С. 153—175; 1997. № 1—2. С. 3—22; С.Б. Мантейфель. Набат и благовест. Новгород, 1997.

*Рисунок С.И. Пустовойтова, 1978 г.
Курицкая церковь. XVI в.*

С.Н. Азбелев

Попытка исказить историю древнейшего монастыря

Известный историк Русской Церкви московский митрополит Платон ещё двести лет назад писал, опираясь на сведения принадлежавшей ему летописи, что Валаамский монастырь был основан при первом новгородском епископе святом Иоакиме Корсуняине. Раннюю датировку Валаамского монастыря в 60—80-х годах XX века вновь подробно обосновал в своих трудах крупнейший финский историк Карелии профессор Хейки Киркинен — на основе совокупности введённых к тому времени в науку средневековых источников.

В 1993 году Н.А. Охотина напечатала прежде не использованную исследователями рукопись, где рассказывалось, что Валаамский монастырь основан только в конце XIV или в начале XV века преподобным Ефремом, который был давно известен лишь как основатель возникшего в ту эпоху малозначительного Перекомского монастыря. Вскоре госпожа Охотина издала книгу, где снова поместила данный текст, пытаясь при этом оспаривать сведения противостоящих ему средневековых источников.

В моей статье 2005 года¹ я оговорил, что уже не буду «отвлекаться на критику напечатанной около десяти лет назад весьма претенциозной работы, где утверждалось, что Валаамская обитель основана в конце XIV или начале XV столетия». При этом я отсылал к изданному в Петербурге годом ранее сборнику материалов международной научной конференции, проходившей на острове Валаам в 2003 году, упомянув, что несостоятельность построений Н.А. Охотиной и некомпетентность её попытки обосновать их «подробно были показаны в статьях финского профессора Х. Киркинена и моей», напечатанных в этом сборнике².

Год спустя в литературоведческом журнале появилась статья А.Г. Боброва, представлявшая собой раздражённый полемический отклик на упомянутые две работы³. Им было написано предисловие к книге Н.А. Охотиной, в котором А.Г. Бобров категорично поддерживал несколько ошибочных её утверждений: «Книга молодой исследовательницы <...> совершает настоящий переворот в изучении истории знаменитого монастыря <...> благодаря открытию Н.А. Охотиной-Линд ранее неизвестного произведения — „Сказания о Валаамском монастыре“»⁴.

Профессор Х. Киркинен и С.Н. Азбелев в Валаамском сборнике выяснили и подробно доказали историческую недостоверность этого публицистического произведения, — вследствие, прежде всего, полной несовместимости его основного содержания с показаниями вполне надёжных древнерусских источников. Согласно летописным сводам, составленным при кафедре новгородских архиепископов и митрополитов, основателями знаменитой обители являлись преподобные Сергей и Герман Валаамские, мощи которых были обреты при новгородском архиепископе святом Иоанне I ещё в 60-х годах XII столетия. Анонимный автор сочинения, относящегося

к XVI веку, хотел уверить своих читателей, что Валаамский монастырь был основан сравнительно недавно преподобным Ефремом, который затем основал Перекомский монастырь. Но существует немало бесспорных данных, доказывающих несостоятельность упомянутого сочинения и вполне объясняющих мотивы тенденциозного вымысла.

Рассмотрению этих данных уже была посвящена появившаяся ранее в Финляндии обстоятельная статья профессора Х. Киркинена. Н.А. Охотина не ответила на неё в своей книге, которая в то время уже печаталась. Но и этой статьёй, и опубликованным затем в Валаамском сборнике её русским переводом располагал А.Г. Бобров, единомышленник госпожи Охотиной, за полтора года имевший возможность тщательно изучить аргументацию финского оппонента.

Результат изучения оказался настолько удивителен, что достоин полной цитации: «Первым на предварительную журнальную публикацию Н.А. Охотиной-Линд отреагировал профессор Х. Киркинен, ещё в 1963 году относивший создание обители к XII веку. В нынешнем сборнике „Валаамский монастырь“ также имеется его статья, в которой он повторил свои прежние аргументы и остался на своей точке зрения. Исследователь объявляет раннюю дату основания обители единственно верной, позднюю же датировку — ошибочной, поскольку „Русская Церковь и братия Валаамского монастыря отвергают такую точку зрения“. Если братия Валаамского монастыря, несомненно, имеет полное право на свою точку зрения (видимо, достаточно известную Х. Киркинену), то резоны, по которым финский исследователь выступает от лица всей Русской Церкви, нам непонятны», — заключает А.Г. Бобров.

Полемист употребил недопустимый в научной дискуссии приём тенденциозного обрыва цитаты. В статье Х. Киркинена на странице, указанной А.Г. Бобровым, говорится: «Русская Церковь и братия Валаамского монастыря отвергают такую точку зрения, противоречащую многим другим источникам и основным идеалам, которые воплощены в духовном опыте Валаамского монастыря».

Особенно впечатляет тот факт, что А.Г. Бобров совершенно ушёл от разговора по существу, создавая у читателей мнение, будто к десяти словам, которые полемистом приведены, и сводятся возражения на публикацию Н.А. Охотиной, выдвинутые финским учёным — в остальном будто бы лишь повторившим свои аргументы, высказанные «ещё в 1963 году».

В 1963 году Х. Киркинен действительно писал о раннем основании Валаамской обители. Представленные тогда аргументы он затем суммировал уже кратко, отзываясь на её публикацию. Главное содержание большой статьи Х. Киркинена — это внимательное рассмотрение опубликованного Н.А. Охотиной текста и конкретные доказательства недостоверности основных «фактов» в повествовании, ею напечатанном. «Реабилитацией» этого сочинения и озабочился А.Г. Бобров, восторженно аттестовавший

в 1996 году её книгу, в которой упомянутое произведение было издано уже повторно.

Приходится привести здесь конспективно хотя бы самое основное из аргументации профессора Х. Киркинена.

«Сказание кратко о создании пречестных обители...» представляет настоящим основателем Валаамского монастыря преподобного Ефрема Перекомского — о чём нет сведений ни в одном другом источнике, — а преподобные Сергий и Герман изображены как его помощники и преемники. Это противостоит сведениям «Валаамской беседы», дошедшей во многих списках, тогда как «Сказание кратко» существует в единственном тексте, хранившемся в частной коллекции XIX в. Оно не только противоречит другим средневековым источникам о Валааме, но и выдвигает на первый план участие его братии в жестокой и кровавой борьбе с местным населением, что совершенно не соответствует обычаям монастыря и достоверным сведениям об истории Ладужской Карелии.

Существует Житие Ефрема Перекомского; оно никак не связывает его с Валаамским монастырем, а хронологически и по содержанию не поддается согласованию с тем, что говорится в «Сказании». Однако само «Сказание кратко» направлено на прославление преподобного Ефрема, приписывая ему причастность к возникновению Валаамского монастыря — несравненно более значимого, чем Перекомская обитель, основанная Ефремом на самом деле. Задачей этого сочинения было, очевидно, способствовать престижу малоизвестного основателя Перекомского монастыря. Но автор «Сказания» слишком увлёкся сочинением псевдоисторических недостоверных эпизодов — настолько, что его труд не мог быть санкционирован и остался единственным казусом, никак не повлиявшим на древнерусскую агиографию. Х. Киркинен обнаружил и указал весьма существенные внутренние противоречия и несурзности в самом тексте произведения, не позволяющие доверять ему даже вне зависимости от несоответствия иным источникам. Как отмечает финский исследователь, автор этого сочинения мог частично использовать устные сведения о восстановлении Валаама после очередного опустошения шведами, привязав их весьма приблизительно ко времени реальной деятельности св. Ефрема и приписав сотрудничество с ним давно почившим на самом деле настоящим первооснователям древней обители.

Литературному сочинению, которое с публицистической целью «омолаживало» Валаамский монастырь на несколько столетий, Н.А. Охотина хочет придать значение официального документа, объявляя лишёнными достоверности источники, которые уже использовались исследователями истории знаменитой обители. Профессор Х. Киркинен напомнил коротко исторические материалы, привлекавшиеся в его трудах — источники, чья достоверность остается непоколебленной.

А.Г. Бобров, разделившись с работой Киркинена путём сокрытия от читателей её содержания, обратился к статье Азбелева. «Выявить» и «сформулировать» её «научный смысл» полемисту оказалось несложно: «Если у нас имеется несколько десятков рукописей XVII—XVIII веков, в которых прямо или косвенно говорится, что мощи преподобных Сергия и Германа были обреты и перенесены из Новгорода на Валаам ещё в XII веке, и им противостоит всего одна рукопись XVI века, опровергающая такую раннюю датировку, то правы первые, именно в силу своей многочисленности, — такова, — по словам Боброва, — поразительная логика учёного».

Поразительно не только приведённое умозаключение, принадлежащее, естественно, не мне, а самому полемисту, но и многое другое в его статье.

На самом деле значение имеет, конечно, не количество рукописей, опровергающих вымысел сочинителя, а *качество* заключённой в них информации. В моей работе было объяснено достаточно подробно, что основная часть рукописей представляет собой списки трёх официальных летописных сводов, которые составлялись и редактировались при дворе высших иерархов Великого Новгорода, причём исполнители этой работы суммировали содержание используемых местных летописей (в частности — летописей монастырских) и весьма разнообразных других материалов (в частности — агиографических), критически осмысливая и исправляя вносимые данные на основе сверки их между собой и с иными источниками. Приёмы работы по составлению упомянутых сводов были конкретно изучены и обобщены на тех страницах моей книги 1960 года, которые, видимо, не смотрела Н.А. Охотина⁵.

Списки Новгородской Уваровской летописи передают текст свода, создававшегося по случаю учреждения в Новгороде митрополии в 1588 году. Составители его привлекли несколько не дошедших до нас новгородских летописей. В моей книге было показано текстологически, что последнее использование одной из них прекратилось после 1581 года⁶. На этот факт стоило бы обратить внимание А.Г. Боброву, написавшему, что «после шведского разорения 1578 года и мора 1581 года валаамская братия покинула обитель». Весьма вероятно, что именно тогда летопись Валаамского монастыря была доставлена в канцелярию новгородского архиепископа, где затем использовалась в числе других источников при составлении владычного свода. Из Валаамской летописи и было, очевидно, взято известие об обретении мощей преподобных Сергия и Германа в 1163 году при святом архиепископе Иоанне, которое читается в сохранившей текст этого свода Новгородской Уваровской летописи и оказалось повторено в позднейших митрополичьих сводах.

Новгородская Уваровская летопись составлена значительно раньше оккупации Новгорода и уничтожения Валаамского монастыря шведами в 1611 году, поэтому безосновательны предположения А.Г. Боброва о «мифотворчестве», будто бы восполнившим «отсутствие достоверных фактов» после того, как «непрерывность традиции была нарушена».

А.Г. Боброву не нравится, что я назвал списки новгородских летописей XVI—XVII столетий и «Валаамской беседы» *аутентичными* историческими источниками. Пытаясь укорять меня даже в непонимании термина, он пишет: «подлинником, первоисточником по отношению к описанию событий XII века эти памятники в любом случае быть не могут» (С. 279). Однако в авторитетном словаре — на той именно странице, к которой отослал полемист (якобы в подтверждение своих слов), — напечатано определение, соответствующее моему пониманию термина: «АУТЕНТИЧНЫЙ. Исходящий из первоисточника, соответствующий подлиннику; подлинный, действительный»⁷.

Игнорированием подлинных летописных известий обусловлены и утверждения полемиста, касающиеся первоначального вопроса: при каком из разделённых тремя веками архиепископов — Иоанне I или Иоанне II — произошло обретение мощей преподобных Сергия и Германа Валаамских. Желая оспорить вполне ясные указания

летописей и «Валаамской беседы» на св. Иоанна I (который до избрания его владыкой принадлежал к белому духовенству и носил имя Илья), полемист некорректно изобразил своим союзником автора написанной по иному поводу сфрагистической статьи тридцатилетней давности, считавшего, что Иоанном владыка был в миру, а Илей — став архиепископом. Цитируя её, полемист назвал «недопустимым и целиком умозрительным» разделяемое мной мнение, что священник Илья получил имя Иоанн «при монашеском пострижении, необходимом для занятия владычной кафедры».

Однако в рукописи Новгородской Уваровской летописи (пока неполно опубликованной) об этом сказано вполне конкретно: «*В то же лето [1165] ходи игумен Дионисий Юрьевской Георгиева монастыря с любовию в Русь, в Киев град, и дано бысть владыце архиепископство митрополитом Иоанном Киевским. А до сего архиепископа Иоанна были в Великом Новёграде епископи, и было их 9, а с ним 10, потому что был епископ десятый. А в мире был Илья, жил на Софёиской странё и священствовал у церкви деравяной у Власия священномученика на Волосове улиць*»⁸. Аналогичный текст в неизданной основной редакции Новгородской 3-й летописи. Несколько иначе повествовал об этом же Краткий летописец новгородских владык: «*В лета 6673 поставленъ бысть Иванъ архиепископъ Новуграду, от митрополита Ивана Киевскаго всеа Руси, при князи русемъ Ростиславё Мстиславичи Киевскомъ; а священствовалъ у святаго священномученика Власья на Волосвё улицы, и нареченъ бысть во иноцехъ Иванъ*»⁹.

О кончине святого архиепископа Иоанна в его Житии сказано: «*И тако пожив добре успе с миром. И погребенъ бысть в церкви святая София в мнишеском образе. И бысть скимное имя ему Иоан, прже бяшет имя ему Илья*»¹⁰. Специалистам достаточно известно, что слово «схима» обозначало «монашеский чин, малый и великий иноческий образ»¹¹. В приведённом тексте «скимное имя» — это всего лишь *монашеское* имя усопшего. Житие не говорит о его «предсмертном пострижении» в великий иноческий образ.

Не имеют реального значения отсылки полемиста к имени «Илья» в кормчей книге и в плохо сохранившейся печати. Архиепископ Иоанн I, так же, как и брат его, последующий новгородский архиепископ Григорий, привычно продолжал пользоваться своим мирским именем, под каковым его давно знали в Новгороде (соответственно, в летописях и после занятия владычной кафедры эти архиепископы упоминаются обычно как Илья и Гаврила)¹².

Оба были погребены в склепе — «темнице» Софийского собора, о которой не раз говорится в новгородских летописях и упомянуто в «Валаамской беседе». А.Г. Бобров признал ошибочность категорично поддержанных им домыслов госпожи Охотиной, которая, истолковав данное упоминание как свидетельство пребывания архиепископа в тюрьме, на этом базировала свой вывод, будто речь идёт не об Иоанне Первом, а об Иоанне Втором¹³.

Прочие свои ошибки полемист признавать не захотел, а попытался странным образом оправдать. Они связаны с Коневским монастырём, который был основан на несколько веков позже Валаамского.

В предисловии А.Г. Боброва говорилось: «...из Новгородской IV летописи мы знаем только об основании Коневского монастыря на Ладожском озере (1398 г.), а летописец, скорее всего, отметил бы первую из основанных в тех краях обителей»¹⁴ (имеется в виду обитель

Валаамская). Я указал, что здесь «существенная неточность», так как в этой летописи «Коневский монастырь вообще не назван, об основании его не говорится, речь идет только о возведении храма»¹⁵ (основание монастыря произошло не в 1398 г., а раньше, чем в нём построили храм — это явствует из Жития Арсения Коневского)¹⁶. Не имея возможности что-либо возразить, полемист подменил тезис и стал пространно доказывать — якобы возражая мне, — что храм не мог существовать до прибытия Арсения на Коневский остров вследствие его тогдашней ненаселённости.

А.Г. Бобров безоговорочно утверждал, что Житие Арсения Коневского «ничего не сообщает о Валааме»¹⁷. Я привёл выдержку из текста Жития, напечатанного Синодом, где говорится о пребывании Арсения в Валаамском монастыре, и заметил, что А.Г. Боброву «следовало пояснить, какую редакцию Жития» он имел в виду¹⁸. Отвечая мне, полемист пишет: «С.Н. Азбелев, очевидно, не понимает, что исследователи в своих работах обычно говорят о подлинных древнерусских текстах, а не о творениях церковных авторов XIX века».

Нельзя объявлять текст Жития творением авторов Нового времени на том только основании, что сейчас неизвестен использованный для издания 190 лет назад древнерусский текст. Полемист едва ли не знал, что «Словарь книжников и книжности Древней Руси» в статье, написанной Р.П. Дмитриевой, определил цитированный мною текст именно как «иную редакцию» Жития Арсения¹⁹. Думаю, что А.Г. Боброву была знакома и посвящённая житиям святых монография другого авторитетного исследователя, где семь страниц отведены Житию Арсения Коневского. Этот раздел книги основан на сравнительном изучении его редакций, в котором первостепенное место принадлежит редакции издания 1850 г.²⁰

У Охотиной о тексте, напечатанном в 1850 г., говорится как о «поздней переработке Жития, сделанной коневским игуменом Иларионом в начале XIX в.», — со ссылкой: «См. запись И. Срезневского на экземпляре этой книги — БАН, 24. 4. 14» (текст записи Н.А. Охотина не привела)²¹.

Книга, о которой идёт речь, представляет собой сборник, содержащий последовательно пять статей: Службу преподобному Арсению, Житие Арсения, Похвальное слово ему, Службу Пресвятой Богородице и Сказание об её чудотворной иконе. Титульного листа сборник не имеет, а на чистом листе, непосредственно перед заглавием Службы Арсению, в экземпляре собрания И.И. Срезневского (БАН, № 24. 7. 14—15) карандашом написано: «Составлена от[ом] Илариономъ строителемъ Конев[скаго] монастыря и посл. Архимандритомъ Тихвин[скаго] м[онасты]ря». Отец Иларион возглавлял обитель в звании строителя, а не игумена и *составил именно Службу* (а не Житие Арсения), о чём сообщалось в очерке истории монастыря²².

Говорить о «поздней переработке Жития» мешает не только отсутствие указания на это в записи И.И. Срезневского, которая вообще относится не к Житию, а к Службе, но и содержание самого текста. Ещё В.О. Ключевский обратил внимание на то, что в изданном Синодальной типографией в 1850 г. Житии Арсения «из 5 посмертных чудес одно 4-е помечено 1573 г.». По мнению В.О. Ключевского, в основе опубликованной редакции были подвергнутые сокращению «старые записки об Арсении»²³. Сохранённые в этой редакции упоминания о связи Арсения со знаменитым Валаамским монастырём были ещё актуальны в XVI столетии, но они целиком утратили свою

значимость после уничтожения обители в 1611 году²⁴. Опустившая их редакция, представленная дошедшими до нас полными списками, старший из которых датируется 30—40 гг. (или серединой) XVII века²⁵, бытовала в период более чем столетнего запустения Валаама.

Стремясь объявить «незыблемыми» извлечённые Н.А. Охотиной из недостоверного источника «свидетельства о появлении обители не ранее XIV века» (вопреки даже указаниям летописей и «Валаамской беседы»), А.Г. Бобров захотел опереться на статью П.Е. Сорокина в том же сборнике Валаамской конференции. Суммируя материалы археологов, добытые обследованием ничтожно малого ещё процента территории Валаамского архипелага, Сорокин замечал, что «появление монастыря на Валааме до XIV столетия пока (подчёркнуто мной — С.А.) не подтверждается археологическими данными». Но, по убеждению того же П.Е. Сорокина, «в результате систематического изучения культурных отложений из них могут быть извлечены новые сведения по истории Валаамского монастыря»²⁶.

Новые сведения и были недавно получены в процессе проводимого финскими исследователями пыльцевого

анализа донных отложений, о чём сообщалось в *двух статьях того же сборника* докладов Валаамской конференции. Согласно результатам, опубликованным Матти Саарнисто, «земледелие, а именно, выращивание ржи установилось в районе Монастырского залива примерно в XI в.»²⁷.

С этим вполне согласуются не только сведения дошедших до нас письменных средневековых источников об обретении в XII веке мощей основателей Валаамского монастыря преподобных Сергия и Германа, но и базировавшиеся на доступном ему источнике сведения митрополита Платона: «Валаамом монастырь, на озере Неве, устроен еще при первом епископе Иоакиме, определенном при князе Владимире». Как известно, первый епископ Новгорода святой Иоаким Корсунянин преставился в 1030 году. Сами же основатели Валаамского монастыря скончались, вероятно, позже его в XI веке — приблизительно за столетие до обретения их мощей, которое произошло в 1163 году.

Таким образом, Спасо-Преображенский монастырь на острове Валаам действительно является древнейшим монастырём Новгородской земли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Азбелев С.Н. Древнейший монастырь Новгородской земли // Чело. В. Новгород, 2005. № 1 (32). С. 88—91.

² Там же. С. 91. См.: *Kirkinen X.* Основание Валаамского монастыря: когда, как и кем // Валаамский монастырь. Духовные традиции. История. Культура. Материалы Второй международной научной конференции 29 сентября — 1 октября 2003 года. СПб., 2004. С. 28—53; *Азбелев С.Н.* К вопросу о дате основания монастыря на Валааме // Там же. С. 54—80. *Kirkinen H.* The Founding of the Valamo Monastery: When, How and by Whom // *Ortodoksia*. Kuopio, 1995. Т. 44. Р. 30—55.

³ *Бобров А.Г.* Неудачный поход против «Сказания о Валаамском монастыре» // Русская литература. 2006. № 1. С. 77—281.

⁴ *Охотина-Линд Н.А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. V.

⁵ См.: *Азбелев С.Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 28—29, 88—134.

⁶ Там же. С. 29, 32.

⁷ Словарь современного русского литературного языка в 20 томах. М., 1991. Т. 1. С. 271.

⁸ Библиотека Российской Академии наук. Отдел рукописей (далее — БАН). № 34.4.1. Л. 199.

⁹ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 131.

¹⁰ Цитировано по: *Дмитриев Л.А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 149, 161.

¹¹ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным

памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 374.

¹² В Новгородской 1-й летописи старшего извода Илья дважды упомянут вместе с Гавриилом, который не был ещё архиепископом (Полное собрание русских летописей. М., 2000, Т. 3. С. 33 и 36), а далее Гавриил трижды фигурирует под этим же именем уже как архиепископ (С. 38, 39, 41), и только один раз он назван Григорием (С. 40); в перечне новгородских владык, предшествующем Новгородской 1-й летописи младшего извода в Комиссионном списке, названы Иоанн и Григорий (С. 473); в аналогичном перечне того же списка, помещённом после известия о крещении Новгорода — Илья и Гавриил (С. 163).

¹³ *Охотина-Линд Н.А.* Сказание о Валаамском монастыре. С. VII и 74—75.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Азбелев С.Н.* К вопросу о дате основания монастыря на Валааме... С. 73.

¹⁶ Список БАН, собрание Археографической комиссии, № 3. Л. 170б.—28.

¹⁷ *Охотина-Линд Н.А.* Сказание о Валаамском монастыре. С. VII.

¹⁸ *Азбелев С.Н.* К вопросу о дате основания монастыря на Валааме... С. 73.

¹⁹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Отв. редактор Д.С. Лихачев. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 109.

²⁰ См.: *Будовиц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв.: (По Житиям святых). М., 1966. С. 120—126.

²¹ *Охотина-Линд Н.А.* Сказание о Валаамском монастыре. С. 108.

²² См.: *Пимен, архимандрит.* Рождественский Коневский монастырь. СПб., 1892. С. 59. Первое издание упомянутого

сборника вышло в 1815 г. — без двух последних статей, добавленных в переиздании 1820 г., которое повторено в переизданиях 1850 г. и 1879 г.

²³ *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 357.

²⁴ Напомню соответствующие фразы в контексте: «Примь убо святительское благословение святыи Арсений и вземь Святогорское дарование, святую икону, на водоходномь судн, отплы по р,к, Волхову на великое езеро Неве. Творяше же плавание восточнымъ онаго берегомъ много островов мимоиде, и въ Валаамской обители н,кое время пребысть, но видя въ той многолюдное братство, отиде, и по смотрению Божию изволениемъ же пречистыя Богородицы, Кон, всакого острова достигаесть» (в издании 1815 г. Л. 22об.—23). «По семь възде на гору и водрузи крестъ, при немъ же келлию созда, и поживъ ту л,то едино, преиде въ другое м,сто ко Владычнии лахт, и до тріехъ л,тъ проводи богоугодно скітское житіе. Ид,же обр,тъ его съ Валаама инокъ Лаврентій, посланный отъ игумена Сілы, зваше к себ,: но Святій не поиде, възлюбивъ сіе безмолвное м,сто» (Л. 23об.—24).

²⁵ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2005. Т. 13. С. 775.

²⁶ *Сорокин П.Е.* Археологическое изучение Валаамского монастыря: К вопросу о возникновении и об исторической топографии // Валаамский монастырь. С. 106.

²⁷ *Саарнисто Матти.* Образование Валаама и история землепользования // Валаамский монастырь. С. 126.

Т.К. Никольская

Религиозная жизнь русского средневековья

В творчестве Д.М. Балашова

В своём предисловии к сборнику «Ещё раз о Великой России» Дмитрий Михайлович Балашов писал: «Современный писатель-историк должен, на мой взгляд, знать все материалы археологических, фольклорных и этнографических экспедиций, знать также, что читали люди прошлой поры, каков был объём научных знаний. А не ведая этого, не познакомившись с богословием, житийной христианской литературой, с трудами тогдашних философов, нельзя показать внутренний мир культурного человека прошедших веков — такова моя точка зрения»¹. Пожалуй, редкий автор, дерзающий писать историческую прозу, способен проявлять к себе такую высокую требовательность. Д.М. Балашов оставался учёным не только в своих научных работах, но и в художественной прозе. Стилем его творчества было стремление к максимальной исторической достоверности.

Соединение литературного вымысла и научных знаний, особенно из области истории, философии, этнографии, фольклористики характерно для творчества многих русских писателей. Александр Сергеевич Пушкин был гениальным историком. Другой яркий пример — это произведения пока недостаточно оценённого писателя П.И. Мельникова (А. Печерского) «В лесах» и «На горах», где подробно описаны быт и повседневность жителей Поволжья, традиции, обряды, предания, песенный фольклор старообрядцев и сектантов, сохранившиеся в русском народе дохристианские верования. Отдельные фрагменты романов П.И. Мельникова читаются как научные статьи или собрания фольклора и представляют особый интерес для специалистов по этнографии и религиоведению.

¹ Балашов Д.М. Ещё раз о Великой России. М., 2001. С. 13.

Но и без специальных научных знаний дореволюционные писатели понимали особенности религиозного сознания, разбирались в вероучении и обрядах православия, других религий. Религия — хотя бы внешняя, обрядовая — пронизывала все стороны жизни людей, к ней так или иначе приоб-

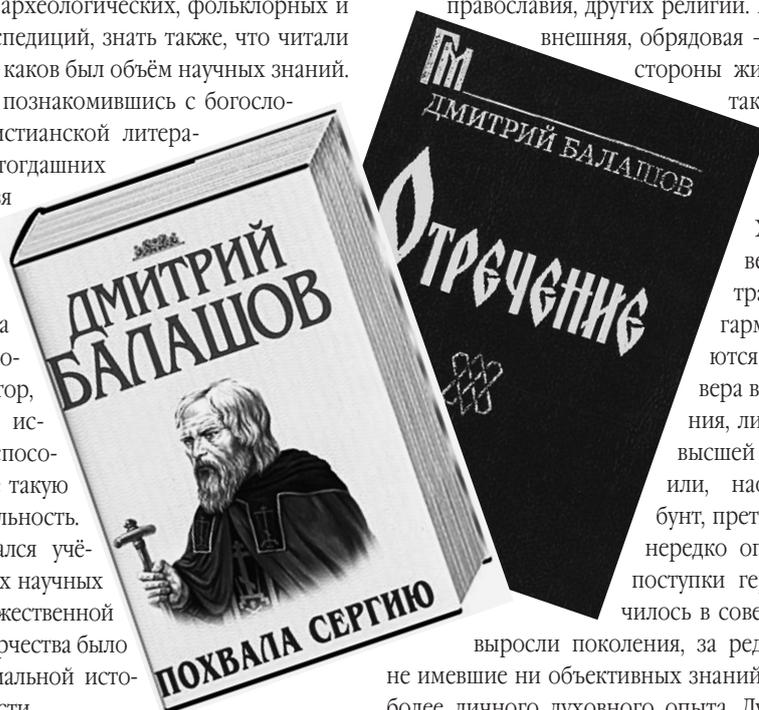
щались с детства.

В литературных произведениях XIX — начала XX веков религиозные традиции и обряды гармонично вписываются в повествование, а вера в Бога, жажда спасения, личного оправдания, высшей справедливости или, наоборот, духовный бунт, претензии к Создателю нередко определяют слова и поступки героев. Иначе получилось в советское время, когда

выросли поколения, за редким исключением не имевшие ни объективных знаний о религии, ни тем более личного духовного опыта. Думается поэтому, а не только из-за требований цензуры в исторических произведениях советских писателей верующие люди изображены ущербно, а их духовные побуждения объясняются темнотой и невежеством либо алчностью, тщеславием, властолюбием.

Стремясь вырваться из рамок подобных стереотипов, Балашов показывал религию как неотрывную часть народной жизни прежних веков, вне которой остаются непонятными внутренний мир и мотивы поступков наших предков. Конечно, сказалось то, что сам писатель был верующим, православным, но немалую роль сыграли и его научный опыт, чувство ответственности за историческую правду своих произведений.

Изучая и описывая религиозную жизнь русского средневековья, писатель обращался к Житиям святых — источнику, привлекавшему внимание многих исследователей. В.О. Ключевский, например, мастерски проанализировал житийную литературу с источниковедческой

точки зрения². Феномену русской святости посвятил свою работу «Святые древней Руси» Г.П. Федотов³. Для Балашова Жития святых были важны и как исторический источник, и как отражение духовного идеала русского народа. Писатель не упрощал средневековую жизнь: он видел кровавые междоусобицы, равнодушие многих людей к судьбам ближних и своей страны, алчность и несправедливость правителей, невежество и грубые нравы простолюдинов. Но описывая это, Балашов одновременно задавал вопрос: как же, какими неведомыми путями среди этой грязи рождалась святость? Её воплощением писатель считал преподобного Сергия Радонежского и в своём творчестве постоянно обращался к этому образу. В цикле романов «Государи Московские» описывается вся земная жизнь преподобного Сергия — от рождения младенца Варфоломея до кончины «игумена земли Русской», наставника князей, основоположника монашеского общежития, истинного праведника во плоти. Сергей и его ученики, согласно Балашову, послужили возрождению страны: «Незримые ручейки духовной работы пропитывают почву русского народа, дают ей творческое начало жизни»⁴. И всё же писатель посчитал недостаточным эпизодические обращения к этому образу и посвятил Сергию Радонежскому отдельное произведение⁵.

«Похвала Сергию» — не просто исторический роман или литературный пересказ церковного Жития. Детство и юность отрока Варфоломея, его незримая подготовка к будущему духовному подвигу показаны в контексте государственной и духовной истории Руси. Автор подробно рассматривает политические и экономические, религиозные и культурные реалии эпохи, предшествующей рождению отрока Варфоломея, проводит серьёзный научный анализ противоречивых сведений о дате его рождения, пытается осмыслить и объяснить чудеса, сопровождавшие рождение и детство героя и описанные в его Житии. К некоторым фактам автор подходит критически, побеждает собственные сомнения (а заодно и сомнения читателей) разумными доводами, так что чудеса становятся такой же исторической реальностью, как «Ахмылова рать» или Куликовская битва. Повествование звучит серьёзно и вдумчиво, без умильной легковесности, какой страдают многие современные опыты житийной литературы.

² Ключевский В.О. Источники русской истории. Лекция X // Сочинения в девяти томах. Т. VII. М., 1989. С. 62–77.

³ Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1997.

⁴ Балашов Д.М. Отречение. Петрозаводск, 1990. С. 515.

⁵ Балашов Д.М. Похвала Сергию. М.—СПб., 1992.

Жизнь семьи отрока Варфоломея, его родных и домочадцев очерчена церковным и природным годовыми циклами: смена времён года, сельскохозяйственные работы, однодневные и многодневные посты, важнейшие церковные праздники. Семейные события — рождение ребенка, свадьба, поездка на чужбину, смерть — освящаются молитвой и обрядом. В ряде случаев автор даёт подробное описание и объяснение религиозным реалиям. Балашов подчёркивает, что знание богословия было важным и непременным признаком образованного человека того времени. Таков брат отрока Варфоломея Стефан, который мучительно пытается осмыслить противоречия между школьными знаниями и жестокой, греховой действительностью. Стефану труднее, чем его младшему брату, победить мирские искушения: то он обнаруживает в своём сердце зависть к более богатым и знатным товарищам, то увлекается юной соседкой Ньюшей, вступает в брак. Для Варфоломея нет этих колебаний, он давно сделал духовный выбор, с детства готовил себя к суровым постам, напряжённой внутренней жизни. И всё же именно Стефан первым уходит в монастырь. Варфоломея задерживают в миру не соблазны, а любовь и чувство долга перед престарелыми родителями, о которых он заботился.

С точки зрения материалиста, «Похвала Сергию» — произведение пессимистическое. Богатый и знатный ростовский боярин Кирилл постепенно теряет и своё богатство, и своё привилегированное положение. Будучи уже в преклонных летах, он вынужден начинать жизнь заново в Радонеже, но и там не может подняться, вернуть своему роду богатство и могущество. На его глазах скудеет хозяйство, холопы разбегаются к более выгодным господам. Его дети вместо получения образования, государственной или военной карьеры занимаются мужицким трудом. Двое из трёх сыновей уходят в монастырь да и сам боярин Кирилл вместе со своей супругой Марией незадолго до кончины принимают монашеский постриг, окончательно отрешившись от житейской борьбы. Вне духовной темы — это история угасания некогда славного рода. Но для Балашова, для всех, кому дорого имя Сергия Радонежского, это история восхождения к святости, послужившей духовному и национальному возрождению всей страны. И не случайно в начале романа подробно описан эпизод, как терпеливо и настойчиво полуторагодовалый малыш карабкается по высокой лестнице. Карабкается не ради награды, не ради лакомства в виде сушеных яблок, а просто потому, что в его жизни это первая лестница, ведущая в небо. А без духовного стремления ввысь, к горнему теряют подлинный смысл и судьба отдельного человека, и сама история стран и народов.

М.В. Пулькин

Старообрядческие труды в защиту самосожигателей

Основные аргументы, исторический контекст. Конец XVII—XVIII вв.*

Вскоре после церковных реформ, проведённых патриархом Никоном, самосожжения стали неотъемлемой частью религиозной жизни Руси. Правительственные репрессии в отношении самосожигателей добавляли масла в огонь: «гари» становились всё более массовыми¹. Развитие «самогубительной смерти», стремительное распространение разнообразных форм самоубийств по территории России становилось возможным только благодаря активной деятельности старообрядческих наставников, находящих всестороннюю поддержку в старообрядческих поселениях². Эти поселения возникали на многих малонаселённых окраинах Российского государства, прежде всего — на Европейском Севере и в Сибири. Так выглядел зловещий исторический фон, на котором в старообрядческой среде разворачивалась дискуссия о самосожжении.

На Европейском Севере России в конце XVII — начале XVIII в. заметным центром проповеди самоубийств стало Выговское общежитие³. Ему суждено было в ближайшем будущем стать оплотом беспоповского старообрядчества России, и именно там формировался положительный взгляд на самосожжение. В ряду местных проповедников самосожжений особое место занимает Семён Денисов — талантливый литератор, выговский «киновиарх» и брат известного старообрядческого деятеля Андрея Денисова — одного из основателей Выговского общежития. Идея о пользе самосожжений для спасения души, богоизбранности организаторов «гарей» проявилась в одном из первых его произведений — «Повести об осаде Соловецкого монастыря».

Излагая биографию соловецкого монаха Германа, «смиренномудрого и крепкого», С. Денисов указывает, что будущий организатор крупного самосожжения избавился от «темничного озлобления» «божиею милостью на спасение многих». Вскоре он стал проповедником массовых самоубийств и, наконец, сам «огнепалением от здешних в будущая преселившийся добре»⁴, т.е. отправился в иной мир для вечной райской жизни — награды за успешную проповедь и осуществление самосожжений. Продолжение проповеди самосожжений обнаруживается в другом произведении С. Денисова — «О сибирских страдальцах» (в исторической литературе она получила название «Повесть о Тарском бунте»). В нём автор высказывает глубокое почтение перед теми, кто

погиб «благочестным огнесожжения скончанием». Рассуждая о тех, кто помышлял о самосожжении, тщательно готовился к нему и впоследствии его совершил, С. Денисов пишет: «...и древни благочестия ревнители многаяжды от гонения и нападения мучителей тако себе различным смертем предаваху, их же святая церковь яко мученики прославляет»⁵.

Подробное изложение обстоятельств старообрядческих самосожжений в трудах выговских писателей стало своего рода реформой агиографической литературы. Для древнерусского православия, утверждает М.Б. Плюханова, «особенное почитание мучеников» не являлось характерным элементом. Поэтому новая старообрядческая агиография в первую очередь обратилась за образцами к традиции прославления мучеников, сложившейся в первые века существования христианства. «К весьма небольшой и скромной группе древнерусских мучеников старообрядческая традиция присоединила легион новых, реализовавших канон мученического жития несравненно полнее, чем прежние»⁶. Участие в массовом самоубийстве рассматривалось выговскими проповедниками не только как возможная, но и необходимая мера, противопоставленная «окаянному животу», т.е. несправедливой жизни в «мире Антихриста». В их числе выдающееся место занимает выговский уставщик, один из крупнейших старообрядческих писателей Пётр Прокопьев⁷. В своей проповеди, превозносящей «огненную смерть», он мог опереться на слова современника — знаменитого духовного писателя протопопа Аввакума, который благословлял самосожигателей следующими словами: «Добро те сделали, кои в огне-т забежали. Мы же разсуждал и между собою: кажется, не худо оне сделали, да не осквернят риз своих, еже есть святого крещения, и во огонь себе ринули и в воды»⁸.

Как утверждает, опираясь на старообрядческие источники, А.К. Бороздин, наряду с реальными высказываниями протопопа Аввакума в пользу «гарей», некоторые старообрядцы распространяли и использовали для обоснования самосожжений поддельные, якобы принадлежащие его перу послания, горячо приветствующие «самогубительную смерть»⁹. Многие умеренные старообрядцы «возмущались Аввакумом за его подстрекательства к самосожжениям и строго осуждали его за прославляющие „гари“ послания»¹⁰. Но их авторитет не был столь же силен, как духовное влияние талантливого протопопа. Исключительно высокое значение Аввакума для распространения старообрядческого вероучения и его вполне успешные призывы к самосожжениям подчёркиваются некоторыми известными исследователями¹¹.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Программы ОИФН РАН «Власть и общество в истории».

Современники вполне могли считать, что Пётр Прокопьев продолжил дело, начатое протопопом Аввакумом. В то же время традиционная для старообрядческой литературы идея завершения всемирной истории, приближения Страшного Суда в его произведении не является центральной. Автор предпочёл сосредоточиться на указаниях о том, кто именно и каким путём может спастись в наступающие «последние времена». *«Сей путь спасительный и богоугодный, — говорилось в послании Петра Прокопьева одному из основателей Выговского общежительства Даниле Викулину, — еже во время нужды благочестивыя ради нашей христианския веры от гонителей себе смерти предати, в огонь или в воду или ино никако, паче же с немощными сиротами и престарелыми и маловозрастными отроцаты, не могущими никако уккрытися».* Самоожжение он считал благом для тех, кто опасается не «смерти телесная», а гораздо большего — *«от Господа нашего отступления»*¹².

Указания противников самоожжений на то, что самоубийство противоречит идеалам Священного Писания, вызывали у него недоумение. Прокопьев утверждал, что многие праведники, жившие в первые века христианства, предпочитали ту или иную разновидность смерти осквернению. Указание на их пример стало для П. Прокопьева мощным аргументом в заочном споре с противниками самоожжений: *«...и святые праведники и Богу угольники сия сотворившия, и есть ли где в Божественном Писании запрещено о сих, и который собор отверже таковая, или кто от святых возбрани тому быти, пощещи и не обрящещи».* Напротив, добровольная гибель за «благочестие» расценивалась как богоугодное дело, начало которому было положено ещё в первые века христианства, когда во время массовых казней христиан многие из них *«христовою любовью разжегешся, яко в некую прохладу во огонь себе вметаху»*¹³.

Пётр Прокопьев создал обширный, впечатляющий список мучеников за веру, добровольно погибших в огне «благочестия ради». В их числе оказалась не канонизированная Церковью, но известная по историческим документам рязанская княгиня, предпочтя смерть татарскому плену. Таким образом, самоожжение расценивалось не только как гибель за веру, но и как страдание «целомудрия ради и чистоты». Аналог поступку рязанской княгини Прокопьев обнаруживал в поступке первой христианки Пелагеи, которая, *«веры ради Христовой, на мучение бысть сыскана».* Зная нравы своих гонителей, *«боящиися да не насилувано будет девство ея»*, она бросилась вниз «с высокого окна», *«а падиши разбися и умре».*

Одна из наиболее подробных историй в письме Петра Прокопьева посвящена преподобному Мартиниану, который от губительных соблазнов мира спасался на скале посреди моря. Но дьявол не желал оставить праведника в покое: увидев на море *«корабль пловущ, в нем же бяху мужи и жены»*, сатана направил судно на скалу. В результате кораблекрушения, как и замышлял враг человечества, осталась в живых лишь одна девица. Приплыв к скале, на которой спасался Мартиниан, она стала взывать к помощи: *«Помилуй мя, рабе Божий, и не остави мя погибнути!».* Преподобный не мог отказать в помощи несчастной страдалнице и протянул ей руку. Увидев её, красавицу, *«красну сущу»*, он взмолился Богу: *«Господи, не остави меня погибнути, на полезное души моеи устрой!».* После этого, обращаясь к спасённой девице, он сказал, используя распространённую среди старообрядцев метафору

о необходимости разделения мужчин и женщин для спасения души и противодействия греховным помыслам: *«Воистину невместно быти сему с огнем вкуте!».* Объяснив своей прелестной подопечной, где найти еду и когда приплывёт «кораблик», привозящий воду и продукты, он пожелал ей: *«да сохраниш душу свою от всех вражеских наветов»*, бросился в море и погиб.

Галерея всевозможных образцов для подражания («смотрительных образов») в письме Петра Прокопьева завершается рассуждением об актуальности примера древних в современном мире: *«Но речет ли кто смотрительныя сия образы, еже благоверия ради себе смерти предаши, мнози святые в древних временах: а ныне сему не достоин быти?»* Ответ, как полагал известный старообрядческий наставник, очевиден. Тот, кто пострадает по образу и подобию *«древних оных вышеписанных святых»*, будет удостоен венца и похвал в Царствии Небесном *«от общего всех праведного Судии, Владыки и Бога».* Основной вывод послания заключается в том, что самоожжение, а также иные разновидности самоубийства (*«во огонь или в воду или ино никако»*) являются не столько способом избежать мучений и пыток от «гонителей», сколько кратчайшим путём к вечному небесному блаженству. Смерть *«Христа ради»* приравнивает каждого к святым мученикам первых лет христианства: *«...за него же (Бога — М.П.) умре, яко же и древле святии»*¹⁴.

Идея о самоожжении проявилась в труде другого известного старообрядческого деятеля, основного «историографа» и — в течение многих лет — настоятеля Выговской пустыни Ивана Филиппова. Неоднократно обращаясь к проблеме самоожжений в своей грандиозной истории старообрядческого «общежительства», он подчёркивает превосходство самоожжателей над теми, кто беспощадно преследовал их во «времена гонительные». Так, в описании первого самоожжения в Палеостровском монастыре Иван Филиппов пишет о страхе присланного по царскому указу «воинства» перед пламенем самоожжения: *«пламень бо всю церковь обхвати и поиде огонь вверх, аки столп, воинство же и вси люди отступшиа от церкви и бысть на них страх велик».* Причиной страха «никониан» перед смертью в огне Иван Филиппов считал вероотступничество: *«не бо христови бяху оученици и последователи <...> страшен им бяше огонь вещественный, понеже огня любви Божия не имяху»*¹⁵.

Вопрос о том, какой способ смерти предпочтительнее: самоожжения, самоутопление, запощивание (гибель от голода в результате длительного поста) или самозаклание, в конце XVII в. оставался открытым. В послании Петра Прокопьева приведены примеры разнообразных самоубийств во имя веры и приветствуется любая форма самоубийства «благочестия ради». Реалии противостояния власти и старообрядчества, казни в огне, а также народное восприятие огня как очищающей силы привели к тому, что именно «гари» стали предпочтительной формой «самоубийственной смерти». Об этом пишет М.Б. Плеханова: «Уловив связь представлений, окружающих гари, с фольклорной символикой, можно различить в них образ Страшного Суда, самовольно творимого. Видимо, именно фольклорной картиной Страшного Суда был определён в XVII в. выбор огня как общераспространённой формы самоубийства»¹⁶. Аналогичной точки зрения придерживается современный исследователь старообрядческой идеологии Р.Г. Пихоя¹⁷.

Этот автор, на мой взгляд, прав и в другом: в пропаганде раскола главная роль отводилась «не специальным полемическим сочинениям, защищавшим основы староверия, а старым изданиям обычных богослужебных книг»¹⁸. Вывод применим и к «гарям»: самосожжение находило косвенное оправдание в Священном Писании, в котором с огнём отождествляется пламенная любовь (Пес. Пес. VIII. 6), Слово Божие (Иер. XXIII. 29) и даже сам Бог называется «огнем поядающим» (Втор. IV. 24; Евр. XII. 29)¹⁹. Сами старообрядцы расценивали огонь самосожжений как особую, благодатную силу, которая не способна причинить вред. Единственное её предназначение — перенести души праведников в загробный мир²⁰. Так, во время первого самосожжения в Палеостровском монастыре, по утверждению Ивана Филиппова, пламень не тронул другие, стоящие рядом монастырские церкви, хозяйственные постройки и тех находящихся рядом людей, кто не имел прямого отношения к самосожжению: *«многo здания в монастыре и людей никакo же опали, ниже повреди»*²¹.

Являясь нарушением требований христианской морали — запрета на самоубийство — самосожжение становилось возможным при чрезвычайных обстоятельствах. Таковыми старообрядцы считали наступление последних времён, воцарение Антихриста, которое, по представлениям и вычислениям книжников того века, падало на время между 1660 и 1666 годами²². Ссылки на примеры из Священного Писания о предпочтительности гибели перед «окаянным животом» постоянны в старообрядческих произведениях, обосновывающих необходимость самосожжений. Иван Филиппов, выговский историк и настоятель, был убеждён, что Священное Писание ясно указывает на предпочтительность смерти перед несправедливой жизнью: *«жизнот горькой окаяннейший смерти во Святом Писании нарицается»*, самосожигатели, по этой логике, — презрели *«таковой проклятый живот»* и возлюбили *«смерть блаженную за законы церковныя»*²³.

Противники самосожигателей — по сути дела, первые внимательные исследователи идеологии старообрядчества — указывают на конкретные фрагменты Священного Писания, используемые в старообрядческой проповеди. В конце XVII в. сибирский митрополит Игнатий (И.С. Римский-Корсаков) вынужден был опровергать распространённое среди старообрядцев представление об очищающей силе огня и, в особенности, — о втором, огненном, крещении. При помощи ссылки на широко известный фрагмент Евангелия (слова Иоанна Крестителя), который часто зачитывали во время богослужений в церквях [*«Аз убо водою крещая вы, грядет же крепкий мене, ему же несмы достоин отрешити ремень сапогу его, той вы крестит духом святым и огнем»* — текст из Евангелия от Матфея (Матф. 3, 11)], старообрядцы вели людей на «гари». К этому доводу в конце XVII в. прибегал один из первых организаторов самосожжений в Сибири, некий «окаянный Дометиан». Митрополит Игнатий по-своему истолковал этот текст: будут крещены огнём, т.е. спорят, не праведники, а грешники. Ведь это — «геена огненная», предназначенная для противников православия: *«огнем конечным крестит Христос противныя, а не Бога мудрствующих его»*²⁴.

Послания сибирского митрополита, в отличие от старообрядческой пропаганды, не имели успеха. Этому способствовали ссылки на произвольно трактуемые фрагменты Священного Писания. Вполне возможно, что

некоторое влияние на происходившие события оказывали весьма своеобразные обряды «пешного действия», совершавшиеся в XVII столетии в некоторых приходских церквях Вологды, Новгорода и Москвы. «Обряд пешного действия состоял в наглядном изображении того события, которое воспето у Даниила... Три еврейских отрока: Анания, Азария и Мисаил отказались поклоняться вавилонскому кумиру и по повелению Навуходоносора были брошены в раскалённую печь, но чудесным образом остались невредимы»²⁵. Многим верующим ситуация, описанная в Библии, казалась вполне аналогичной той, которая складывалась на Руси после никоновских реформ, а поэтому и мысль о душевном спасении в огне казалась вполне актуальной.

В дальнейшем повсеместно в России старообрядцы и многие сочувствующие им «поселяне» воспринимали самосожжение как наиболее эффективный способ вечного и необратимого избавления от власти Антихриста. В то же время к началу XVIII в. авторитетные старообрядческие наставники, основатели Выговского общежития, прежде всего братья Денисовы, высказывались по актуальному вопросу о самосожжении более осторожно. Им пришлось опровергать отвратительное обвинение в преднамеренном провоцировании самоубийств с корыстными целями — для того, чтобы завладеть имуществом погибших. Одновременно выговские старообрядцы вновь подтверждали, что самосожжение является для них вполне обоснованным и, при определённых условиях, необходимым деянием. Как говорилось в ответах выговских старообрядцев на вопросы священника Олонецких Петровских заводов Иосифа, датированных 1705 г., *«пощади, Боже, души наши от такого сумудрия, еже бы нам за прибыток любовицнаго имения челоуков в пожжение оболщевати, сие в нас никогдаже быти, ни быти хоцет»*. Однако следование старообрядческому вероучению они видели в неразрывной связи с добровольной смертью: *«Но имамы мы учение церковное, еже точно за сохранение благочестия смерть паче произволяти (выделено мной — М.П.), неже соотвержением истины наслаждаться богатств и сладостей немирного сего мира»*²⁶.

Действительно, проповеди старообрядческих наставников о самосожжениях постепенно, со временем становились «более краткими, простыми»²⁷. И всё же теоретическое обоснование допустимости массовых самоубийств сохранялось в старообрядческой среде, приобретая форму страстной проповеди. Так, известный публицист XVIII в., выговский ренегат Григорий Яковлев²⁸ приводил следующие расхожие высказывания наставников самосожигателей: *«Аще ли мните не стерпети от чужих рук биения и ран и мук, то сами себе предавайте смертем кто как может, всюду сами утопающеся, ножем или иным чем сами зарезывающеся и колоющеся»*. Если же не удастся умереть таким способом, то, продолжал излагать мысли самосожигателей Григорий Яковлев, следовало прибегнуть к огню: *«...уготовайте, напредь где усмотрев, храмину твердую соломою и смольем и скалою наполнише, и собравшея многим числом, сколько где возможно больше, мужей же и жен, и девиц, и отрочат, и малых ребят, и младенцев сущих, и тако от гонящих по указу и ищущих вас сожигайте сами, а в руки не предавайтесь»*. За страдания самосожигателей ждёт щедрая загробная награда: *«Бог вас благословит, а паче же вас благословляют на то все новые русские страдалцы нынешние»*²⁹.

В качестве важнейшего оправдания массовых самоубийств использовался традиционный для старообрядческой литературы конца аргумент — «видения». Эти повествования опирались на древние представления о загробном мире как «иной» форме жизни, из которой человек при определённом стечении обстоятельств мог вернуться к обычному земному существованию³⁰. Старообрядческие «видения» известны со времени возникновения старообрядческого движения, и их бытование продолжалось и в XX в.³¹ Так, само появление «новой веры», согласно одному из «видений», слухи о котором распространялись среди чернецов осаждённого царскими войсками Соловецкого монастыря, произошло мистическим и зловещим образом. Обрядовые нововведения принесли на Русскую землю два «великих чёрных эфиопа», а до этого тщательно подготавливались в аду в течение 30 лет самим Сатаной и его сподвижниками — еретиками³².

Старообрядческие «видения», связанные с самоожжениями, довольно специфичны. В них отразились древние, дохристианские представления о загробном мире как о неразделённом на ад и рай пространстве, где души грешников и праведников пребывают практически рядом. Старообрядцы — создатели текстов о «видениях» — утверждали, что на «том» свете сгоревшие пребывают «во светлеме месте и в венцах», а не пожелавшие «самозгорети» неподалеку прикованы к вечно вращающемуся колесу³³, символизирующему, вероятно, бесцельную жизнь в мире Антихриста. Иногда «мучение на адском колесе» изображалось в русской народной прозе как одна из мук, уготованных грешникам³⁴. «Бесспорные» аргументы, исходящие из загробного мира, должны были окончательно решить спор о самоожжениях. Поэтому старообрядцы, как противники, так и сторонники самоожжений, вновь и вновь обращались к жанру «видений».

В 1748 г. из-под пера неизвестного автора появился ещё один старообрядческий литературный памятник, относящийся к этому жанру: «Видение некоей старухи». В нём утверждалось, что некая старуха «объутирала в полночь и видела видение страшное». Наутро, придя в «чувство» она рассказала о посещении загробного мира и судьбах его обитателей. По её словам, сгоревшим в Березовом Наволоке (август 1687 г.) и в Совдозере (конец XVII в., более точная дата неизвестна) на том свете определено «место и поле добро», но похуже, чем действительно Выговской пустыни и известному старообрядческому писателю Семёну Денисову (который, кстати говоря, поддерживал идеи самоожигателей). Ведь он погиб своей смертью, а не кончался в «самогубительном» пламени.

«Водящий» (сопровождающие по загробному миру) объяснили старухе: «Того ради им похуже место дано, понеже подкутили тех, кои их сожгли, чтоб сожгли их». Но в самом неблагоприятном положении оказались «горелья у Волозера»: они постоянно пребывали в едком дыму. По утверждению старухи, перед самоожжением они не подвергались гонениям со стороны «никониан»: «не от нужды скончашася». За это они сурово наказаны Богом: «того ради им такое дымное место». Один из выводов, который создатели «видения» стремились донести до читателя, вложен в уста обитателей загробного мира: «И ты скажи людям, чтобы без нужды не горели, пусть бегают и нужду приемлют»³⁵.

Истории о судьбе самоожигателей в загробном мире дополнялись «видениями» о происходящем

на местах самоожжений. Так, в «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова изложены наблюдения «караула на огнище» — то, что видели солдаты, охраняющие место второго палеостровского самоожжения. Как утверждал старообрядческий историк, в одну из ночей на место, где ещё недавно бушевал огонь, спустился огненный столп, «разными цветы цветущий», из которого вышли трое. Судя по облачению, это были два священника и дьякон. Оказавшись на земле, они совершили обряд, напоминающий крестный ход: «...хождаху они мужие около огнища на посохонь³⁶, един в руках имея крест, благословляющий и ограждая огнище, а другой чашу нося с водою и кропя огнище, а третий имея у себе в руках кадило со углем и фишамом и кадяще огнище, по обычаю дьяконскому». При этом все трое тихо пели какую-то молитву. Троекратно обойдя место самоожжения, они вошли в столп и исчезли. После такого «чюдного видения» изумлённые караульщики решили, вопреки обыкновению, похоронить всех участников самоожжения, собрали их «кости и телеса», закопали и на могиле поставили «сруб в три бревна»³⁷.

«Видения», связанные с «гарями», становились мощным аргументом в длительном споре старообрядческих наставников. Одновременно действия властей в конце XVII в. создавали такую обстановку, при которой идея самоожжений могла стать привлекательной для старообрядцев. В первые годы после начала реформ патриарха Никона и гонений на «древнее благочестие» многих замеченных в симпатии к старообрядцам сжигали в срубках. Так, первому сибирскому самоожжению, Березовской гари 1679 г., предшествовало 28 февраля 1676 г. «первое сожжение старообрядцев тобольскими властями, действовавшими в рамках общерусского репрессивного законодательства»³⁸. Таким способом приверженцы «древлего благочестия» демонстрировали свою неустранимость. Казни за убеждения имели место в ряде местностей России. Наиболее известными страдальцами за веру стали протопоп Аввакум и его сподвижники, сожжённые в срубках и в дальнейшем канонизированные старообрядцами. Сожжение менее известных сторонников «древлего благочестия» стало в XVII в. обычной мерой противодействия церковному расколу.

В январе 1672 г. по приговору царя Алексея Михайловича и Боярской думы сожжению в срубке подвергся старец Трофим, из вотчины Троице-Сергиева монастыря. Перед казнью выяснилось, что многие годы он носил с собой просфору из Соловецкого монастыря, почитаемого старообрядцами за идейное сопротивление никоновским «новинам», а затем — долгое вооружённое противостояние правительственным войскам. Просфора оказалась изломанной «в крухи», но старообрядец не расставался с ней специально для того, чтобы использовать в последние минуты жизни: как говорилось в документе, «при смерти ему к причащению». Жестокий приговор предписывал: «...велеть ево эжечь в срубке, чтоб такое зло впредь не размножилось, и на то смотря, иные такие ж воры впредь не воровали»³⁹.

Аналогичные репрессии обрушились и на рядовых участников старообрядческого движения. Так, в 1683 г. несколько Кольских стрельцов подали «извет» воеводе З.И. Полозову о «стрелецкой жене» Маврутке. В документе указывалось, что она «в церковь де Божию во время святого пения она де не ходит», что в этот период являлось бесспорным доказательством приверженности

старообрядческой идеологии. Предпринятые местным духовенством попытки увещевания не достигли успеха. Когда игумен Кандалакшского монастыря Иоасаф «*почал ее крестом благословлять, и она на игумена начала плевать и говорила игумену: „Отойди де ты от меня, враг, прочь“*». Некоторое время спустя Маврутка была сожжена для устрашения прочих потенциальных врагов Церкви: «*чтоб на то смотря, иным неповадно было таких неистовых богохульных речей говорить*»⁴⁰.

В 1684 г. по доносу дьякона Ивана Григорьева церковный суд рассмотрел дело о приверженном старообрядческому вероучению кольском стрельце Иване Самсонове. «Его троекратно пытали, а затем после наказания кнутом сожгли на костре»⁴¹. Список подобного рода ситуаций можно продолжить. В 1666 г. за проповедь «древлего благочестия» сожжён в Москве старец Вавила. В тексте обвинительного приговора старцу указывалось: «*...образом Божиим не поклонялся, и церкви Божий называл будто осквернены, и к тем церквам и к отцом духовным приходившим пречистых Христовых Тайн причащатца будто никому не доведетца, и на крестное знамение ты плевал, и иные непригожие речи говорил*»⁴².

Первые старообрядцы, таким образом, демонстрировали силу духа и неустранимость перед лицом гонений, а пример новых российских мучеников, погибших в огне, служил им образцом для подражания. Тем не менее, противники никоновских реформ, совершающие самоожжение, чувствовали уязвимость своих богословских теоретических построений. Поэтому, «чтобы не самим себя поджигать», они в некоторых случаях старались переложить ответственность на штурмующую их убежище воинскую команду. Непосредственно на засов, заперши дверь, ставили зажжённую свечу, а на пол наваливали соломы. При первом же толчке в дверь свеча падала, начинался пожар, и самоожжение совершалось⁴³. Похожие описания последних секунд перед гарью неоднократно встречаются в «Истории Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова. Так, в описании первого самоожжения в Палеостровском монастыре вся вина за разгоревшийся в церкви пожар и самоожжение возлагается на царские войска. Стрельба из пушек по монастырской церкви, утверждал Иван Филиппов, привела к началу огненной трагедии: «*И егда начаши с пушек стреляти по церкви и пришедшие ядра в церковь свечи вся сронили на пожегу*». Во время второго самоожжения, по утверждению того же автора, ситуация повторилась⁴⁴.

Нередко на помощь старообрядческому преданию приходили древние народные верования об очищающей силе огня, которые по-своему подкрепляли идеи самоожжигателей. Известно, что «для народной религиозности

всегда весьма важно представление об очищающей и воскрешающей силе пламени»⁴⁵. Здесь необходимы пояснения. При изучении самоожжений возникает соблазн связать их возникновение с мифологическим сознанием. Некоторые современные исследователи, как, например, А.Т. Шашков, поддались романтическому желанию отождествить древние погребальные обряды и старообрядческие самоожжения, выстроив красивую, но совершенно бесосновательную концепцию о прямой преемственности между славянами-язычниками и старообрядцами. Можно сказать, что дохристианские представления существенно помогли старообрядцам в их проповеди «огненной смерти», подготовив почву для принятия жителями России столь необычного учения. Языческое влияние не стоит преувеличивать. Тем не менее, при исследовании причин выбора самоожжений как предпочтительной формы добровольной смерти не стоит забывать о народных традициях и обрядах. Ведь «почитание огня как космического элемента, лежащего в основе мироздания, известно всем народам <...> Огонь служит одновременно и оберегом, и угрозой, и страшной силой, от которой просят защиты, и средством лечения»⁴⁶. На Европейском Севере России это восприятие огня заметно отразилось в народной культуре. Так, у карелов «применялись разнообразные способы очищения огнём»: местные колдуны (патьяшки) заставляли жениха и невесту перешагнуть через огонь, что, по сути дела, являлось ритуальной имитацией самоожжения⁴⁷. В Ярославской и Олонецкой губерниях бросают в могилу медные монеты для уплаты за перевоз через *огненную* реку, которую придётся покойному преодолеть⁴⁸.

Народные верования стали важным подспорьем для старообрядцев-самоожжигателей, но на первый план в их проповеди выдвигались богословские аргументы и анализ происходящих в стране событий, которым придавалась эсхатологическая окраска. К массовым самоубийствам, как полагали старообрядцы, подталкивал приход Антихриста (с которым в разное время отождествлялся патриарх Никон, царь Алексей Михайлович, император Пётр I), обретение им власти и стремительные изменения в окружающем мире: «Антихрист легко узнавался через проявляемый им бунт против традиционных, своих ценностей»⁴⁹. Таким образом, «в условиях раскола возродился эсхатологический дух первохристианства»⁵⁰. Противники самоожжений из числа старообрядцев оказывались в непростом положении: отстаивая отказ от массовых самоубийств, они покушались на самую основу старообрядческого вероучения — эсхатологическое представление.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пулькин М.В. Российское государство и старообрядцы-самоожжигатели в XVII—XVIII вв. // Клио. Журнал для учёных. 2006. № 3. С. 93—102.

² См. об этом подробнее: Пулькин М.В. «Славнии учителя самоубийственной смерти» и их последователи (о самоожжениях старообрядцев в конце XVII—XVIII в.) // «Мужское» в традиционном и современном обществе. Вып. 2. М., 2004. С. 189—196.

³ Имеется в виду старообрядческое Выговское общежитие, существовавшее в 1694—1854 гг. в настоящее время на его месте

расположена дер. Данилово Медвежьегорского района Республики Карелия. О нём имеется огромное количество исследований. (См. о Выговском общежитии подробнее: Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и культура. М., 2002. Т. 1—2.)

⁴ Повесть об осаде Соловецкого монастыря // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 186.

⁵ Мальцев А.И. Неизвестное сочинение С. Денисова о Тарском «бунте» 1722 г. // Источники по культуре и классовой борьбе

феодалного периода. Новосибирск, 1982. С. 228, 235.

⁶ *Плюханова М.Б.* О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 421, 423.

⁷ См. о нём подробнее: Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 223.

⁸ Послание сибирской «братии» // Житие Аввакума и другие его сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Робинсона. М., 1991. С. 225.

⁹ *Бороздин А.К.* Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в. СПб., 1900. С. 312.

¹⁰ *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 374.

¹¹ *Тагарин Ю.В.* История религии и атеизма народа коми. М., 1978. С. 102; *Пихоя Р.Г.* Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII в.). Свердловск, 1987. С. 37, 43.

¹² Письмо Даниилу Викулову от Петра Прокопьева // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Q XVII, № 200. Л. 241.

¹³ Там же. Л. 241—241об.

¹⁴ Там же. Л. 243—243об.

¹⁵ История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862. С. 42.

¹⁶ *Плюханова М.Б.* О некоторых чертах народной эсхатологии в России XVII—XVIII вв. // Уч. зап. Тартуского ун-та. 1985. Т. 645. С. 60.

¹⁷ *Пихоя Р.Г.* Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII в.). С. 50.

¹⁸ Там же. С. 191.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Огонь // Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. Труд и издание архимандрита Никифора. М., 1990. С. 525.

²⁰ *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 362.

²¹ История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. С. 42.

²² *Щапов А.Л.* Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи со внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и в первой половине XVIII // Сочинения А.П. Щапова. Т. 1. СПб., 1906. С. 217.

²³ История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. С. 42.

²⁴ Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского, изданные в «Православном собеседнике». Казань, 1857. С. 125. В дальнейшем этот довод проповедников самосожжений упоминается при характеристике идеологии филипповского толка в старообрядчестве (*Геринг И.* Раскол и секты русской церкви. СПб., 1903. С. 101).

²⁵ *Савинов М.П.* Чин пещного действия в Вологодском Софийском соборе. Историко-литературно-археологический этюд // Русский филологический вестник. 1890. № 1. С. 30.

²⁶ Цит. по: *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 52—53. См. также: *Юхименко Е.М.* Неизвестная страница полемики выговских старообрядцев с официальной Церковью: предыстория «Поморских ответов» // ТОДРЛ. Т. LI. СПб., 1999. С. 414.

²⁷ *Романова Е.В.* «Самовольные смерти» в старообрядчестве: учение и истоки // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сборник статей. СПб., 2002. С. 239.

²⁸ См. о нём подробнее: Яковлев Григорий // Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического

словаря. С. 314—315.

²⁹ *Яковлев Г.* Извещение праведное о расколе беспоповщины. М., 1888. С. 29.

³⁰ *Дергачева И.В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004. С. 12.

³¹ *Фишман О.М.* Пророчество и визионерство в федосеевской традиции XX в. // Христианский мир: религия, культура, этнос. СПб., 2000. С. 258—263.

³² *Чумичева О.В.* Соловецкое восстание 1667—1676 гг. Новосибирск, 1998. С. 114.

³³ *Пигин А.В.* Жанр видений как исторический источник (на выговском материале XVIII в.) // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000. С. 219—220.

³⁴ *Пигин А.В., Разумова И.А.* Эсхатологические мотивы в русской народной прозе // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1995. С. 66.

³⁵ *Пигин А.В., Юхименко Е.М.* К истории жанра видений в выговской литературной школе («Видение некоей старухи» в 1748 г.) // Выговская поморская пустынь и её значение в истории России. Сборник научных статей и материалов. СПб., 2003. С. 137.

³⁶ *Посолонь* — повторяя движение солнца по небу. Таким образом, эти персонажи «видения» совершали крестный ход по старообрядческим правилам, упразднённым во время реформ патриарха Никона.

³⁷ История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. С. 64.

³⁸ *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 345.

³⁹ Приговор царя Алексея Михайловича и Боярской думы старцу Трофиму // Документы Разрядного, Посольского, Новгородского и Тайного приказов о раскольниках в городах России. 1654—1684 гг. М., 1990. С. 76—77.

⁴⁰ Приговор Марье Григорьевой // Документы Разрядного, Посольского, Новгородского и Тайного приказов о раскольниках в городах России. 1654—1684 гг. С. 95.

⁴¹ *Трекулов Е.Ф.* Православная инквизиция в России. М., 1964. С. 44.

⁴² Приговор следственной комиссии Тайного приказа старцу Вавиле // *Румянцев В.С.* Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986. С. 226. (Приложение к монографии).

⁴³ Самосожжение // Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 250.

⁴⁴ История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. С. 42, 58.

⁴⁵ *Плюханова М.Б.* О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле. С. 427.

⁴⁶ *Завьялова М.В.* Семантическое поле «огонь» в русских и литовских заговорах // Балто-славянские исследования 1997. М., 1998. С. 374.

⁴⁷ *Сурхаско Ю.Ю.* Карельская свадебная обрядность. Л., 1977. С. 120.

⁴⁸ *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. С. 362.

⁴⁹ *Асонов А.В.* Древнерусский эсхатологический патриотизм и военная неудача под Нарвой (попытка исторнософского анализа) // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1999. С. 25.

⁵⁰ *Плюханова М.Б.* О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле. С. 423.

Редакция благодарит Областную универсальную научную библиотеку за предоставленный материал, прозвучавший в рамках межрегиональной научно-практической конференции «Из истории книжности Древней Руси» (к 1150-летию Великого Новгорода и 950-летию Остромирова Евангелия).

А.П. Донченко

ВРЕМЯ ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ

*Слова — это буквы,
которым надоело
стоять по алфавиту.*

«Времечко». НТВ

Неведомо человеку, куда течёт абсолютная река космического времени. И течёт ли вообще? Смертные же реки наших жизней, переплетаясь, рождают причудливые и сложные узоры истории человеческих знаний, из которых всё более отчётливо вырисовывается символ, именуемый Вечным Возвращением¹. «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». А потому, как учил Платон, всякое знание не более, чем воспоминание, ибо всё, что будет завтра, уже было вчера. Да и есть ли у времени эти вчера, сегодня, завтра? Как скептически замечает американский космолог П. Девис, «никогда не было физических опытов, которые позволили бы установить течение времени»². И вместе с тем тайна Времени не даст покоя человеческому Разуму, пока загадочную улыбку Сфинкса не сгладит безмолвное и холодное пламя распадающейся Материи.

Отвечая на вопрос: что есть время для человека? — надо сначала разобраться, о каком времени идёт речь. О времени как творении или о времени как творчестве? О времени как бытии или о времени как страдании, глубоко переживаемом нами? Существует ещё абсолютное время Ньютона, в котором секунда равна секунде, час равен часу и так до бесконечности, релятивистское время Эйнштейна, своё для каждой новой системы отсчёта, меняющееся, призрачное, неуловимое. В любом из подобных случаев время — это либо длительность существования, либо последовательность смены состояния материальных систем. Здесь речь идёт о физическом времени, являющемся объективно-реальной формой существования бытия и измеряющемся столь же строгими единицами измерения. Символом такого времени может быть часовой механизм, подчиняющий человека своему ритму, механизм безжалостный, подобно будильнику напоминающий о том, что рано или поздно будет и последний звонок, после которого, однако, время продолжит свой размеренный бег, но уже без нас.

Философия знает и другие попытки подобраться к тайне времени. От Платона идёт противопоставление времени и вечности, ставшее характерным для большинства направлений христианской философии. Но кто ответит, вечность — это очень много или очень мало? А быть может, и вообще ничто? Сложность при ответе на эти вопросы заключается в том, что вечность находится вне времени или, может быть, в том самом интервале, где время в его физическом смысле кончается. И тем

не менее Платон, Августин, Фома Аквинский пытаются взглянуть на время с точки зрения того, как оно относится к вечности, видя в нём некую «пред-вечность». В таком смысле время относительно, подчинено божественной вечности как её часть и необходимо как форма вступления в вечную жизнь, а следовательно, оно, конечно, и однажды может кончиться.

*Песочные часы передо мной.
Струится за песчинкою песчинка
И тает. Слишком много утекло.
И вот уже холодное стекло
И на щеке — холодная слезинка,
И времени догнать я не могу,
Хотя бегу, пока ещё бегу...*

Говорят, что время имеет одно измерение. А имеет ли? Мы не можем выделить что-то зримое, вещественное, показать на него пальцем и сказать: вот это — время. Оно не дано нам в наших ощущениях как внешнее. И если оно и измеряется, то только через самоё себя. Какое оно изнутри? Если я никогда не видел его, то, может быть, его и нет? «Я полагаю, — писал Д. Беркли, — что последовательность идей образует время, а не является лишь его ощущаемой мерой, как считают г-н Локк и другие. Но в этих вопросах каждый человек должен думать сам за себя и говорить так, как он находит»³. Итак, время образуется последовательностью идей. По Беркли, оно в нас, и каждый должен думать о нём так, как он эту последовательность представляет. Время — это форма упорядочивания наших ощущений и ничего более.

Это очень удобно: время существует во мне, это моё мировосприятие, глубоко индивидуальное для каждого отдельного человека. Я могу не только распоряжаться им, но и творить его, по крайней мере, до тех пор, пока сохраняю возможность упорядочивать мир при помощи своих ощущений. Но как только прекращается эта прекрасная возможность ощущать, прекращается и время. Интересно, остаётся ли после этого мир?

А проблема по-прежнему остаётся.

«...Мы оспариваем у времени всякое притязание на абсолютную реальность, так как оно при этом было бы абсолютно присуще вещам как условие или свойство их даже независимо от форм нашего чувственного созерцания», — писал И. Кант в «Критике чистого разума».

Само по себе оно «ровно ничего не означает и не может быть причислено к предметам... ни как субстанция, ни как свойство»⁴.

Время по Канту — это форма чувственного созерцания, не имеющая каких-либо корней в опыте, относящаяся, скорее, к нашим представлениям о мире, чем к самому миру. Философски это довольно сложно, но в обыденном плане, может быть, время — это и есть тот самый режим, который создал для себя сам Кант, чтобы компенсировать своё слабое здоровье? И, надо сказать, ему это удалось. Кант прожил достаточно долгую жизнь, наполненную творческим трудом и материализовавшуюся во многих томах его сочинений. Смерть прервала его физическую жизнь, не осилив духовной. Умер Кант-индивид, но не Кант-личность, ибо минута смерти не в силах перечеркнуть вечности идеалов, воплощённых в судьбах великих личностей.

Не пытался ли Кант, изолируя время от мира, изолировать себя от времени?

С точки зрения здравого смысла, концепция времени Канта многим казалась абсурдом, так как она утверждала бытие вне времени точно так же, как время вне бытия. И уже этому нет никаких оправданий. Это верно, как и то, что Кант попытался взглянуть на время с иной, субъективной стороны, посмотреть, что оно есть для человека с его познавательными способностями, переживаниями, нравственными качествами, стремлением к свободе. Он пытался показать всю беспочвенность притязаний чувственности в сфере действия нравственного закона. В чувственном мире нет свободы, потому что над ним господствует время; свобода немыслима во времени точно так же, как мораль — вне свободы.

«Вечности не будет, вечности не было, а вечность есть», — писал Гегель, который впервые в философии дал мощный импульс к научному осмыслению диалектики времени. Время «есть бытие, которое, существуя, не существует и, не существуя, существует, — оно есть созерцательное становление»⁵. Движение времени, его живой пульс — вот что главное в диалектических представлениях Гегеля. Но есть ещё вопрос о природе времени, переходя к которому, философ утверждает: «Идея, дух стоит над временем, потому что она составляет понятие самого времени. Дух вечен, существует в себе и для себя, не увлекается потоком времени».

Читая Гегеля, вспоминаешь невольно: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1, 2). Было ли в этом предполагаемом библейском начале время? Если не было, то духовное начало существовало прежде всякого времени как его предпосылка и условие; если же было, то, возможно, именно время творило духовность, осуществляло путь бытия к всеобщему совершенству?

Были и русские варианты трагедии времени...

Тема времени у Ф.М. Достоевского отчётливо звучит в диалоге Ставрогина и Кириллова в «Бесах»:

— Вы стали веровать в будущую вечную жизнь?

— Нет, не в будущую вечность. А в здешнюю вечность. Есть минуты, вы доходите до минут, и время вдруг останавливается и будет вечно.

— Вы надеетесь дойти до такой минуты?

— Да.

— Это вряд ли в наше время возможно, — тоже без всякой иронии отозвался Николай Всеволодович, медленно и как бы задумчиво. — В Апокалипсисе ангел клянётся, что времени больше не будет.

— Знаю. Это очень там верно, отчётливо и точно. Когда весь человек счастья достигнет, то времени больше не будет, потому что не надо. Очень верная мысль.

— Куда же его спрячут?

— Никуда не спрячут. Время не предмет, а идея. Погаснет в уме⁶.

Нравственность, сострадание, совесть сливаются у Достоевского в узел во времени, а само время становится условием нравственного развития личности, условием самосовершенствования на пути к счастью, когда человек достигнет высшей точки, время должно отступить перед ним. Уничтожьте в человечестве веру в своё бессмертие — и в нём тотчас иссякнет любовь, нравственность, всякая живая сила. А пока...

— Я часы остановил, было тридцать семь минут третьего.

— В эмблему того, что время должно остановиться?

— Кириллов промолчал⁷.

Два плана времени переплетаются в сознании героя: земной план, где время состоит из часов, минут, секунд и несёт в себе греховность человеческой личности, и высший, связанный с преодолением греха и достижением счастья как высшей формы свободы.

Эта же мысль, но уже не в литературно-художественной, а в философской форме — у Н.А. Бердяева в «Философии свободы», где он утверждает что «бытие заболело: всё стало временным, т.е. исчезающим, и возникающим, и рождающимся... Материя есть действительность, но действительность болезненная, равно как и пространство и время»⁸. Конечно — всё это можно освоить и с чисто религиозных позиций, как наказание за первородный грех, ограничивающее нашу свободу. Но можно — и как отягчённость временем, ответственность за его ход, стремление вырваться в царство свободы с надеждой на то, что времени больше не будет, ибо всё, что не вечно, — непереносимо, теряет свою ценность. По Бердяеву, победа над рабством человека у времени, у необходимости, у смерти, у иллюзий сознания есть творческая активность, порождающая «подлинную реальность субъективности и духовности», что означает на его языке конец объективации, а следовательно, и времени и что он предлагает воспринимать как парадокс человеческой судьбы и судьбы мира, не поддающийся рациональному осмыслению⁹.

В определённом смысле это и система символов, при помощи которых обозначается не всеобщее и необходимое свойство окружающей нас бесконечного мира, а его отражение в конечном, относительно небольшом мире отдельного человека, но таком, через который только и может проходить путь к творчеству, так необходимый для человека прорыв в царство свободы. И тогда время осознаётся как личностный феномен. Его можно экономить или бездумно расточать, выигрывать или проигрывать, в один миг вмещать целую жизнь, полную любви и страданий, и всю жизнь жить ради одного мгновения с сокровенным желанием остановить его, превратив в вечность.

Проблема времени на протяжении всей истории философии волновала лучшие умы человечества, порождая желание решить эту самую сложную загадку Сфинкса, описать время росчерком пера или молниеподобным зигзагом мысли, а если и не описать, то хотя бы почувствовать реально его ход, обогнать его или хотя бы зашагать с ним в ногу. Но эта же проблема с неизбежностью вставала и перед обычным человеком в его обыденном сознании. И здесь нередко появлялись оригинальные трактовки времени, далеко не всегда соответствующие его строгому философскому смыслу и тем не менее — философские.

«У меня нет времени». Обычная фраза, брошенная в обычном разговоре. Вероятно, я характеризую ею свою занятость, но при этом опираюсь на формулировку, как бы отрицающую наличие моего личного времени в данный момент.

«Всему есть время». А это — и намек на то, что время ещё не подошло, и своеобразная характеристика временного плюрализма.

Есть ещё и страшная в своей пустоте оценка «безвременье». Это метафорическая оценка времени, стоящая за его действительной сущностью, но отражающая временные аспекты, важные в непосредственной человеческой жизни. Таких оценок можно набрать достаточно много, и каждая из них, будучи связана с общими характеристиками времени, имеет свой, глубоко индивидуальный смысл.

Человек по-разному переживает время. Это может зависеть как от обстоятельств исторического плана (различные темпы развития), так и от состояния самого человека (ожидание — и тогда время тянется бесконечно долго; спешка — и тогда его катастрофически не хватает; безделье — и тогда времени хоть отбавляй; за работой, особенно если она по душе, время проходит незаметно и т.п.). Всё это не меняет метрику времени. Если бы где-то в стороне стоял беспристрастный наблюдатель и фиксировал происходящее с помощью хронометра, он мог бы засечь одинаковые интервалы времени и при ожидании, и при спешке. Но никакой хронометр не показал бы состояние души пребывающего во времени, его личностное отношение к ходу событий. Огромная внутренняя работа мысли и души невыразима посредством физических мер длительности и последовательности, как невыразимы с их помощью и изменения, происходящие в личности. Здесь кончается область количественной меры бытия и начинается сфера духовного.

Человек по-разному использует время. И тем самым в определённой мере творит его. Ведь в одну и ту же единицу времени может произойти различное количество самых разнообразных событий. И наиболее существенные из них связаны с человеческой деятельностью, которая только и может придать времени как форме определённое содержание.

Своей деятельностью человек наполняет время, придаёт ему смысл, позволяет реально разобраться в сложном переплетении прошлого, настоящего и будущего.

Истинное время — это единство объективного и субъективного, течения и мысли, действия и переживания. Представление о времени как однородной и только физически меняющейся длительности, падающей на мою голову подобно капле воды, напоминает о механицизме, грубом, вульгарном материализме, не способном

разобраться в этом вопросе с учётом тех сложнейших процессов, которые происходят в глубинах личности и выражают духовную ситуацию процесса развития. Но и представление о времени, идущем только в глубинах нашего сознания, создаёт ситуацию кошмарного сна, с его алогизмом, временными провалами, внезапными исчезновениями и появлениями проблесков угасающей мысли.

В едином времени есть различные природные, биологические, социальные аспекты. Одни и те же часы показывают в каждый момент одинаковое время. А это означает, что существуют и индивидуальные связи и отношения с универсумом, вполне укладывающиеся в рамки глобальной философской всеобщности и не противоречащие ей.

Время для отдельного человека — это не только интервал, ограничивающий рамки его индивидуального бытия, своеобразное жизненное пространство; оно характеризуется полнотой его жизнедеятельности, нравственными, эстетическими, философскими, религиозными и др. характеристиками бытия, описывающими творческие возможности человеческой жизни. Время создаёт человека. В то же время человек по-своему творит своё время.

Диалог с автором «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы»:

— Время есть форма бытия материи. А что же тогда содержание?

— Меняющееся бытие, то, что не являясь временем, развертывается в нём. Материя, например.

— А время? Само время имеет ли свою внутреннюю форму и соответствующее ей содержание?

Философ смотрит на меня с укоризной.

Негели утверждал, что «мы знаем точно, что означает один час, один метр, один килограмм, но мы не знаем, что такое время, пространство, сила и материя, движение и покой, причина и действие»¹⁰.

«Это странная история, — возражал ему Энгельс. — Сперва создают абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познавать эти абстракции чувственно, желают видеть время и обонять пространство».

Похоже на известный спор о природе общих понятий: имена они или реалии? А может быть, речь идёт о сущности и существовании?

Существует ли сущность? Или существующее существенно? Да будь я Гегелем в многократной степени, ответить на эти вопросы достаточно сложно.

Можно рассматривать пространство и время как философские категории, при помощи которых мы описываем некоторые существенные свойства окружающего нас мира. В таком случае это предельные абстракции, основным свойством которых является всеобщность. Абстракция на основе обобщения и отвлечения в ходе познавательной деятельности в мозгу человека, при этом понятно, что обобщали мы реальность и отвлекались от неё же. Извлечённое нами из реальности понятие времени приобретает относительную независимость и научный характер, но лишается любых атрибутов телесности, постепенно растворяясь в самом себе подобно тому, как онтологическое время растворяется в бытии, не существуя отдельно от него. Таким образом,

мы имеем не само время, а лишь философское представление о нём. Вопрос заключается лишь в том, как это представление относится к действительному времени.

«Мы знаем, что такое час, метр, но не знаем, что такое время и пространство, — продолжает спор Энгельс. — Как будто время есть что-то иное, нежели совокупность часов, а пространство что-то иное, нежели совокупность кубических метров!»⁹. С точки зрения метрики времени и геометрии пространства, это действительно так. Понятие должно быть адекватно тому объекту, который оно описывает. Но быть адекватным не означает быть тем же самым и частью того же самого. Природа понятий заключается в том, что они являются отвлечениями от большого количества конкретных свойств, фиксируют только наиболее общие, существенные свойства объекта, выражают мысль о том, что данный объект тождественен самому себе и не является чем-то другим. Тогда за пределами понятия остается всё многообразие живого, существующего независимо от нас мира.

Понятие идеально. И тем не менее оно имеет обычай, обособившись от объекта, самостоятельно ходить по свету, как бы не замечая призрачности своего существования. Оторванные от объекта понятия являются мифом. Возможно, таково и время как абстракция, созданная философом? Но если так, то и начало, и конец этой абстракции где-то в голове человека, в плоскости исключительно гносеологической. Каждый по-своему творит понятие «время». И каждый думает, что оно и есть наше представление о времени.

Каждый заблуждается по-своему. Видимо, нельзя представить время и в виде совокупности секунд, часов, столетий, тысячелетий. Это лишь чисто количественная сторона, и простое суммирование ничего не даст для метафизики времени или в лучшем случае даст саму метафизику как чисто количественное представление о мире. Подобно тому, как реальное пространство не является складом кубических метров и не состоит только из них, реальное время не является чистой длительностью, замыкающейся в самой себе.

Время имеет свою личностно-событийную сторону. Что-то происходит во времени нашей жизни. Количество событий в единицу времени, а также их качественная сторона различны у каждого из нас. Здесь речь идёт

о наполненности времени, которая в различные временные интервалы может быть различной. «Наполненности времени» — прямой результат активно-творческой деятельности людей. Эта наполняемость и определяет сущность личностного времени, являющегося не более чем разбитым отражением вечности.

Как утверждал со слов Борхеса Эрффорд, происшедшее однажды во времени непрерывно повторяется в вечности. Продажные судьи и ныне приговаривают безвинного, но ненавистного им Сократа к смерти, и ныне Иуда предаёт своего Учителя, получая за свой поцелуй грязные сребреники, и ныне нищие духом тайно грезят о «новом небе и новой земле», куда «не войдет ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Отк. и 21, 27); и ныне смиренные, попираемые кровавыми калигулами и неронами, уповают на спасительную миссию покаяния, открывающего им вход в обещанный новый великий город Его, где не существует времени, где больше не будет ни смерти, ни слёз, ни болезней.

Мало чем отличаемся мы, сегодняшние, от них, вчерашних. Ни мы, ни они никогда не имели власти над природой, хотя в гордыне своей непомерной всегда мнили себя выше неё и называли себя венцом её. Человек всегда был и остаётся в подчинении природных ритмов, а потому не знал и не знает цены времени. Родившись, идёт он через дни смерти по неведомому ему жизненному пути в суете и томлении духа. «Вглядись-ка пристальней, — горько восклицал Сенека, — ведь наибольшую часть жизни тратим мы на дурные дела, немалую — на безделье, и всю жизнь — не на те дела, что нужно. Укажешь ли ты мне такого, кто ценил бы время, кто знал бы, чего стоит день, кто понимал бы, что умирает с каждым часом? В том-то и беда наша, что смерть мы видим впереди; а большая часть её у нас за плечами, ведь сколько лет жизни минуло, всё принадлежит смерти»¹¹.

И ныне Екклесиаст проповедует: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». Всё — «суета и томление духа».

Не означает ли это, что Апокалипсис не грядёт, а уже давно пришёл и в жизнь, и в души людей, самим себе непонятных?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В статье использованы фрагменты моих многочасовых бесед и споров о вечном и бренном с профессором кафедры философии В.А. Пименовым, несколько лет назад ушедшим в страну вечной весны, откуда, к сожалению, нет возврата.

² П. Девис. Пространство и время в современной картине Вселенной. М., 1979. С. 279.

³ Беркли. Сочинения. М., 1978. С. 526.

⁴ Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 139.

⁵ Гегель. Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1975. Т. 2. С. 54—55.

⁶ Достоевский Ф.М. Бесы. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 188.

⁷ Там же.

⁸ Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 1989. С. 115—116.

⁹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистской философии. Париж, 1939. С. 60—61, 122.

¹⁰ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 550.

¹¹ Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 5.

М.М. Верхованцев

Конец старого Весьегонска

*На каждом человеке лежит отблеск истории.
Одних он опаляет жарким и грозным светом,
на других едва заметен, чуть теплится,
но он существует на всех.
История полыхает, как огромный костёр,
и каждый из нас бросает в него свой хворост.*

Ю. Трифонов

Маленький городок Весьегонск расположен был в дальнем углу Тверской губернии. Назван он городом в 1776 году, а расцвёл в первой половине XIX века благодаря открытию Тихвинской водной системы. Это был город купцов и мещан, мещане пробавлялись в пору огромных ярмарок.

В старом Весьегонске было пятьсот дворов да пятьсот коров, прекрасные заливные луга — вот главное богатство прежнего Весьегонска. Несколько церквей, ряды кирпичных зданий на главных улицах.

Своя провинциальная культура, свои городские традиции. Десятки помещиков постепенно разорялись, проживая в разных местах огромного уезда.

Если среди крестьян и в 1905, и в 1917 годах было брожение, то в сам Весьегонск никакие революционные ветры не проникали вплоть до 28 января 1918 года. Накануне в город вошли красногвардейцы во главе с Долгиревым, и вечером в Народном доме состоялось собрание граждан, на котором с протестом против узурпации власти выступил учитель Михайлов. Ему еле удалось избежать ареста. Так начался и для нашего города новый период; мало кто знал, что его ожидает.

Первыми почувствовали опасность дворяне-помещики. Все они, за малым исключением, покинули уезд. К сожалению, нам известна судьба лишь немногих из них. Куда-то делись Колобакины и Корсаковы, либеральные дворяне, кадеты, по существу готовившие революцию: их родственница, жена известного поэта Ходасевича, Нина Берберова издала в 90-х годах книгу «Курсив мой», но о судьбе своих родных написала мало. Интересным представляется упоминание об Ухтомских. Князь Александр Ухтомский был владельцем имения Тухани (по дороге из Весьегонска в Сандово). Вот что пишет о семье Ухтомских Нина Берберова:

«Сестра моего деда, Ольга Дмитриевна, для меня всегда была каким-то подобием Анны Карениной. Она была замужем за князем Ухтомским, сошлась с другим,

родила от этого другого сына (впоследствии скульптор, расстрелянный в 1921 г.), уходила от мужа, возвращалась к нему, ездила за границу и не получила развода. Сын носил фамилию мужа, и этот муж, хоть и знал, что сын не его, не отдавал ей мальчика и мучил их всячески». Сын Ухтомского, Сергей Александрович, оказался в 1918 году в Весьегонске, был арестован как сын князя, но отпущен с обязательством вылепить бюст Карла

Маркса. Бюст был торжественно установлен к первой годовщине революции около здания Весьегонского исполкома. Сам Сергей Александрович Ухтомский в 1919—1921 гг. жил в Доме Искусств, в Петрограде, где жили писатели и поэты: Мандельштам, Грин, Нарбут и другие. С.А. Ухтомский был расстрелян по делу Таганцева вместе с Н. Гумилёвым в 1921 году.

Как же сложилась судьба самого князя Александра Ухтомского? Известны его письма, полученные управляющим имения в Туханях. Князь жил в Москве, служил до революции в каком-то учреждении, мечтал после окончания войны вернуться в имение. Вот последнее его письмо, датированное 9 марта 1917 года: «*Берегите дом и зорко следите за целостью леса. Лес мне пока не покупай, обожди. Чаще тиши, чтобы я был спокоен. Время покажет, что будет дальше, будем ли мы иметь земельную собственность? Прошу застраховать хлеб и сено на случай поджога...*». Так и не удалось князю Ухтомскому побывать снова в Туханях, вскоре он был убит.

Как сложилась судьба одного из лидеров кадетской партии Фёдора Измайловича Родичева? Его называли народным трибуном. Летом 1917 года он приезжал в родной Весьегонск и пытался помочь земским деятелям, попавшим в море крестьянских волнений. После Октября Ф.И. Родичев эмигрировал и заканчивал свою жизнь в бедности, отойдя от политической деятельности. В 1932 году он умер в Швейцарии почти одновременно со своей женой.

Ёгонский помещик, человек высокой культуры, Николай Павлович Гронский уехал в Париж и там преподавал

в университете. Сын Гронского Николай был влюблён в Марину Цветаеву, погиб в парижском метро. После смерти сына супруги Гронские разошлись, и скоро Николай Павлович умер.

В уезде остались лишь молодые Калитеевские, они даже пытались в своём имении, Попове, организовать сельскохозяйственную коммуну, но были высмеяны властями. Они не уехали, остались работать на благо России, но в 1941 г. И.Н. Калитеевский был арестован и погиб. Его сын Н.И. Калитеевский стал профессором Ленинградского университета.

Осталась в Вёсьегонске дочь родовитого и властного макарковского помещика Арсения Измайлова. Революционно настроенная Любовь Арсеньевна Измайлова в своё время призвала громить помещичьи гнёзда. Любовь Арсеньевна стала работать учительницей в Вёсьегонской школе, вышла замуж за учителя И.И. Попова, в двадцатых годах умерла, заразившись корью от своей дочери. Сын её, Ириной Попов, погиб на фронте.

В конце позапрошлого века в Вёсьегонском уезде работал врачом барон Криденер, сводный брат известного русского художника Перова. Барон Криденер женился на простой женщине, дети которой с фамилией Алексеевы до последнего времени жили в одном из крайних домов по улице Красного Спорта (ул. Серова).

Семья вёсьегонского врача Н.И. Ефремова находилась в дальнем родстве с Коковцевыми, а граф Владимир Николаевич Коковцев был Председателем Совета Министров в предреволюционное время. Я запомнил в 1938 году его внука, рыжеволосую красавицу Нину Коковцеву. Она тогда училась в десятом классе. Её отец Андрей Коковцев был в 1941 году расстрелян в Калинин фашистами. Так иногда складывались судьбы российских аристократов.

Остался кое-кто из купцов, но и они вынуждены были в конце концов покинуть город. Так, приказчик Алексей Колмаков незадолго до революции женился на дочери богатого купца Козлова. В начале тридцатых годов был арестован, сослан на север и вернулся в город глубоким стариком. Остался и владелец «кдюквенного» завода Иришкин, ему, словно в насмешку, сдали в аренду собственный завод и обложили такими налогами, что он не смог их выплатить и куда-то сбежал из города.

Рассказ наш идёт о «бывших», и термин этот нам надо объяснить, потому что хотя бы, что слово это давно исчезло из употребления. «Бывшими» в двадцатые–тридцатые годы прошлого века называли тех, кто так или иначе до революции относился к обеспеченным слоям общества. То есть он мог быть совсем не богат, но носил шляпу и очки, читал книги, и уже это вызывало подозрение. «Бывшие» обладали теми душевными качествами, которые почти исчезли, как исчез и этот

термин, они были трезвы, трудолюбивы и обязательны. В Вёсьегонске жило много «бывших». Несмотря на то, что их детям трудно было поступить в институт (туда в двадцатые–тридцатые годы принимали лишь выходцев из крестьян и рабочих), дети «бывших» вёсьегонцев стали инженерами, врачами, учителями.

К «бывшим» относился, например, акцизный чиновник Прозоров, дом его и теперь стоит на улице Серова, а парадный мундир и шпага переданы в музей. Киевский чиновник Власов прожил в Вёсьегонске, в своём доме на улице Александровской, умер сравнительно недавно, после него осталась большая библиотека на трёх языках. А вот тоже грамотный А.В. Рахманов из «бывших» был арестован и погиб.

После революции остался в Вёсьегонске Семён Гаврилович Смирнов, фотограф и владелец магазина аптекарских товаров. В 1915–1916 гг. он издал серию почтовых карточек с видами Вёсьегонска. Теперь, именно благодаря ему, мы имеем представление, каким был наш город когда-то.

Многие богатые купцы уехали, судьба их неизвестна. Правда, горожане с такими фамилиями, как Галановы, Липановы, Зыковы, Иришкины, Коцегаровы мне встречались, но это побочные ветви знаменитых вёсьегонских купеческих фамилий или даже однофамильцы. Известна судьба Николая Николаевича Голованова (дом этого купца и теперь стоит на перекрёстке улиц Кирова и Скобникова). Этот купец прославился как книжник и переводчик Шекспира и Шиллера. Он ещё до революции переехал в Москву, занимался книжной торговлей. Его внук Ярослав Голованов стал извест-

ным советским журналистом.

✎ Остатки Троицкой церкви

В начале века жандармское управление привлекало к ответственности священника Павла Москвина, он, видите ли, вздумал основать что-то вроде клуба. Священник действительно был либерального направления, а его сын стал в советское время проректором Тартуского университета, он, кстати, похоронен на Вёсьегонском кладбище. У Павла Москвина была и дочь, она вышла замуж за священника Тугаринова, тот был арестован и погиб на каторге. Зоя Павловна Москвина десятки лет проработала библиотекарем в Вёсьегонской школе и умерла на 95-м году.

За советский период были уничтожены почти все церковные служащие, включая даже пономарей. Из священников на свободе остался лишь Константин Троицкий, который и открыл вновь в 1943 году Вёсьегонскую церковь. Расстреляны были священники: П.Н. Титов, А.П. Тихмиров, А.Н. Шукин, пресвитер общины евангелистов В.И. Трошанов. Высланы в Казахстан монахини М.И. Коршунова, Н.И. Коршунова,

Е.П. Баранова, священник А.И. Голиков. Расстреляны монахини М.В. Фунтикова и Н.В. Сударушкина.

Два жителя весьегонских сёл и сын весьегонского помещанина после окончания городского училища поступили в учительские семинарии. Это были Фёдор Васильевич Степунин из Пореева, Михаил Герасимович Ушаков из Ёгон и весьегонец Павел Гаврилович Князев. Как раз, когда эти трое окончили семинарию, началась Первая мировая война. Все трое были «прапорщиками военного времени», затем получили звания поручиков и к 1917 году стали штабс-капитанами. И после 1918 года им, выходящим из трудовых семей, пришлось испытать всё то, что досталось на долю царских офицеров.

Двадцатые–тридцатые годы было совершенно искажено понятие «кулак». Кулаками стали называть трудолюбивых крестьян, часто имевших большие семьи и вынужденных поэтому держать большое хозяйство. Это были вовсе не кулаки. А слово «кулак» существовало и до революции. Кулаками называли деревенских торговцев. Вспомним стихотворение Некрасова: «...*Науму пачочный завод / и дворик постоялый / дают порядочный доход, / Наум — неглупый мальч*».

В южной части уезда жили: Парамонов, Ерин, Матаруев.

Теперь потомков этих торговцев в районе не осталось. Хотя в городе ещё в тридцатые–сороковые годы учились Матаруевы. Где они теперь?

В селе Любегощи стоят рядом два двухэтажных дома, которые прежде принадлежали деревенским торговцам Цыгановым. Эта фамилия и теперь в Весьегонске известна: из этой семьи вышло несколько хороших врачей, в том числе заслуженный врач республики Нина Алексеевна Цыганова.

Ещё лет двадцать назад в деревне Савёлово стоял двухэтажный дом совсем не деревенской постройки. В этом доме находилась школа, где работала учительница Москвина. Она и рассказала мне его историю.

В семидесятых годах XIX века Парамонов служил дворником в Петербурге. Якобы у Парамонова в дворнической была явка народолюбцев. Однажды народолюбцы дали Парамонову довольно большую для него сумму денег и попросили его держать всё время горячий самовар, пока не придёт полиция или жандармы. В этом случае он должен будет ответить, что господа только что отпили чаю и ушли. Жандармы, действительно, явились и приказали Парамонову в 24 часа выехать из столицы на родину. Поселившись в Савёлове, Парамонов сначала купил лес, начал строить дом, стал богатым лесоторговцем. В саду за домом он пустил в пруд лебедей, у пруда гулял павлин. Парамонов считал ниже своего достоинства якшаться

с односельчанами: принимал в гости лишь священника, исправника, городских чиновников. Однажды в дом пришёл муж кухарки, поссорившись с ним, Парамонов спустил его с лестницы и забил ногами. Как он потом сам признавался, откупиться от обвинения в убийстве ему стоило столько золота, что из него якобы можно было вылить фигуру человека.

Сын Парамонова спился и рано умер, отец горевал, считал, что это наказание за его грехи, за невольную помощь в убийстве Александра II. Движимый раскаянием, он построил часовню в своей деревне, она сохранилась до сих пор. Революцию старик Парамонов встретил внешне спокойно, хотя из его дома вывезли целый обоз мебели и другого добра. В доме разместилась начальная школа; долго Парамонов служил при ней, кротко разогревая самовар и звоня в колокольчик на переменах. Дом Парамонова в семидесятых годах был перевезён из Савёлова на центральную усадьбу.

☞ *Берег Рыбинского водохранилища*

До революции в селе Романовском жил богатый мясоторговец по фамилии Ерин. Незадолго до 1913 года, до того срока, когда в России было отменено золотое обращение денег, Ерин обменял несколько тысяч рублей на золото. Когда пришла советская власть, про это, конечно, вспомнили. Ерина таскали в местное ГПУ, возили в Тверь, где допрашивали с пристрастием,

требовали сказать, куда он запрятал золото. Но старик крепился и утверждал, что деньги потратил на строевой лес. Тогда Ерина услали на Север, откуда он вернулся через десятки лет. Кто-то из земляков в 1925 году поджёг огромный дом Ериных. Ходили слухи о золоте, найденном на пепелище, но, вероятно, это были лишь слухи. Очевидно, старик Ерин оставил денег родным, потому что они вновь выстроили дом, да ещё такой, в котором во время коллективизации поместились колхозная контора, библиотека и клуб. Но история эта имеет продолжение: в 1976 году огромный дом был снова подожжён и сторел дотла. Теперь на месте дома выстроено кирпичное здание магазина.

Весьегонск всегда считался городом ссыльных. Что поделать — «подстоличная Сибирь». Известны имена сосланных в Весьегонск Барташевичей, Платоновых. Сослана была и родственница революционера Кропоткина, она, кстати, оставила записки о Весьегонске 20–30-х годов. Слышал я и романтическую историю... До революции членом городской управы был архитектор Николай Ефремов, он воспитывал пятерых детей. Его сын, Владимир Ефремов, стал одним из первых комиссаров Весьегонского исполкома. Дочь Ольга Ефремова окончила гимназию, участвовала в постановках городского театра. Она приютила беллого офицера по фамилии Чернов, у них был сын. Но офицера арестовали, и он

пропал. Этакая Любовь Яровая из Весьегонска! Сын Ольги Николаевны, Владимир Алексеевич, носивший уже фамилию не Чернов, а Цыганов, выучился и стал доктором медицинских наук.

В 1923 году в Петрограде был арестован протестантский священник Иоанн Александрович Дейбнер. В 1932 году освобождён из тюрьмы и сослан в Весьегонск, жил на улице Вагжанова. В 1937 году убит грабителями вместе со своей женой. В нашем мирном городе? Что-то в этом убийстве не совсем ясно, возможно, тут сыграло свою роль НКВД.

Хорошо я знаком был с сосланной в Весьегонск семьёй Бориса Михайловича Беляцкого. Колчаковский прапорщик, он ранен был в Сибири и сослан. Работал в Весьегонской школе, был хорошим учителем физики, шахматистом, скрипачом. Жена его Мария Семёновна Олехнович преподавала в Дельской школе.

В тридцатых годах в Весьегонск был прислан в Химлесхоз Казимир Урбанович. Он был в 1937 году арестован и расстрелян, потомки Казимира Урбановича и теперь живут в Весьегонске.

Как и везде в стране, в Весьегонском районе в 1929—1930 годах проводилась насильственная коллективизация. Даже в Весьегонске была создана коммуна, затем реорганизованная в колхоз. У меня нет сведений о том, как проходила эта

коллективизация. Мне известно лишь о «бабьем бунте» в Любегощах, когда женщины забрали своих голодающих коров из колхозного скотного двора. Известна, конечно, трагическая история Цветкова, раскулаченного в 1930 году. Цветков, убив свою жену и детей, начал убивать советских и партийных работников. Вооружён он был хорошо, смел, беспощаден, но, главное, ему сочувствовали крестьяне. На Цветкова устраивались облавы, но он всегда уходил от них. Было собрано в Весьегонске ополчение, начальником его поставили бывшего будёновского командира Фёдора Никитьевича Мартынова. Наконец, в деревне Иван-Гора Цветкова обложили. Первым сунулся в избу помощник начальника милиции Милов, он получил пулю в лоб; за ним шёл Ф.Н. Мартынов, он отделался касательным ранением. Тогда избу сожгли вместе с хозяйкой и Цветковым.

У жены милиционера Милова остался сын Лёша, я учился с ним в одном классе. Мать его вышла замуж за начальника милиции Благочева, тот застрелился в 1937 году, когда шли аресты и расстрелы невинных.

Многие ошибочно считают, что сельское хозяйство было разрушено в годы перестройки. До сих пор мы боимся прямо сказать, что ещё раньше погубила наше сельское хозяйство насильственная коллективизация. Сотни крестьянских семей в Весьегонском районе подверглись репрессиям и раскулачиванию. Сохранились списки

раскулаченных в 1929—1931-х годах: семья Варинных из Самойлова в составе пяти человек, семья Игнашиных из Губачёва — одиннадцать человек, семья Грибушкиных из Раменья — семь человек и другие.

Многих в 1930—1931 гг. сослали в отдалённые Сибирь и Казахстан. Например, высланы были два брата из Любегощей — шестидесятилетний Иван Быков и семидесятилетний Михаил Быков, а из деревни Косодавь — шестидесятилетний Фёдор Филиппов. В 1930—1931 годах крестьян ещё не расстреливали, но впереди маячил кровавый 1937-й...

Последовательно в 1937 году в Весьегонске были вскрыты «заговоры» в народном образовании, агрономии, зоотехнии, на маслодельном производстве и в других предприятиях и учреждениях города. В школе была «раскрыта» группа учителей, которые имели смелость собираться друг у друга и играть в преферанс, они были

арестованы. Среди них те, чьи фамилии мне известны: Бакута и Майстрин, П.В. Титков, Муратов. Пострадал и директор школы Василий Семёнович Шаров, коммунист с дореволюционным партийным стажем. После исключения из партии он был на приёме у Шверника. Тот довольно грубо спросил: «Ты кем работал прежде?». «Кузнецом», — ответил Шаров. «Вот и иди, работай кузнецом!» — сказал Шверник.

Возможно, эта показная грубость Шверника и спасла Василия Семёновича: он стал работать кузнецом, не был арестован и дожил до 94 лет.

Аресты 1937 года были лишены всякой логики, арестовывали по доносам, за случайно сказанные слова. Так, старик И. Дубинин как-то сказал: «Не было Совета — не видала ж--- света», — и похлопал себя по заплатанным штанам. Дубинин был расстрелян. Был взят и пропал начальник почты Быстрицкий. Отсидел 10 лет старожил В.С. Корнев.

Ещё в декабре 1936 года в кинотеатре города показывали документальный фильм «Доклад товарища Сталина о Конституции». Неловкий докладчик на экране, заикаясь и останавливаясь, что-то говорил. Время от времени он подносил к губам стакан с водой. Кто-то из зала крикнул: «Дай нам попить!». К крикнувшему бросились, вывели из зала. В те же дни старожил Василий Михайлович Башаров играл в бильярдной, его попросили: «Перестань стучать, дай послушать доклад». Передавали по радио доклад Сталина о Конституции. «Да я за этот шар всю Конституцию отдам», — легкомысленно сказал Башаров и стукнул кием по шару. Расстрелян.

Расстрелян был В.А. Караганов, отец известного общественного деятеля Александра Караганова и дед одного из советников Президента — Сергея Караганова. В 1937 году был расстрелян и родственник

Вдоль берега Рыбинского моря. Крест, установленный в память репрессированных и в память о разрушенном городе

Карагановых — Прокопий Кирьянович Носырин. Он происходил из купеческой семьи, дом Носыриных был перевезён из Малой Липенки.

Печальна судьба учительницы Анны Павловны Корневой. Она училась в аспирантуре Ленинградского пединститута, когда её научный руководитель Байков был расстрелян; Анну Павловну сослали в Тюменскую область, а потом на родину, в Весьегонск, под надзор чекистов. Все опасались Анну Павловну. Не жившему тогда — не понять то время, ту страшную обстановку.

Прошли аресты в сельхозотделе. Были арестованы: В. Жилкин, А.В. Образцов, Крисанов, Волков, Реванков, А.О. Нечаев, В.С. Спиров. Все, к счастью, вернулись, но намучились досыта в застенках. На маслозаводе был арестован, но тоже вернулся Карл Васильевич Двеселит.

Из «Книги памяти жертв политических репрессий Калининской области» известно, что за полтора года, в 1937—1938 гг., было расстреляно около пяти тысяч

*«Этот стук людей трудящихся,
мирно спящих, разбудил,
и мы в трепете проснулись.
Боже мой, творится что?
Кто тревожно так стучится
в наше тихое окно?»*

*Дверь в испуге открываем,
там милиция стоит
и преступников невинных,
арестованных берёт.
И мы робко провожаем
дорогих. А что с нас взять?»*

При строительстве Рыбинского водохранилища в конце тридцатых годов были образованы гигантские концлагеря системы Волголага (тогда система носила название «Волгострой»). Эти лагеря тянулись от Рыбинска до Весьегонска. Центр лагерей находился в Переборах, около Рыбинска. Заключённые рубили лес. Смертность в лагерях была высокой. Всего в тех местах, где располагался Волголаг с 1936 по 1953 год похоронено более 880 тысяч человек. В самые сложные годы строительства в год погибало до 100 тысяч человек. Тела сотнями сваливали в окрестных лесах и присыпали курганы землёй. Ещё в шестидесятых годах в пригородах Рыбинска начались торфоразработки, рабочие наткнулись на крупное захоронение. Начальник участка приказал сносить кости в кучу. Через несколько лет в лесу выросли огромные пирамиды из черепов. Потом бульдозер сравнял останки с землёй.

Ещё в 1935 году прибыл в Весьегонск уполномоченный по переносу города Козлов. Запрещено было строить новые государственные объекты и ремонтировать старые. Весьегонск должен был быть затоплен, но об этом знали далеко не все, а те, кто знал, не особенно верили, что власти пойдут на такой шаг. Но они пошли..

Мы с матерью и братом были высланы в этот город в 1938 году. После Подмосковья, где мы провели полтора года, Весьегонск показался мне мрачным: суровая река, пасмурная осень, старые здания, невесёлые люди. В городке были культурные учреждения: кинотеатр, Дом пионеров, горсад; действовали педучилище и две школы (средняя и семилетняя), находившиеся в капитальных кирпичных зданиях. В городе собралась своеобразная провинциальная интеллигенция, существовали городские традиции, текла определённая общественная жизнь. Я не помню выступления театрального коллектива, его уже, вероятно, не было в том 1938 году. Но физкультурное движение было, лишь перенос города и война положили ему конец, и оно до сих пор не может возродиться. По улицам ходили юноши и девушки с книжками в руках, школа светилась огнями по вечерам, проводилась кружковая и внеклассная работа. Зимой в горсадку работал каток, а летом все отдыхали на песчаном пляже Курмыше. Не замечали мы на улице пьяных, видно, в те годы было неприлично пьянствовать. Весьегонск выглядел городом (теперь это череда посёлков). Центр состоял из кирпичных зданий, в городе были тротуары, электрические

☞ Гостинодворская улица во время водополья. 1915 г.

жителей области, в Весьегонском районе — более семидесяти человек.

Среди расстрелянных много людей 1860—1870-х годов рождения. Можно предположить, что эти старики, прожившие основную часть жизни при царской власти, были не в восторге от голодных двадцатых и тридцатых годов и, вероятно, ворчали. Но расстреливать глубоких стариков, в какой стране это возможно?

В печальных списках много священнослужителей, расстреляны не только священники, но и монахини, пономари и даже церковные сторожа. И всё же основное количество репрессированных — это кузнецы, бондари, сапожники, пчеловоды и другие специалисты. Прерваны семейные династии, трудно теперь ждать быстрого подъёма экономики.

Когда же было реабилитировано основное большинство расстрелянных? Родственники пострадавших, те, что грамотнее, подали заявление о реабилитации ещё в шестидесятые годы, а робкие неграмотные крестьяне не подавали заявлений, и основную массу реабилитировали по постановлению областных органов только в 1989 году, в пору перестройки.

В Весьегонском районе, как и во всей области, расстреливали женщин! Расстреляли весьегонскую монахиню М.В. Фунтикову, у неё нашли стихи:

фонари. Впрочем, окраины походили на деревню, везде пасли стада гусей. Продовольственное и промтоварное снабжение было ужасное, старики теперь, идеализируя прошлое, вероятно, забывают, как было на самом деле. В магазинах редко появлялся белый хлеб, не было сахара и чая. Одежду, обувь и прочее купить было трудно, да и стоило это дорого. Многие семьи жили очень бедно, да и, вообще, нельзя сравнить теперешнее наше материальное положение, на которое мы так жалуемся, с положением жителей довоенного Весьегонска. Особенно тяжело приходилось семьям крестьян, сбжавшим от голода из деревни. Напротив дома Немировских, где мы жили, обитали на квартире семья Васильевых. Тогда-то я, мальчик из московской семьи, впервые увидел настоящую нищету. Семья Васильевых была большая, девочки и мальчики спали вповалку на полу, не было даже простыней. Питались очень скудно. И таких семей по городу было много.

Зима 1939—1940 года, как известно, выпала очень морозная. Советский Союз проводил Финскую военную кампанию, которую потом Твардовский назвал «незаметной войной». Но даже такую войну экономика страны не выдержала, снабжение стало ещё хуже. Помню, к Новому году учителям, имеющим детей, выдали по килограмму соевых конфет, а в школе на большой перемене школьникам выдавали по куску чёрного хлеба, посыпанного сахарным песком. Плохо было с продовольственным снабжением и в 1940-м, и в 1941-м предвоенных годах. К счастью, действовали огромные базары, сохранившиеся с далёких ярмарочных времён. В четверг был меньший базар, зато в воскресенье торжище занимало чуть ли не всю Гостинодворскую площадь: был гончарный ряд, продавались колёса для телег, дуги, дрова, горожане их покупали (теперь это показалось бы нам странным).

На базаре можно было купить мясо, творог, масло, мёд. Но вот беда — зарплаты до войны были мизерные, и никто в Весьегонске не получал хороших денег.

Открылась печальная страница истории Весьегонска — город начали разрушать. Можно было бы перенести город в течение нескольких лет, конечно, учёные знали: ложе водохранилища будет заполняться до проектного уровня лет пять. Но такова уж была советская манера, советская боевитость — дома было приказано перенести в течение зимы 1940—1941 года! Сначала районный центр был перенесён в Телятьево, местечко около деревни Иваново. Почему это было сделано? Злые языки говорили, что оттуда Депутат Верховного Совета (забыл фамилию). Кто знает, чем руководствуются наши власти, совершая одну ошибку за другой? Затем район был перенесён в село Кесьму, отстоящее от железной дороги на 7 километров. Район был назван Овинищеским,

по названию небольшой станции железной дороги. Почему не Кесемским? Опять игры?

Стали разрушать общественные здания. Кирпичные переносу, конечно, не подлежали. Здание старой гимназии долго не поддавалось, слишком крепка была кладка. Десятиклассники под руководством пионервожатой Маруси Васильевой провели последний школьный вечер в полуразрушенном здании. Танцевали при керосиновых лампах и расписывали стены прощальными лозунгами.

Общественные деревянные здания частью перевозили в Кесьму. Заставили колхозников исполнять гужевую повинность, нагружали несколько брёвен на сани. Везти надо было 45 километров, лошадь не справлялась с грузом, колхозники сбрасывали часть брёвен, дорога была усеяна брошенными брёвнами. Владельцы частных домов получили небольшие деньги на перенос. Некоторые не стали переносить дома, а уехали из города, уехали и те, кто не имел своего дома, часть работников

перебрались в Кесьму, часть — в большие города. Переехало в Красный Холм и педучилище. Весьегонск потерял большую часть интеллигенции. Казалось, это был, вообще, конец Весьегонска. Перенос домов шёл мучительно, зима опять была морозная. Кто же строится зимой? Плотники взвинтили цены, дома, конечно, собирались наспех. Но так или иначе, к весне 1941 года здания города были разрушены или разобраны, город переносился на территорию вдоль дороги на вокзал, это было сухое место, но часть жителей вынуждена была строиться на довольно низких местах (улицы Советская, Кирова, Александровская и ряд других). Вырубался вековой лес, никто не думал жить среди сосен, жителям нужен был огород. Дома располагались, на первый взгляд, как попало, и новый Весьегонск представлял собой тогда грустное зрелище. Но самое главное, создавалось впечатление, что город был брошен на произвол судьбы. Не было зданий для поликлиники, школы, Дома культуры. Нерегулярно подавался электрический свет от слабой электростанции, а в военные годы электростанция просто не действовала. Недалеко расположенный, тоже старинный город — Молога — просто исчез с географической карты. Весьегонск стал именоваться посёлком, но сохранил название, спасло то, что он стоял на железной дороге. К нашему времени население Весьегонска увеличилось вдвое. Город на берегу Рыбинского водохранилища окружают прекрасные сосновые леса. За шестьдесят лет построено много современных зданий. Всё так. Но теперешний Весьегонск ни видом, ни духом не похож на старый. Тот исчез под водой, как исчез когда-то легендарный Китеж.

☞ Сосновый лес около города

В.Г. Колотушкин

В повести «Последний двойник», главы из которой публикуются ниже, идёт речь о последних годах жизни князя галицкого Дмитрия Юрьевича Шемяки (1449—1453), около четверти века боровшегося за великий стол со своим двоюродным братом Василием II. По меткому выражению историка С.М. Соловьёва, Шемяка стал «двойником» Василия, ибо так же носил титул великого князя Московского и Владимирского (так его признавал Новгород, на помощь которого Дмитрий возлагал последние надежды). В центре повести — не только окончательная схватка братьев-князей за власть на Руси, но и отношения князя с новгородской верхушкой — архиепископом Евфимием II, боярством и купечеством. События разворачиваются на фоне культурного расцвета и политического упадка республики, раздираемой боярскими распрями. Среди героев повести — и простые новгородцы (приказчик Онкиф Обакунович и его сын), и ливонские послы.

Ставка на Шемяку была для Новгорода последним шансом сохранить былое влияние на общерусские дела. Но Василий II оказался прозорливее и решительнее своих врагов и покончил с двоюродным братом (в 1453 г. Дмитрий был отравлен и погребён в соборе св. Георгия Юрьева монастыря), завершив тягостную войну и освободив путь для великих свершений своего сына — государя Ивана III.

ПОСЛЕДНИЙ ДВОЙНИК

Главы из повести

НОВГОРОДСКАЯ ТВЕРДЫНЯ СЛАВНОЙ ГАНЗЫ

До зари-денницы отправился на Немецкий двор Онкиф Обакунович. Вот уж и зима к весне близится — Масленицу гуляют в Новгороде! Просвистели расписные сани, взметая из-под полозьев колкую ледяную крошку. Прозвенел счастливый девичий смех, продиныкали бубенцы. Шубы нарасташку, весёлые, раскраснелые лица встречь. Задорно хрустит под валеными сапогами упругий снег.

На Козьей Бородке приостановился, с болью различил средь белых крыш хоромы купца Есифа Ивановича. Паробком начинал Онкиф у воцаника Ивана, отца Есифа. По лавкам бегал, свершая что по мелочи, на лету вникая в непростое купеческое ремесло. Как загустела бородка, стал по слову Есифову в Ревель, во Псков ездить. А там и с немецкого, и со швейского толмачить обучился. Похваливал Есиф Иванович:

— Купцом ты, Онкиф, в лоне матери стался! Паче моего в торговых деяниях кумекашь. Нету цены тебе!

Эх, жизнь — тропа кривопутная! Не гадал, что попустит Есиф козни Фетины, снохи своей. Охилел воцаник, охилел — не совладать старику с жадными сынами, с коварной бабой не совладать. Вот и выгнал ни за что заглавного приказчика со двора! На старости-то лет да такой позор, эх...

Покачав седатой головой, тронулся далее Онкиф. На двор Святого Петра торопился он, в новгородскую твердыню славной Ганзы немецкой. Далек простирал руки могущественный союз городов: от Аглицкой земли до Новгорода, от моря Варяжского до Веденца фряжского. По осени приняли гензы Онкифа толмачом — после долгой войны

снова обживался в Новгороде немецкий двор. Понятливы гости — не первый год на Руси. А всё ж нелегко с новгородским купцом договориться. Умён русич — глаголит-то прибаутками, словоплутит и обмана не чурается. Брань недавняя Новгорода с Ливонией сурово по мошне вдарила. Не усохла ещё кровь на берегах Наревы, а гензы скоро к Волхову устремились — убыток великий навёрстывать. Хоть и запрещали посадники немцам в городе заявляться, в обход лезли купцы, чрез Полоцк и Псков, втридорога сбывая товар, словно краденый. Косо посматривали владыка и бояре на сие, но и не мешали — пусть в казну гривны текут.

До войны ещё сознакомился Обакуныч с приказчиком Святого Петра Гансом Мунштеде. Вестимо, кто воск у Новгорода покупает — ганзейцы. Да и чрез улицу дворы купецкие: Святой Пётр и собор Рождества Иоанна Предтечи, Иван на Опоках проще. Часто хаживали друг к другу: то о торге порядить, то воска круг на скалвах взвесить али локтем иванским сукно смерить. Со времён князя Всеволода Мстиславича хранили купцы-воцаники в своей церкви меры точные, дабы пересудов да споров не было. В том особая им честь была от Великого Новгорода.

У ворот самых ненароком наткнулся Онкиф на Мишу, нового приказчика Есифа Ивановича. Зазевался тот, чуть не плюхнулся во взмешанную ногами и копытными грязь, чуть не замарал расшитый кожух-кафтан. Брезгливо отпихнул Онкифа:

— Посторонь-ко, дидо, иди!

— Ай не зазнался ты, Миша? — сплюнул Обакуныч, заглянув прямо в наглые очи.

Приказчик заиграл желваками:

— Михайлом Сидорыцем меня величай, Онкиф. Не прислужник и не родич я тебе! — расхаживаясь, заболтал лишку. — Ловко тебя Фетинья-то дурнем выставила! И Максим бы, сын Есифов, тако не додумал. Хитра баба, не отнимешь! — злорадно захрюкал, обнажая ряд неровных зубов.

Не на шутку взъярился Онкиф:

— Не твоя забота! Мало не с руж этих вскормился! — бывший приказчик взмахнул перед носом Миши кулаками. — А тепера — Сидорыч!.. Млад ещё! Гордится нечего, да и нечем!

Посерел Миша, надвигая грудью. Но тут, на спасение Онкифа (где старику с бестным молодцем справиться) с Немецкого двора выполз, грохоча бочками, обоз. Отпрянул заносчивый приказчик, а Обакуныч тем сроком вошёл в ворота.

Крепко сложен Ганзейский двор. За частоколом — основательные, прочные избы, полные добра клетки, востроверхая церковь-ропата Святого Петра. Вырос пред Онкифом мощный страж с сальной бородой. Выпучил зрак, побагровел, мысля: пускать али в шею гнать. Узнав, повёл за собой. Миновали широкий, запруженный возами, лошадами, людьми и деловитостью двор. На грубо украшенном крыльце Онкиф обстучался от налиплого снега.

В тот же срок прибыл к Святому Петру ещё один новгородец. Размашистым шагом, взбивая подол бобровой шубы, не ответствуя на поклоны стражников, двинулся к высокому дому приказчика.

Ганс Мунштеде резко развернулся, когда Борецкий показался в двери. После краткого приветствия Мунштеде указал на уставленный яствами стол:

— Вкуси, Исак Андреевич, — для русича доброго нечего жалеть! Чем Ганза — тем и Новгород богаты. Не в наших ли руках Остзее, Исак?! Иль, как вы зовёте... Варяжское море.

Неревлянин ухмыльнулся на речистость немецкого купца — не красоты ради прижимистый немец в похвальбе тратится. Усаживаясь на атласный полавочник, с усладой обозрел ядь. Ох, жирно живут гензы, не хуже бояр новгородских! Плоды редкие, заморские из тарелей глубоких манят: ягода винная соком истекает, лимоны — что слитки золотые, апельсины рудожёлтые, виноград спелостью налит — десница сама тянется. В кубках — вино терпкое рейнское (боярин — и тот по великим дням только такое пьёт), в чашах — пиво хмельное пенистое.

— Вкуси, Исак Андреевич! — Ганс свесил над яствами светло-рыжую бороду, явно наслаждаясь роскошными дарами летнего солнца (среди зимы-то, в лютый месяц февраль!).

Немец был похож на бобра: облыл, с пухлыми щеками, шустрыми бегливыми глазками, ленивый и важный, но такой же вёрткий в торговле, как бобёр в знакомом ручье.

Уложив свою плоть в резное дубовое кресло с толстыми, увенчанными львиными когтями подлокотниками, ганзеец мигом смахнул учтивую улыбку и с тревогой вымолвил:

— Смурные вести, Исак Андреевич. Разгром... Разгром учинили Шемяке москвиты. Пал Галич! (Борзо домчала до Ильмень-озера весть о разгроме).

Борецкий, разжевав лимон, стрельнул взглядом на купца:

— А чего ждать было?! Что Василий нонь! — боярин

указал на поголок перстом. — И что Шемяка... Да и поспешил князь галицкий, всего не усмотрел. Поспешил — вот и насмешил!

— Всего равно не усмотришь! — Ганс колесом разлапил руки, оперев их на мясистые бёдра. — Словутесть есть, что в Новгород скачет Димитрий.

— Пусть скачет. А куда ещё скакать, коли жёнка и сын его тут.

Мунштеде округлил глазки, будто услышал откровение и страшную тайну. На деле он давно всё пронюхал — немецкий купец наперёд посадника разузнает.

— Ано, мысля, нету проку ему в Новгороде спомочи прямой выпрашивать, — с привычным велеречием рассуждал Исак. — Владыко хоть Москву и не жалует, а воев на них не пошлёт. Но... Цем-нибудь да поможем! Не придави червя — так он опосля змеюкой станется! Так и Москва — мала да скромна была, а нынче, вона, земли древние да людные хапает. Все под ей — и Володимир, и Суздаль, Ростов, Низ волжский, степи татарские частью, Коломна, Белозеро... Счислять — не счислишь. А те, кои вольны пока — и их век недолог: Рязань, Тферь...

— Новгород, — добавил приказчик Святого Петра.

Боярин пожал плечами. Уверенно возразить бы, да сомнения роем роились в мудрой голове Исака, не позволяя расплестись языку. Сильна Москва!

— Если не с Москвой вы, то с Ганзой? — продолжал Мунштеде.

— Со всеми зараз, — посадник крутанул ладонью.

— Миром нам жить надо, Исак Андреевич. С Ливонией, Богу хвала, лонись¹ миром решили, а с Ганзой нашей по сию пору не урядили вы. Велими много обид скопилось...

— Верно баешь, Ганс, — новгородец отхлебнул от кубка, омочив бороду. — Да и с нашей стороны обид немало. О том не позабудь. Владыко тож не супротив ряда.

Мунштеде растянул губы:

— Скоро будут здесь слы ливонские. По слову Любека ряд завершат! Хвала Богу!

Исак молча кивнул. Приятное известие обрадовало его. Наконец-то! С Низа Москва напирает, а бояре с немцем враждуют-каторятся — не глупо ли? В Ливонию, в Ганзу — вот куда взоры оборотить надо. Уж коли смеет Любек императору немецкому и королю свейскому дерзить, что ему великий князь Московский!

Вдруг слегка приотворилась дверь. Онкиф нерешительно втиснулся в горницу. Обомлел, завидев посадника и богатый стол.

Мягко шагнув по топкому ковру, Ганс сгрёб в охапку поджарого новгородца, навалив своим сытым брюхом. Опешил Обакуныч от такого радушия — только не расцеловал его немец. Дюже хлопнув Онкифа по плечу, Мунштеде с лёту бросил каверзный вопрос (особливо каверзный в присутствии неревского посадника):

— Как мыслишь, Иакинф, — одолеет Москва Новгород?

— Не-е, Новый Город не по зубам ей! — оскалился Обакуныч, кося оком на хмурое чело боярина. — Уж коли немцы ваши не одолели нас, то шестники и подавно копыя пообломают!

— Хвала Богу! — купец воздел жирные руки к небесам. — Вот он — ответ истого новгородца! Посему звал я тебя, Иакинф, — резко перевёл к делу приказчик. — Что едут во град ваш послы ганзейские.

¹ Лонись — в прошлом году.

Исак Андреевич вскинул брови — не рано ли простому-то люду разглашать?! Немец продолжал:

— А посему просим тебя от двора нашего и от Ганзы толмачом при послах тех быть?

Вздрыгнул Онкиф. Загорелась голова. Кто просит: приказчик Святого Петра, да ещё и при старом посаднике, вятшем боярине. Эх, судьба кривопутная! Согласно мотнул башкой: от такого разве откажешься!

ВЛАДЫЧНЫЙ ДВОР

Лебедями величавыми подплывали к большому владычному крыльцу роскошные боярские сани. Спрыгивали с облучка расторопные слуги, помогая вылезти господам своим. Вот показалась из саней шуба соболья. Поддержав под локти, осторожно повели её холопы по обледенелому камню массивных ступеней. Снова лебедь — в упряжи кони цугом, выи извивают. Оттолкнув челядь, выскочил молодой посадник. Взлетел на крыльцо. И снова, снова сани, одни других краше! Холопов тьма.

Тепло в широкой вышней палате. В свхваченное изморозью многоцветное стекло узких окон по обе стороны палаты буйно струились солнечные лучи. Вольготно расставлены дубовые, под шелками лавки. На стенах роспись чудная — свежие сочные краски, будто и не уткло семнадцать лет, как отстроили и расписали мастера палату.

Маленький, в чёрной обычной рясе, с седенькой щиплой бородкой, архиепископ Евфимий одиноко сидел на стульце-кресле, мягкой улыбкой привечая входящих бояр. Зачёсаны редкие волосы, обнажены мудрые морщины на челе. Ясно-голубые, глубокие, словно Ильмень-озеро, глаза.

Двадцать лет властвует пастырь. А давно ли огласились своды Святой Софии именем его, когда остался на алтаре жалкий обрывок хараты, судьба, жребий безвестного мниха и Нового Города: «Евфимий!»

Задрожал тогда, в ужасе и радости несказанной от выбора Божьего, припал к хладной влаге соборного столпа. В одночасье: из инока простого во владыку всего Севера Руси. Что мальчишка, носился по Владычному двору — не поспеть за ним. Смело приказал рушить ветхие палаты и отстраивать церкви, яростно спорил с вечем и боярами, сам со стенщиками возился, всем наперекор поручил немцам-мастерам из Любека возводить новые каменные терема. Но и строил ведь — никто из владык не строил так! Строил, чтобы узрели новгородцы, что не на Москве свет клином сошёлся, что сильнее и лучше Новгород: и церковей тут больше, и горожане богаче и вольготней живут — лаптей и нищий не оденет. А Москва что? В грызне братней погрязла. После кончины великого князя Василия Дмитриевича там и вовсе из камня строить бросили — не чета Новгороду!

Иссыпались сквозь перески лета, сменяясь в памяти, что мельницы крылья. Многие канули, кого знал. И ему, Евфимию, черёд скоро. Но одно душу старецкую, изболелую грело — стоять будет Великий город, украшенный новыми храмами и палатами. Всё по-новому будет теперь, но и бывшее своё забывать грех. Вот чему все лета наставлял владыка ослеплённых пышным величием города бояр.

Вот она, госпóда новгородская! Вятские пяти концов. Вершители судеб и летописей герои. Напористой толпой вхлынули неревляне — всегда скупно, со предводителем

своим — Исаком Борецким. Напереди идёт, отмеряя шаги окованным посохом — высокий лоб оратора, серые очи, упрямо режущие из-под сутуго мохнатых бровей. Серебро бороды по груди раскинута. Крепко держатся за Борецким Михаил Туча, Богдан Есифов, Онания Семёнович. Шумно всасывая воздух волосатыми ноздрями после крутой лестницы, вступил дряхлый Самсон Иванович, дядя Исака, старейший боярин неревский. Холоп суетливо подsunул подушку, усаживая господина.

Хмурый, показался в дверях степенный посадник со Славны Дмитрий Васильевич Глухов. Троекратно перекрестился. Изничижив сердитым бормотанием неревлян, взгромоздился на почётное место степенного. Почти следом явился и другой славенский, Василий Степанович. Кошачьей походкой миновал Борецкого, любезно склонился, пронзая зраком.

Порознь съехались прусские, с Людина и Загородского концов. Высокомерные Яковлевичи: братья Фёдор и Есиф; костистый Офонас Остафьевич Груз, Есиф Горошков, Посохнов, Григорий Данилович.

Припозднились с Плотницкого: Захария Овин и Иван Щёка.

Кроме старых и нынешних посадников, были и тысяцкие со степенным во главе, Михаилом Андреевичем, сотские — все из бояр тоже. Созданные ради противуставления боярам-посадникам, все эти должности были со сроком прибраны ими же и обратились в ступени восхождения к высшему — степени посадника Великого Новгорода. Какой боярин не мнил в грёзах себя на месте Дмитрия Глухова и не жаждал овладеть местом сим. Не отступали и старые, уже вкусившие сей сладости посадники — заграждали дорогу к власти сынам чужим, своих готовя к пути боярскому многотрудному, ибо во всех успехах себя народ хвалит, а в бедах страшных правителей своих винит.

К самому началу совета подоспел князь Чарторыйский. Небрежно швырнув шубу слуге, вальяжно взобрался по лестнице. Разгладив тёмно-русые волосы и непочтительно быстро и мелко кивнув, барсом лениво разлётясь в удобном кресле великокняжеского наместника. Осудительно причмокнули и закряхтели старики.

Обождая, пока утишатся бояре, Евфимий резко выпрямился. Ясно-спокойным взором обвёл синклит. За долгие годы научился сносить тяжёлые взгляды, не впадая в смятение (как по младости бывало). Чем отличен от простого ремесленника боярин — разве одянием дорогим да богатством несусветным только. Ни железо сковать, ни дом ладно срубить (хотя топора и знатные не чурались), ни зипун сшить — ничего не сумеет. В чём же мощь его, в чём пред Богом он лучше, коли с рождения властью наделён?! Нет, есть разумом озарённые, вроде Борецкого — всё без слов понимает и меру всему ведаёт. Но ведь и иные есть, кои мнят, что кроме их ни люда вечегого, ни князя

московского нет, что вечны они, как вечно золото их. «Не пора ле! Не пора ле, Господин Великий, одуматься тебе! — так хотелось воскликнуть владыке в толстые, сытые лица, холёные борода. — Проснись же, сила и мудрость вековая! Очнись наконец! Где те, кои созидали Новый Город? Где Якун Мирославич и Онцифор Лукич, где Иоанн-Илия и Василий Калика? Воистину бояре и владыки великие!»².

Евфимий возгласил без крика, без надрыва, почти шёпотом, голосом тихим, но твёрдым, как говорят те, кого всегда слушают:

— Вельми могучна Москва стала! Разбил Димитрия Василия и в земли наши гонит его. В том и суть вся, мужи: приять али нет. Примем ежели: князя великого разгневим. Нет — не промыслить Димитрию без Новагорода.

Быстро окончил владыка — не любил витиеватости, излишней пышности: зело дорого Слово, дабы всуе расплёскивать его. Да и не терпит дело болтовни.

— И надо принять! — вдарил Борецкий (чувял, что его речи ждуть). — Надо! Не указ нам великий князь!

Бояре покосились на Чарторыйского, который всё с той же леностью поглядывал в оконце — наместник, как-никак! Но ведь не Василием и посажен он был, а Шемякой, а посему не пред Василием ему и отчёт держать — сам в ворожке с Москвой. Все свои.

— Мы Василею не Ростов какой! — горячо продолжал Исак Андреевич. — От предков вече нерушимо, от Ярослава вольности блюдём, от Всеволода во князьях вольны — пусть летопись ему дяки почитают або сынок его, коли грамоту ведаёт.

Насмешка прошелестела средь господа — знамо, что слеп Василий Васильевич.

— Захотим — хоть Шемяку примем на Городце, аки князя великого! Пострашится Василей на земли Великого Новгорода посягать — не по плечу ему тяга сия. И дед его ни с цем ушёл, и отца его громили на Двине, и ему, Василею, дали б в сорок третьем, коли бы порты не намочил молодец этот!³

Теперь уже дружный хохот волной заполнил своды палаты. А Борецкий, довольный успехом хулы, не умолкал:

— Пусть ярится Москва, пусть хоть изгорит от гнева — а Шемяку примем. Не выдюжить Димитрию без нас!

— Из двух зол малейшее, — подхватил Иван Щёка. — Что Шемяка без Новгорода? Изгой! Он и рать-то растерял! А мы его сызнава на москвичей... Им котора, а нам выгода и покой. Верно ведь, мужи нарочитые?!

— Во всём-то ты, Иван Лукинич, выгоду сыщешь, — вымолвил со скрытым презрением Евфимий. — Не в выгоде суть, а в судьбе нашей. Не предел Галич, у Шемяки отобранный — не остепенится отныне Василий, покуда брата не добьёт. И Новый Город не преграда ему, всюду у него руки есть. А как падёт Димитрий — брань нам с Москвой предстоит. Не такова Москва, чтоб дело начатое

ране срока завершати. Покуда стоит на Волхове вольный град, покуда живут тут бояре новгородские — не спитися князьям московским! — в волнении (не мог сдержаться!) комкал речь владыка.

— Пусть хоть всем скопом идёт Москва — не струсим! — зычно гаркнул Михаил Туча и сам грома гласа своего испугался, вжался в лавку.

— Уймись, Михаил Иваныч, не на вече ты нонь! — грубо оборвал его старик Фёдор Яковлевич. — В ратном умени не ровня мы Москве — сам бывал я там. С заглавным войском их воевать — не с шильниками⁴ пермскими играти. Не до шуток нонь! Сторожнее быть надо нам — обжечься можно.

— Правда твоя, брат! — востепенулся Есиф Яковлевич. — У всех у нас волости за Волоком. А ну как туда рать московская пожалует! Что тогда, Исак?! — развернулся всем станом к неревлянину.

— Что отцы и деды наши деяли — то и мы будем! Доспехи вынем да пополчение вооружим!

— Чего ж зазря головы класть, — захрипел ссутуленный над резным наверхим посоха Глухов. — С Москвой ладить надо. Сидел бы Шемяка в уделе своём да не гомозился без толку. И ты, дай Бог, не малец, Исак Андреиш, зришь, за кем сей день сила. Кабы лет пять назад — тогда иное. Да хоть на месяц вспять, до Галича! Ежели примчит князь Дмитрий — спровадим подале. Пусть-ко без нас стол себе поищет! — влепил под конец скучного бормотания степенный посадник. — Что там с Ганзой — мир рядить едут?

— Погоди с Ганзой, Митрий Васильич! — махнул дланью Борецкий. — Что ж мы — семью княжью приняли, а князю прочь укажем?!

— И семью долой! — сердито буркнул Глухов.

— Осмеют нас тогда на Москве! Так-то Василей баять будет: «Хороши други новгородцы — только о животах своих и пекутся!» Осмеют и охают!

— А когда по-доброму о нас на Москве судили?! Два века почти сваримся! — загомонили бояре.

— То-то и аз! — согласился Исак. — Пока размирье у Москвы с Шемякой — и у нас покой. А не будет Шемяки — на наши вотчины разохотится великий князь. Будем тогда свою кровь да кровь сынов и людей наших лить.

Уловив срок, вмешался владыка, быстро заговорил, как о деле решённом:

— Не гневитесь, бояре, что унука князя Димитрия Донского принимаем. Давно те лета минули, давно кости истлели. Шесть десятков с малым... Новгород хоть и велик, а един не устоит. Что Димитрий без нас, то и мы без его. А посему принять его должно на Городце по старине, как веками князей принимали.

Хмыкнул Глухов, но Евфимию перечить не стал. Тем паче прочие последовали за владыкой и рекливым Борецким. Но, верные исконно двоякой политике Новгорода, урядили и иные дела: с сего краю надо было крепить ливонский тыл, чтобы не воспалилось вновь на запсковских рубежах, с того — ублажать великого князя. Хоть и бахвалила господа, а безокий только не видел, как росла и ширилась Москва, грозя соседям-сябрам своим. Всё зорче приглядывались бояре столные к Заволочью,

² Якун Мирославич — посадник второй трети XII в.; Онцифор Лукич (Лукинич) — посадник 1350—1354 гг., реформатор посадничества; Иоанн-Илия — архиепископ 1165—1187 гг.; Василий Калика — архиепископ 1331—1352 гг., иконописец, автор литературных сочинений.

³ В 6943 (1434) году, с 1 по 26 апреля Василий II находился на Городце (Городище), но из-за угрозы военного столкновения с новгородцами покинул резиденцию. Ему тогда было 19 лет.

⁴ Шильник — разбойник.

нащупывая слабину в земле Новгородской. А что Новгород без Двины! Всё напористей жала Москва, подстрекая всякого рода татей-разбойников грабить и жечь погосты Великого Новгорода. Постоянно вспыхивали раздоры и войны, одна за другой сыпали неудачи, истощая республику. Когда в остатний раз громили москвичей, и вспомнить не можно. Побеждала, пересиливала Москва,

и только внутренняя смута да боязнь Литвы и татар не позволяли ей свалить давнего соперника.

В город спешили ливонские послы, и о том знал весь город с околлицей. Знали и на Москве. Знали, что возьмут мир, знали, что со свежим ветром-мокрыком потекут ганзейские товары по морю Варяжскому, вздыбливая носами свинец бурных волн...

ЛИВОНСКИЕ ПОСЛЫ

Издали видать вострые крыши Владычного двора. Тонкие шпильки зеленоватой меди, крохотные жестяные флажки на верхах самих. Вонзается в неласковое мартовское небо шатёр осанистой сторожни. А кругом купола, что рать дружинная в Детинце стоит. Различит привычный глаз новгородца и храм Евфимия Великого, где в артосную субботу выносят на службу из ризницы серебряный панагиар мастера Ивана, различит и двухвековую церковь Рождества Христова, перестроенную владыкой Алексеем, и главку Петра-митрополита. Храм этот в канун сумятицы Степанковой освящён был. Не то иноземец увидит: тьма куполов пред взглядом пестрит, а что да где — и не скажет он. Давит Святая София машиной своей, неохватностью, мрачностью древней рядом с уютным, уветливым двором владыки Евфимия. Но сияет её шелом, словно отражая светило в себе — и легче, добрее на душе разом.

Иоганн Трерос, рижский ратман⁵, в дивлении замер пред крыльцом Большой палаты. Задрав долгий, с горбиной конопатый нос к верхним оконцам, покачал головой-кочаном с рыжими, мочалистыми власами, кои упорно бились из-под собольего окола:

— О мой Бог... Это же Любек!

Огляделись и прочие послы, искренне восторгаясь искусной мастротой⁶ строителей. Пять послов хлебо-солно принимал Новый Город: Иоганна Трероса, дерптского бургомистра Гиллебранта Лузеберга, бургомистра Ревеля Альберга Румора, двух ратманов: Дерпта — Герда Шрове и Ревеля — Иоганна Фельтгузена, по поручению и по делам Ганзы. Войдя в палату, где на днесь ещё сотрясал стены зычный глас Борецкого, немцы важно поклонились боярам и купцам.

С достоинством отчеканив обоюдные приветствия, приступили к переговорам. Хрустко раскатав харатейную грамоту, Трерос надменно-дребезжливо, стреляя из-под тонких рыжеватых ресниц на степенного посадника, зачитал требования Любека. Жёсткая немецкая речь взрезала спёртый воздух палаты. Совсем не такая, как русская, мерно струящаяся, будто волны широкой реки. Зевая, слушали купеческие старосты Алексей Игнатьевич и Есиф Иванович. Насупив косматые седые брови, сычом сверлил послов Дмитрий Васильевич Глухов. Грозный, ненастный — побаивались его вечевые дьяки и подьячие, и даже молодые посадники. Но ровно дробил Трерос —

без неувверия и дрожи в трескучем голосе. Стараясь понять, вслушивался степенный тысяцкий Михаил Андреевич, кивками пытаясь выказать, что ведаёт, о чём молвит ливонец.

Набрав скорый темп, вдруг неожиданно оборвал Трерос, возрев на новгородского дьяка, кой тут же продолжил, но теперь на русском. Встрепенулись старосты, ещё более посерел Глухов, заёрзал тысяцкий, загудели бояре. Требовала Ганза смело и много. Возмутили наглые требования новгородскую госпóду.

— Нечего им попускать! — вспылл Михаил Туча. — И без Ганзы проживём не горько!

— Завсегда мы немцам должны, — скривил губы в кислой усмешке Василий Степанович, славенский посадник.

Старики разумно молчали. Даже крикливый Борецкий, подперев браду и уставясь на рыжего Трероса, слушал. Первоочередно, помимо перемирия, Ганза просила чистого пути, то бишь свободной торговли, как было от веку. Кроме того, послы требовали дать исправу по всем обидным делам.

— Исправу? — запыхтел Алексей Игнатьевич, отирая голубым платом пот с бугристого лица. — А по чему исправу дати?! Ливонцы виною всему, а не мы! Сами на брань подпоясались, а мы плати!

— Почти без пошлин торгуют немцы — а всё мало! — выпер козлиной бородкой бойкий купчик, из заморских, что торгуют за Варяжским морем. — Цто в Гостинополье платят — того и не почувешь, мимо казны всё!

Толмач, заплетая языком, перевёл. Среди толмачей сидел и Онкиф Обакунович. Холодило в груди не то со страху, не то с непривычки. Кто такой — бывший приказчик, мураш неприглядный для бояр (а тем паче для владыки) — а бок о бок с вятшими решает! Даже взором с ними сокохнуть боязно, не то что оглашать палату хоть и чужими словами, но своим голосом. И Борецкий, и Овин, и Щёка, и Глухов — госпóда вся, путевожди Новгорода!

Но неусыпно бередило где-то в Онкифовой макушке: что без вече они, великие бояре эти! Искокон выше вече нет никого — не так ли и в грамотах сказано. Не Москва здесь, где всё в деснице одной — Новый Город, вольная республика! Но опять тяготило: ничего не значит теперь вече. Давно сами собою вершатся дела, в тёплых и тёмных светлицах, в роскошных палатах, узким советом вятших. Не сего ль желали веками бояре и добились вконец! В лапах великих бояр город, словно игрушка. Полиархия, так, кажись, знакомый гречин Федосий называл. Мудрёное слово...

⁵ Ратман — член совета (рата).

⁶ Мастрота — мастерство.

— И на нас вина, но и на вас не менее! — забасил на немецком Герд Шрове. — Две стороны у талера сего... Но о том в Нарве урядили — ни к чему поминать.

— А ежель урядили — зачем сами поминаете?! — придрался въедливый Офонас Груз.

— Або сызнава на Остров зарятся, — прошелестел словенин Василий Степанович из угла. — Вестимо, немец своё возьмёт.

— Таков Ганзы уговор! — строго отчеканил Трерос.

Смех почудился Онкифу в глазах ратмана. «Смеётся над Новым Городом... — подумалось вдруг Онкифу, и зашвербила в груди дремучая ненависть ко всякому немцу. — Что ж за година настала: как дома чует себя тут наглый немчин. Аль Новгород уж и за себя, за право своё постояти не в силе! Измельчало всё... и все! Вроде и мощь в нас, и ливонцев, свеев бём, а цто городу от сего?! Вроде войны гремят, торговля не затухает, а не то! Храмы, терема растут, владыка из кожи вон лезет, а будто замёрзло всё. Чем гордиться, когда и последнюю брань с Москвою не выдюжили. Торопно мир в Демоне состряпали, откупили вольницу древнюю⁷. А надолго? Эти же и стряпали, те, кто ныне на гензов взмущаются: сын Посохнов, Есиф Григорьевич, да Щёка, Борецкий, Василий Степанович, не они ль! Поздно — сами слабину показали. Теперь, вон, и ганзейцы ведают, что поартачится Новгород, а грамоту немецкую примет. Ибо нет пути иного... Коли не с Москвой, так с Ганзой, с Орденом латинянским, с Литвой. Запутался узел! Кто распутает? Ежели не Новгород сам, то кто? Князь великий? Шемяка, что ль?..».

— Добро! — уловил заминку Исак Андреевич.

Разом притихли все — Борецкий молвит. Только Глухов хрипло закашлял.

— Будь по-вашему, слы немецкие! — протрубил нервялянин, собрав персты на резной, в виде морды звериной стрости. — Не пристало Великому Новгороду мелочиться!

Вона как повернул!

— Какие обиды есть на нас у купцов — исправу дадим. За обиды ответим! — с паузами рёк Борецкий, не загоняя толмачей. — Но и вы по нашим обидам ответ держите!

— Верно! — зашумели скопом новгородские купцы, что были на переговорах со старостами во главе.

— Тако и в договор прописать нужно, — зашлёпал беззубый Есиф Иванович, тыча кулаком в грамоту. — Как вы, так и мы. Сугубо всё, обоюдно. В сём и договора суть.

— Знамо, не с Москвой ряд вершим! — со злобой в зраке пробормотал Самсон Иванович. — Там как-то не сугубо, а по княжьей воле всё получаетце. Все толико князю великому обязаны!

Серьёзно переглянулись бояре и купцы — всех задело. Одни немцы озирались, высунув шеи из твёрдых

воротников. Трерос резко повернул нос к Онкифу — почему молчит толмач?

Не до послов стало Обакуновичу. Любопытно и с тревогой всматривался то в сребробородого Борецкого, то в жующего серыми губами Самсона Ивановича, то в скользкие черты Василия Степановича, то в одутловатые — Овина. И понимают, и могут, и хотят даже (конечно, хотят, или не хочет новгородец славы городу своему) — почему же спокойны так, сложив руки на животах. «Над», «меж», «среди» — не так ли бают бояре, не такое ли место подыскивают Новгороду на Руси. С брезгливым интересом наблюдают за братней сумятицей, не желая марать холёные руки в крови. А теперь что?! Взяться Шемяке пособить — дело ли? Толком и не помогут ведь, а Василия раздуют. А там и новая сечь грядёт, новый откуп.

«По старым грамотам, и по сей грамоте, и по старому крестоцелованию и по сему крестному целованию» Новгород давал Ганзе «чистый путь», обещал также дать исправу «немецким детям» по «всем обидным делам» (то же пообещали новгородцам и послы — дать ответную исправу русским купцам, ибо и нам немало обид чинилось в Любеке, в Кольвани, в Юрьеве и прочих градах Ганзы). В ходе перемирия в Новгороде ждали послов от более чем семи десятков «городов заморских и на сём поморьи», чтобы вновь «говорить о торговле и о всех обидных делах». Много обид скопилось — враз не разгребёшь.

...Понуро шаркал по мокрой распутице Онкиф. Мысли мели круговертью. По сути, прав Борецкий, во всё прав. Но отчего ж слабнет город? А Евфимий! Вовек не было владык таких. Нет, были и умные, и речистые, и строили немало. Но в нём всё воедино слилось, талан непомерный от Бога. И властный, не размазня или пройдоха. Отчего?!

На мосту налёг грудью на перекладину. Скользит подо льдом, пугая мраком глуботы, Волхов. Не сюда ли, в муть бурой воды, повергали отступников от закона вечевого, татей и бояр неугодных. И повергать будут! Не отсюда ли метнул палицу Перун Громовержец, шмякнув её на плахи моста — новгородцам на кровавую потеху. Исконный обычай, вечевого обычай! Много обычаев и законов у Великого Новгорода, а правда есть в них? Не оттого ли и беды все, что о правде Божией позабыли.

От сложных дум загудела голова.

У Торга обогнала лихая тройка Есифа Ивановича. Даже не поворотил толстую дряблую выю дряхлый староста в сторону своего бывшего приказчика. Отшвырнув ком хлябного снега, сани заехали во двор Ивана на Опоках.

«О своём, о купецком судачить, — с тоской вспомнил Онкиф, как когда-то и пред ним распахивались врата твердыни купцов-вощаников. — Приказчик был! А стал... то ли толмач, то ли... И из-за бабы всё».

Сплонув сквозь жёлтые зубы, потопал к Торгу, на Немецкий двор. Не тем, так этим служить лучше, чем без труда прозябать!

⁷ Демонский мир с Москвой 1441 г.

Г.К. Насурдинова

УНЕСЁННЫЕ ОККУПАЦИЕЙ

Благородные чёрные львы из имени Грузино графа Аркачеева ныне украшают просторное крыльцо новгородского музея. Их строгие силуэты стали символом музея. Но мне кажется, что национализированные львы — символ самих музейных сокровищ. Древние иконы, полотна выдающихся русских художников, изумительная церковная и бытовая утварь когда-то имели иных хозяев.

Хотя музей и являлся одним из старейших в России, его фонды были невелики. Они во сто крат увеличились после революции, когда сюда хлынуло добро из разорённых усадеб и дворцов, богатых домов, древних церквей, соборов, монашеских обителей обширной Новгородской губернии.

«Подводы всё прибывали и прибывали, музей буквально лопался от художественных ценностей. Это был фантастический сон. Как же ты богата, Россия! — хотелось крикнуть от восторга», — так выразительно запечатлел свои воспоминания известный новгородский музейный деятель Николай Порфиридов.

Фонды могли бы пополняться и далее. Но началась война...

Новгород тонул в буйной зелени парков и садов. За кажущимся спокойствием местные власти почему-то не хотели понимать, что обстановка в округе крайне опасная. Медленно отступая, но жёстко обороняясь, стояли наши войска на реке Шелонь, в полусотни километрах от южной черты города — Юрьева монастыря. И только когда стало ясно, что вражескую лавину не остановить, был дан приказ: срочно подготовиться к эвакуации. Ушла первая партия ценностей: ювелирные изделия из золота с драгоценными камнями и знаменитые памятники древней ризницы Софийского собора. Под бомбёжками упаковывались шедевры мирового значения в бочки, ящики, пропахшие рыбой. Сумели увезти более двухсот живописных произведений картинной галереи, часть древних икон, выставочную нумизматическую коллекцию, старинное оружие... Двенадцать тысяч музейных экспонатов было вывезено и спасено. Пятнадцатого августа ждали очередной буксирный пароход, чтобы погрузить оставшееся имущество. Но ночью немецкие войска подошли к Новгороду. В утреннем небе появились вражеские самолёты, жители пешком покидали город. В кремле оставались тюки с художественными ценностями, библиотекой, архивом...

— Список утраченных в годы войны ценностей, отпечатанный на ста шестидесяти восьми страницах машинописного текста, поражает воображение описанием антикварных вещей, — комментирует генеральный директор музея-заповедника Николай Гринёв. — Судите сами. «Коллекцию произведений прикладного искусства» открывают разукрашенные дорогими камнями двадцать четыре серебряных креста XII—

XV веков. Например, «Крест на престольный серебряный, с алмазной филигранью, жемчужной обнизью, двумя сапфирами». Это поистине «серебряный» список. Здесь и ризы, иконы-складни, образки, посохи игуменские, блюда, лампы, подсвечники. Опись потерянных вещей музейные сотрудники сделали по уцелевшим книгам учёта 1914 и 1920—1930 годов.

Следующий раздел посвящён пропавшим восьмистам одной иконе. Подробное описание каждой читается не менее интересно, чем «Жития Святых». Вот, например: «икона „Богоматерь Тихвинская“. XVI век. Размер 89×67 см. Два венца серебряных — два фунта. На серебряном окладе камня в три ряда. Первый: сапфир, пять малых изумрудов... У Спасителя в венце четыре рубина, цаты сканью, эмалевые. У Богоматери одежды обнизаны жемчугом».

Сколько такая икона могла стоить сегодня? Одни только камня на окладе — баснословные суммы. А что под дорогим серебряным одеянием? Эта икона — Чудотворная, написанная талантливым мастером, была широко известна и популярна среди верующих. С неё писались копии для многих церквей. Сохранились восторженные отзывы в книгах прошлого века. Но мы сегодня лишены возможности взглянуть на этот шедевр. Теперь Чудотворная икона, по всей видимости, украшает чей-то богатый дом на Западе или же запрятана в музейные хранилища. До сорок первого года она принадлежала музею... Канула в неизвестность и другая, не менее ценная икона из Свято-Духова монастыря. Вот как описан её оклад: «Венец и ризы золотые. Четыре серебряных святых по сторонам. У головы ещё два святых: Козьма и Дамиан. На головах две большие китайские жемчужины, два изумруда, вокруг крупных гранатов маленькие рубины, на рукавичках Богоматери — сплошь бирюза».

Из древних новгородских летописей известно, что в те времена иконы обычно писались «под оклад». И под роскошный оклад поручалось «творить» икону общепризнанному талантливому живописцу. И нет сомнения в том, что «Богоматерь Знамение» из Свято-Духова монастыря — шедевр XV века.

Из Свято-Духова монастыря в двадцатые годы поступило семнадцать икон, они были отобраны в фонд музея как особо ценные. Все до единой пропали. Сохранились яркие описания, в которых даны подробные характеристики драгоценных камней, словно живых существ... Отмечается многоплановость произведений, затейливость сюжетов, умение древних мастеров гармонично размещать панораму библейских сюжетов на «малой доске».

Самыми роскошными по живописи и убранству окладов в прошлом веке считались иконы из богатых монастырей: Антониева и Юрьева. На украшение прекрасной написанной иконы не скупилась ни на золото,

ни на серебро, ни на редкие камни. Из числа навсегда потерянных — на икону «Богоматерь Владимирская» XVI в., с окладом серебряным, чеканным. Риза и венеч из литого золота. В гнездах — сапфиры, кораллы, алмадины арабские, одежды закованы в розовый перламутр, силуэты прорисованы бирюзой.

В этой коллекции были и фамильные реликвии, как, например, икона «Георгий Победоносец», XVI век. Она была подарена графом М.Ф. Орловым знаменитому настоятелю Юрьева монастыря архимандриту Фотию 30 июля 1833 года.

Поименно известны все иконы, увезённые из Новгорода, некоторые из них до сих пор в памяти реставраторов, искусствоведов, музейных хранителей. Но они составляли лишь часть основного фонда музея. А были ещё иконы, хранившиеся в других местах.

Ванюшин тайник — так ласково называли до войны музейные работники большую церковь Ивана на Опоках, что стоит на Торговой стороне Новгорода. Именно в эту церковь, каменную, просторную, привозились и складировались иконы из церквей, монастырей, помещичьих усадеб, богатых домов со всей Новгородской губернии. После осмотра специалистов решалось: отправляться произведениям древней живописи в музейные фонды или же дожидаться реставрации. Некоторым иконам требовалось лишь обновление письма, оживление потускневших от времени красок. Необходимо было укрепить красочный слой, удалить грязь, что означало освободить икону от поздних записей. Сотрудники музея, столичные реставраторы с горечью вздыхают: «Да, в церкви Ивана на Опоках хранилась уникальная коллекция: там были шедевры ранней живописи. По ним можно было проследить становление самобытной Новгородской иконописи: чёткость сюжетной линии, композиции, соединение строгой силы с задушевной искренностью».

В Ванюшином тайнике вёл учёт: все иконы получали инвентарный номер, он выводился на обратной стороне доски. Затем икона передавалась реставратору, получала инвентарный номер мастерской, затем только поступала в музейный фонд.

Но и Ванюшиным тайником не ограничивалась коллекция музея. Представим себе картину: стоят закрытые после революции древние церкви, соборы, монастыри. В них остались неразобранные иконостасы, а в них — иконы. До войны музей вёл счёт и этому имуществу, были описаны все образа, все оклады, панагии, буквально всё — вплоть до каждой лампы, до каждой жемчужины в окладе. Об этом красноречиво говорит сохранившийся список коллекции икон. В них зафиксированы двадцать три древнейшие церкви и собора с подробными описаниями главных иконостасов.

— Этот документ — ключ к подсчёту пропавших икон, — говорит художник-реставратор Татьяна Анатольевна Ромашкевич. — По сей день стоят церкви и соборы, а в них пустые тябла иконостасов. Но сохранились многочисленные статьи, книги, где есть подробные описания интерьеров, иконостасов, образов... Вот, к примеру, Никольский собор. Был главный иконостас, два малых — в приделах. Три приписные церкви: Параскевы, Жен Мироносиц, Прокопия. Отсюда по грубому подсчёту исчезло более трёхсот икон.

Предположительно, из новгородских церквей и соборов пропало около трёх тысяч икон, из хранилища

в церкви Ивана на Опоках — более двух тысяч. Приплюсуем к ним уже известные нам восемьсот одну икону из основного музейного фонда. В итоге получается, что Новгород лишился коллекции, в которой было не менее шести тысяч икон.

Главный хранитель музея Наталия Гормина горестно вздыхает: «К сожалению, нет возможности собрать точную документацию на пропавшее. Пока претензии к Германии сложно предъявить даже в отношении тех восьмисот одной иконы».

Что же предпринимается научными сотрудниками для того, чтобы ценности были возвращены? Пока лишь составлены описи пропавших вещей. Необходима кропотливая работа по восстановлению полной картины потерянного имущества. Ведётся ли она? Пожалуй, нет. Музейные сотрудники не выходят за границы имеющихся у них сведений. Да и в самом списке утерянных ценностей встречаются ошибки, например под номером один в пропавшей коллекции записана икона «Праведный Варлаам Хутынский».

— Не потеряна эта икона, — уточняет доктор исторических наук Элиса Гордиенко, — она хранится в Государственном Историческом музее. Увезена была в столицу на реставрацию, да так и осталась там. А вот насчёт того, что она из «правого придела Софии», так там её никогда не было... Так что музейным работникам надо хорошо проработать весь этот обширный список — достоверно ли он отображает всю новгородскую потерю...

Иконы, как и другие ценности, были эвакуированы в годы войны в Киров. Возможно, в Вятском музее остались не вернувшиеся домой экспонаты. В Новгороде, Москве живы свидетели и участники той далекой военной эвакуации, которые подтверждают: «Да, из Кирова была возвращена не вся коллекция».

«Ночной пейзаж. На переднем плане гора, спускающаяся к морю. На ней разной высоты деревья и сакля. На дороге — туманная фигура в белом. Над морем луна, всё озарено необыкновенным сиянием, мерцает волна...» — так описал музейный хранитель картину А.И. Куинджи «Татарская сакля в Крыму» в книге учёта 1923 года. Видимо, произведение произвело такое магическое действие на рядового учётника, что строгий документ лирически окрасился. К сожалению, восхититься работой выдающегося живописца мы не сможем. Работа Куинджи стоит под номером сорок в списке утерянных ценностей.

Четыреста семьдесят художественных произведений увезены в Германию. Большую часть коллекции составляют картины, написанные известными мастерами XVIII—XIX веков. Здесь и масло, и акварель, и графика, эскизы театральных костюмов. Пропало хорошее собрание бронзовых скульптур, бюстов царей, князей, полководцев, писателей. На каждую из пропавших вещей имеется паспорт с подробным описанием. Но, увы... повторяется та же беда, что и с иконами: нет ни одной фотографии.

Даже неполное перечисление авторов говорит о внушительных потерях. Музей не досчитывает в своих фондах картин П.П. Кончаловского «Пейзаж среди гор», «Стволы деревьев». Нет картин К.А. Сомова, об одной из них читаем: «Поле с протекающей речкой и деревьями на заднем плане. Из-за деревьев поднимается жемчужного цвета большое кучевое облако. Пастель.

На обратной стороне инвентарный номер, выведенный красным маслом».

Пропали картины Б.М. Кустодиева «Базар», «Портрет Кутузовой», А.В. Лентулова «Пейзаж с домами», В.В. Кандинского «Беспредметная композиция».

Коллекция русской масляной живописи почти полностью была сформирована за счёт национализированных произведений из разоренных поместий и дворцов. Но инициатор создания картинной галереи Н.Г. Порфиридов добился того, чтобы «Государственный Русский музей выделил из своих фондов немного, но очень хороших картин». В 1925 году новгородскому музею из Ленинграда была отправлена добротная коллекция полотен мастеров русской живописи. Большая часть этого дара потеряна.

До войны в библиотеке новгородского музея хранилось многотысячное собрание древних рукописей и старопечатных книг. Потери в войну значительные: вместе с книгами исчезли и обширные каталоги. Существующая же опись «Коллекции книг кирилловского шрифта» предоставляет лишь очень малую часть увезённых раритетов. Даже простой перечень некоторых из них позволяет представить масштабы потерь.

«Рай мысленный», типография Иверского монастыря, XVII век. Учётчик отметил в описи, сделанной в 1924 году, что на титульном листе имеется надпись: *«Сия книга Иверского монастыря казенной библиотеки. Взял на учет и подписал в 1827 году архимандритъ и кавалеръ Герасим Гайдуков»*. Очень милая отметка. По ней можно искать потерянную книгу, ведь старые чернильные буквы невозможно ни стереть, ни выскоблить.

Пропали коллекции Службников в кожаных, холщовых, атласных, бархатных переплётках, в серебряных ризах. Не сохранились бесценные дары, сделанные патриархом Никоном Валдайскому монастырю: Евангелия, Службники, Каноники... Все с личными автографами и пожеланиями святейшего Никона. А на титульном листе Евангелия была сделана провидческая надпись потомкам: *«...а еще кто преобидит Дом пресвятая Богородицы на Валдайском озере и кто святую книгу изнесет, того судите по правде, яко святотатца»*.

В музее хранились богатейшие библиотеки губернских монастырей: Антониева, Десятинного, Зверина, Иверского, Клопского, Колмовского, Мало-Кирилловского, Савво-Вишерского, Сыркова, Оттенского, Рдейского, Юрьевского... Все монастырские книги имели инвентарные номера, печати, различные надписи-пометки, свидетельствующие о принадлежности владельцу.

Увезены в Германию бывшие частные библиотеки князя Васильчикова, богатых местных коллекционеров Передольского, Струговщикова. Библиотека Передольского — археолога, краеведа, основателя музея Древностей — состояла из более чем одиннадцати тысяч редчайших экземпляров.

Часть собрания была обнаружена в Риге на складах Розенберга в 1945 году. Из Риги было возвращено более тридцати тысяч раритетов. В том же году в Новгород из Германии было переправлено около тысячи книг. Новгородские сокровища были найдены в тайниках Альпийских гор.

В Сырковом монастыре обитала монахиня Вера Молчальница. Людская молва гласит: она была из блаженных, почитасма верующими. К ней обращались за исцелением души и тела. В списке утерянных художественных ценностей нет-нет да и мелькают вещи, принадлежавшие ей. Это и зонтик с серебряной ручкой, и образок со Спасителем, финифтяной, и самоварчик медный, литой, 1670 года.

Самоварчиком монахини, возможно, пользовался командир 38-го армейского корпуса, генерал артиллерии германской армии Курт Герцог. По показаниям его адъютанта Дитриха Фибана, генерал споласкивал руки из самовара. По распоряжению Курта Герцога из музея были взяты мебель, изысканная фарфоровая посуда для повседневного пользования, ранее принадлежавшая Васильчиковым. Понравившиеся вещи немецкие офицеры тщательно упаковывали и отправляли домой, родным в Германию.

Свидетельствовал военнопленный майор Клаус Пельхау, бывший начальник канцелярии: «По приказу Герцога в ноябре 1943 года начальник отделения I-Ц передал мне письмо, адресованное на имя Герцога. Я его зарегистрировал. Содержание письма было следующее: бургомистр г. Инстенбурга сообщал, что он благодарит генерала за подарки из России, а также очень ждёт обещанный большой подарок, который генерал хочет преподнести городу». Обещанным подарком был знаменитый новгородский исторический памятник «Тысячелетие России».

В 1942 году по приказу Герцога были сняты золотые покрытия с куполов Софийского собора и с Георгиевского собора Юрьева монастыря. Полностью было разграблено внутреннее убранство храмов. Золотые и серебряные вещи отправлялись в Германию на переплавку: из них изготавливались портсигары, пепельницы, значки.

На следствии адъютант Фибан подтвердил: «Я лично присутствовал всегда, когда генерал Герцог вручал в качестве подарков кубок, подсвечник, картину из музейных вещей и плюс к этому — вещи, сделанные на немецкий вкус из переплавленных золотых и серебряных предметов, офицерам, которые уезжали в отпуск или же переводились в другую воинскую часть. При этом Курт Герцог заявлял: „Это вам на память о взятии Новгорода и нашей службе в доблестном 38-м армейском корпусе“. Солдатам также вручались подарки, но попроще».

Показания свидетелей, военнопленных, а также очевидцев грабежа сестёр Натальи и Татьяны Гиппиус подтверждают, что вещи из музея отправлялись и по частным адресам: на имя генерала Курта Герцога; генерала Фридриха Мюнха, начальника команды полевой жандармерии № 438 штаба 38-го армейского корпуса; капитана Иозефа Руппрехта, коменданта полевой комендатуры № 60.

Из свидетельских показаний на судебных процессах можно представить, что не только ценности, но и многочисленные ящики с картотекой, фото- и архивными материалами были отправлены в Германию. То, что не смогли увезти, — уничтожили. Конечно, вещи могли погибнуть и в огне пожаров, быть развезёнными по дороге...

К.С. Десятков

**Великий Новгород в эпоху петровских преобразований.
Конец XVII — начало XVIII в./Составители: Анисимов Е.В.,
Базарова Т.А., Болотина Н.Ю. Великий Новгород, 2007. — 383 с.**

Каждый, кто занимался исследованием прошлого Великого Новгорода, не раз сталкивался с характерным противоречием: источники по истории города периодов XII–XIV вв. или, к примеру, XIV–XVI вв. вполне доступны (они опубликованы и имеются в достаточном количестве в библиотеках), а с документами конца XVII — начала XVIII вв. ситуация складывается диаметрально противоположная. В силу ряда причин большинство письменных источников по истории петровской эпохи оказались сосредоточены в столичных архивах. В Москве это Российский государственный архив древних актов (РГАДА), в Санкт-Петербурге — Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН). При этом документы, отражающие судьбу Новгорода в XVIII веке, до сих пор по большей части не опубликованы и остаются малоиспользуемыми.

Такое положение дел объясняется также существующими стереотипами: в российской историографии закрепилось представление о том, что Новгород переживал расцвет в XIV–XVI и постепенный упадок в XVII–XIX веках. Действительно, на первый, достаточно поверхностный взгляд, история Господина Великого Новгорода гораздо интереснее, она более уникальна и насыщена событиями, нежели прошлое провинциального города, находящегося в тени Москвы и Петербурга. При этом упускают из виду ту огромную роль, которую город, занимавший одно из ключевых мест на северо-западе страны, сыграл в переломный для России период Северной войны (1700–1721). Не часто вспоминается и тот значительный вклад, который был сделан Новгородом в дело основания и становления на территории его бывших владений новой российской столицы — Санкт-Петербурга. Начало XVIII века — это время, когда материальные ресурсы и человеческий потенциал Новгородской земли были использованы Петром I максимально полно. К сожалению, по мере возвышения Петербурга значение Новгорода постепенно уменьшалось, в глубь веков уходила слава некогда могучего центра Древней Руси; он превратился в обыкновенный уездный город, в котором проезжающие привыкли задерживаться ненадолго на пути между двумя столицами. Не случайно печать «провинциальности» до сих пор во многом довлеет над Новгородом.

Поэтому выход в свет сборника документов «Великий Новгород в эпоху петровских преобразований. Конец XVII — начало XVIII в.» явился не только долгожданным, но и, несомненно, знаковым событием. По замыслу авторов-составителей, сборник призван оживить интерес к прошлому Новгородской земли,

стимулировать стремление к его изучению, а также по-новому осветить недостаточно известные страницы исторической биографии города. Впервые ставшие доступными широкому читателю материалы, хранящиеся в центральных архивах, способны стать отправной точкой для новых исследований. Все это, без сомнения, может служить повышению значения Великого Новгорода, должно напомнить о его заслугах, прежде всего для молодых новгородцев.

Основная аудитория сборника — студенты, аспиранты, преподаватели, занятые изучением истории Новгородского края. Но и массовый читатель, равнодушный к исторической судьбе родного города, имеющий вкус к старине, откроет здесь для себя немало ценных сведений. Сборник наглядно демонстрирует, что даже отдаленная и кажущаяся нам малоинтересной эпоха, представленная письменными документами и свидетельствами, начинает лучиться такими «гранями повседневности», что поневоле задаешься вопросом: неужели именно так и протекала жизнь наших предков? Неужели все это происходило в действительности?

Дело в том, что реальность такого сложного и противоречивого времени, каким явилось начало XVIII столетия, превосходит порой самые смелые ожидания исследователя. С начала 1700-х гг. Новгород в силу своего географического расположения оказался в эпицентре исторических событий. Ему довелось не только напрямую столкнуться с всепоглощающей энергией и активностью Петра I, занятого созданием новой русской армии и планами по возвращению России ее исконных владений и разделить радость первых петровских побед, но и вынести на своих плечах тяжесть всей его преобразовательной деятельности. После поражения русской армии под Нарвой Новгород, во избежание повторения событий начала XVII в., пришлось укреплять буквально «всем миром». Наряду с солдатами, горожанами и крестьянами на работы по возведению новых и ремонту старых укреплений были привлечены даже монахи окрестных монастырей во главе с новгородским митрополитом Иовом. Сам Петр, пробывший в городе до декабря 1700 г., подавал личный пример самоотверженного труда, не чуждаясь

тяжелой физической работы: под его руководством и с его непосредственным участием был возведён один из бастионов (большерков) второй «насыпной» линии обороны.

Параллельно происходило превращение старинного русского города в крупнейший центр реорганизации и перевооружения петровской армии. В Новгороде постепенно сосредотачиваются значительные воинские подразделения, делаются необходимые для армии запасы оружия, провианта и фуража. На Новгородской земле появляются галерные и лодочные верфи, продуктовые и пороховые склады, а также различные мануфактуры и производства военного снаряжения. Надолго врезалось в память новгородцев повеление Петра о снятии церковных колоколов с целью отливки из них новых пушек. И хотя для этого использовались старые колокола, к тому же, помимо колокольной меди, для изготовления современных орудий требовалось железо, данный эпизод весьма показателен.

Вся ответственность за укрепление города и создание здесь главной на Северо-Западе опорной базы русской армии была возложена на обрусевшего шотландца Якова Вилимовича Брюса, прославившегося позднее как «на государевой службе», так и в деле науки и просвещения. Именно Яков Брюс, назначенный генерал-губернатором Новгорода и главой Новгородского приказа, составил и разработал комплексный план мероприятий по укреплению обороны города, синхронизированный с планами ведения боевых действий в Прибалтике, согласованный с Петром I и им одобренный. Благодаря попечению Брюса в Новгороде были укреплены и модернизированы все три линии обороны города: кремль и Каменный город, Малый или Земляной город (сооружены шесть новых бастионов и пять рavelинов между ними) и Большой или Окольный город, переоборудован пушечный двор и Арсенал, а также введены в строй новейшие образцы крепостной и полевой артиллерии. Я.В. Брюс контролировал движение через Новгород предназначенных для армии грузов и изготовление в самом городе и округе различных воинских припасов для солдат, начиная от мешков и корзин и заканчивая штурмовыми лестницами и понтонными переправами (что также отражено в его переписке с Петром и его соратниками). В своих донесениях царю он даже затрагивает проблему сохранения местных дубовых лесов, предлагая временно изготавливать лафеты для орудий из сосны.

Петр I неоднократно бывал в городе в течение 1701—1702 годов. С именем Новгорода оказались связаны его первые победы: отсюда русская армия начала походы в Лифляндию и Эстляндию, отсюда же выступила к Неве с целью овладеть крепостью Нотебург. К 1703 году России были возвращены приневские земли Ингрии — древние владения Господина Великого Новгорода. Здесь весной 1703 г. была основана новая столица — Санкт-Петербург.

Его строительство сказалось на судьбе простых новгородцев очередными суровыми испытаниями. Главные тяготы возросших налогов и разнообразных повинностей (строительных в столице и работных в уезде, не говоря уже о подводной и постоянной) легли на плечи помещичьих и монастырских крестьян. Круглогодичные постойи многочисленных солдат и курьеров

иногда сопровождались насилием и прямым грабежом местного населения, когда даже необоснованные конфискации и произвол чиновников оправдывались высшими государственными целями. В то же время жители Новгорода и уезда страдали от многочисленных стихийных бедствий. С начала XVIII в. город переживает четыре крупных пожара (в 1700, 1706, 1709 и 1712 годах), в результате которых выгорела значительная часть Торговой стороны, а именно улицы Буяна, Рогатица, Иванская, Славная и Коржева, пострадал также Гостиный двор и несколько десятков церквей. А в 1709 г. случается сильное наводнение — улица Загородская была затоплена.

Помимо событий, непосредственно связанных с тяжелейшими испытаниями Северной войны, Новгород переживает кратковременное культурное возрождение, обусловленное активной просветительской деятельностью митрополита Иова и братьев Иоанникея и Софрония Лихудов, открывших в Новгороде Греко-Славянское и Латинское училища. Теперь образование могли получить не только дети дворян и крупных чиновников, но и обычных ремесленников, крестьян и духовных лиц. Что же касается митрополита Иова, то он превратился в настоящего «спасителя» для многих жителей Новгородского края, который защищал их от произвола столичных и местных чинов, а также заботился об обездоленных. К советам новгородского митрополита прислушивался как сам Петр, так и его сподвижники (А.Д. Меншиков, Я.В. Брюс, Г.И. Головкин и другие), со многими из которых Иов встречался и переписывался.

Однако ценность сборника заключается не только в воссоздании исторических событий и деятельности государственных лиц, но и прежде всего в том, что он даёт своеобразный срез жизни простых новгородцев. Публикуемые документы позволяют отчётливее представить особенности общежития, образ мышления, повседневные дела и заботы наших предков. На страницах сборника перед нами проходят люди разных возрастов и социального положения со своими интересами, профессиональными занятиями и судьбой. Перед мысленным взором читателя словно с высоты птичьего полета возникают крепостные стены и улицы Новгорода, его заливные луга и предместья, неторопливый седой Волхов и мелкие речушки Новгородского уезда. Он может войти в дом новгородца начала XVIII в., присутствовать на суде, где разбираются различные тяжбы и преступления, представить себе живого раскольника, «воров и разбойников» с новгородской дороги и даже животных из зверинца на дворе персидского посла, остановившегося в Новгороде на постой. Мы с удивлением узнаём об экспедиции в Новгородский уезд для поиска жемчуга, драгоценных и медных руд, о получении от новгородского дворянина некоей крестьянкой «вольной» и переживаем за дальнейшую судьбу школьников, сирот и подкидышей, определяемых в «науку живописную и столярную», а также на домовые работы.

При подготовке сборника использовались фонды высших, центральных и местных государственных учреждений, находящиеся в РГАДА. Многие редчайшие источники по истории Новгорода конца XVII — начала XVIII вв. сохранились в личной канцелярии Петра I —

«петровском Кабинете» (Ф.9). В разделе «Входящие письма» находятся донесения его сподвижников, поступившие из Новгорода в первые годы Северной войны. Здесь сохранилась переписка по вопросам строительства и ремонта укреплений города, устройства пороховых погребов в башнях кремля, поставках боеприпасов для армии и т.д. Ценные материалы содержатся в фонде Правительствующего Сената (Ф. 248). Они затрагивают военно-административные вопросы, а также такие аспекты, как землепользование, развитие торговли, промышленности и образования. Сохранилось немало интересных материалов о борьбе властей с воровством и злоупотреблениями чиновников. Большая часть информации сосредоточена в «массовых» источниках (ландратские книги подворной переписи 1715 г. с детальным описанием вотчин новгородских помещиков и монастырей и перечислением имён жителей города и окрестностей; материалы подушной переписи 1718—1724 гг. и её проверки по Новгороду и уезду; крепостные книги, в которых фиксировались сделки новгородцев за год). В РГАДА имеются документы, содержащие данные о землевладении и жизни новгородских монастырей (особо можно выделить фонд Юрьева монастыря — Ф. 1208).

В сборник включены материалы по истории Новгорода из различных фондов Архива СПбИИ РАН.

Это коллекция писем, записок и чертежей Петра (Колл. 277), коллекция Комиссии по изданию писем и бумаг императора Петра Великого (Колл. 270), Походная канцелярия А.Д. Меншикова (Ф. 83), записи расходных книг Адмиралтейской подрядной канцелярии (Колл. 95). Важными источниками по военной истории являются обыскные книги (годовые сметные росписи) Новгорода, содержащие сведения о состоянии крепости и описание пограничных застав. В Архиве СПбИИ РАН находятся фонды Александра Свирского (Ф. 3), Успенского Тихвинского (Ф. 132) и Иверского (Ф. 181) монастырей, раскрывающие различные аспекты церковной и монастырской жизни петровской эпохи, а также материалы о новгородской системе образования и попечения (о Греко-Славянской и Латинской школах, больницах и богоугодных заведениях) (Колл. 2).

Таким образом, сборник, состоящий из разнообразных и информативных источников, охватывает почти все стороны жизни Новгорода конца XVII — начала XVIII вв. и, несомненно, представляет большой интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей. Кроме того, он может быть полезен в работе студентов и преподавателей, интересующихся судьбой Новгородского края в нелегкую для России эпоху реформ и преобразований.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

АЗБЕЛЕВ Сергей Николаевич, доктор филологических наук, ведущий сотрудник РАН, Институт русской литературы, г. Санкт-Петербург.

БЕССУДНОВА Марина Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ЛГПУ, г. Липецк.

ВЕРХОЛАНЦЕВ Марат Михайлович, преподаватель средней школы (ныне пенсионер), г. Вельск.

ВИТУШКИН Сергей Фёдорович, заведующий отделом публикации документов ГАНИНО, главный редактор областной Книги памяти, г. Великий Новгород.

ДАНКОВ Михаил Юрьевич, научный сотрудник Карельского государственного краеведческого музея, президент КРОО «Осударева дорога», г. Петрозаводск.

ДЕСЯТСКОВ Константин Станиславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ДОНЧЕНКО Анатолий Петрович, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного института НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

ЕНИН Геннадий Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник РНБ, г. Санкт-Петербург.

ИГНАТЬЕВ Андрей Александрович, научный сотрудник Боровичского филиала НГОМЗ, г. Боровичи.

КОВАЛЁВ Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры Теории и истории государства и права НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

КОЛОТУШКИН Валерий Геннадьевич, старший

научный сотрудник отдела публикации ГАНИНО, аспирант НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

МАНЫЛОВА Оксана Сергеевна, студентка V курса отделения журналистики филологического факультета НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

МОРОЗОВА Людмила Евгеньевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва.

НАСУРДИНОВА Галия Камилловна, старший преподаватель кафедры ИиАР НовГУ им. Ярослава Мудрого, председатель благотворительного правозащитного историко-поискового фонда «История и судьбы», г. Великий Новгород.

НИКОЛЬСКАЯ Татьяна Кирилловна, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский христианский университет, г. Санкт-Петербург.

ПОВЕТКИН Владимир Иванович, директор Центра музыкальных древностей, заслуженный работник культуры России, Почётный гражданин Великого Новгорода, г. Великий Новгород.

ПУЛЬКИН Максим Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы, истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск.

РАБИНОВИЧ Яков Николаевич, историк-документовед, сотрудник кафедры истории России исторического факультета Саратовского государственного университета, г. Энгельс.

САВИНОВА Ирина Дмитриевна, член Союза журналистов России, г. Великий Новгород.

ХОХЛОВ Илья Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры ИиАР НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

*Перепечатка материалов и использование их в любой форме разрешается по согласованию с редакцией, ссылка на «Чело» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.*

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

173003, Россия, Великий Новгород, ул. Саши Устинова, д. 1, каб. 6507.

Телефон: (8162) 62-75-85, e-mail: chelo@list.ru

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. номер 013934.

Подписано в печать 29.05.2008. Заказ № 537. Бумага 80 г/м².

Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (8162) 73-76-76.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Главный редактор — Елена БАРКАНОВА

Ведущий редактор — Елена ИПАТОВА

Инженер-программист — Ирина СМИРНОВА

Редактор отдела — Нелли ПШАНСКАЯ

Редактор отдела — Александр КУДРЯШОВ

Графика на обложке Владимира ПОВЕТКИНА